

ОООП «Литературный фонд России»
Ростовское региональное отделение
Союз писателей России
Ростовское региональное отделение
Литературно-художественный альманах
Юга России

«ДОН и КУБАНЬ»

№1 (14) март 2012 г

Главный редактор Г. В. Студеникина

Редакционная коллегия:

А. Г. Береговой, Ростов-на-Дону
В. А. Воронов, Ростов-на-Дону
Н. И. Дорошенко, Москва
Н. А. Зиновьев, Кореновск Краснодарского края
Х. Х. Кауфов, Нальчик
И. Н. Кудрявцев, Ростов-на-Дону
В. И. Лихоносов, Краснодар
С.Н. Макарова, Краснодар
А. Н. Можаяев, Можаяевка Ростовской области
Н. В. Переяслов, Москва
Н. М. Скрёбов, Ростов-на-Дону
Б. М. Стариков, Тихорецк Краснодарского края
Г. Н. Ужegov, Тихорецк Краснодарского края

Адреса обязательной рассылки альманаха: Литературный Фонд России
Союз писателей России
Союз российских писателей

Ростовское региональное отделение ЛФР

Ростовское региональное отделение СПР

Ростовское региональное отделение СРП

Краснодарское региональное отделение СПР

Краснодарское региональное отделение СРП

Министерство культуры Ростовской области

Министерство культуры Краснодарского края

Донская публичная библиотека

Кубанская публичная библиотека

Районные и городские библиотеки Ростовской области и Краснодарского края

Содержание:

Мемориал

Николаю Михайловичу Карамзину – 250 лет. 3

Проза

Геннадий Селигенин. Дети воды. Повесть. 5

Алексей Береговой. Красавчик. «Эх, Фаина!» Рассказы. 55

Анатолий Рощупкин. Ночная беседа. Рассказы. 75

Фёдор Герман. Немчик. Рассказ. 85

Поэзия

Галина Студеникина. В солнечных объятьях. Стихи. 50

Алексей Сазонов. Вот так! Стихи. 70

Кнаррик Хартавакян. Не верь, что тебя обманули. Стихи. 81

Леонид Дьяков. Солнце тонет в золотой реке. Стихи. 92

Светлана Супрунова. Я пока осталась... Пародии. 139

Симон Нерсесян. Цвет моих воспоминаний. Стихи. 145

Публицистика

Людмила Малюкова. О времени и о себе. Критика. 150

Памяти писателя

Владимир Моложавенко. А был ли клад Батыя? Очерк. 154

РОДНИК

Победители номера 3 (13)

Леонид Авксентьев. Ничуть не жаль. Стихи. 98

Юрий Иванов. Понаехало тут... Стихи. 99

Страницы прозы

Михаил Серопоршнев. Наглец. Рассказы. 100

Татьяна Биньковская. Разговор с капризной сеньорой. 106

Рассказ. 106

Вячеслав Зименко. Фееричность черешен. Рассказы. 112

Тамара Привалова. Родники. Эссе. 126

Елена Чудакова. Однажды весной. Эссе. 129

Поэтические строки

Роза Агоева. Соавтор этих строк. Стихи. 102

Леонид Север. Куплю, поедем, подожду... Стихи. 109

Игорь Антонов. Поэты подлежат участию. Стихи. 129

Детям

Тамара Иванченко. Удачная рыбалка. Рассказ. 131

Татьяна Константинови-Морозова. Что за чудо!.. Стихи. 135

Татьяна Сенчищева. Сила любви. Сказка. 136

ББК 99(2Рос-Рус)77

А-90

ISBN 978-5-87612-032-4

Альманах «Дон и Кубань» № 1 (14) март 2012 г.

Издатель: Ростовское РО ОООП «Литературный фонд России»

ООО «Издательство «Донской писатель»

Над выпуском работали:

Редакторы Атланова Н. С., Студеникина Г.В.

Художник Коновалова Н.Я.

Фотохудожник Бородулин Н.И.

Директор издательства Береговой А.Г.

Тираж 900 экз.

т.ф. 8-918-599-67-51; 8-988-567-43-95; 8-918-854-80-59

e-mail: donpisatel@yandex.ru

Альманах

«Дон и Кубань»:

Альманах

распространяется

на территориях

России и стран

СНГ бесплатно.

*

Содержание

альманаха не

всегда отражает

точку зрения

редколлегии на

затронутые

авторами темы.

*

За точность

имён, фактов

и цифр

ответственность

несут авторы.

*

Редколлегия

оставляет за

собой право

не разъяснять

авторам причины

отказа

в публикации их

произведений.

*

Рукописи не

рецензируются и

не возвращаются.

*

Все произведения

публикуются в

альманахе пока

на безгонорарной

основе. Авторам

предоставляются

бесплатно

по 2 номера

альманаха (с их

публикациями).

*

Конкурс!

См. на стр. 138

**Николаю Михайловичу
Карамзину
250 лет**

Россия отмечает 250-летие со дня рождения великого российского мыслителя, литератора, историка, общественного деятеля Н.М. Карамзина.

Титаническая деятельность Н.М. Карамзина воистину многообразна и многогранна... Писатель и критик, издатель и публицист, общественный деятель и журналист, филолог и историк... Как говорится, можно продолжать и продолжать.

Н.М. Карамзин был первым редактором и издателем первого в России детского журнала для маленьких читателей.

Совершив длительную командировку по шести странам Европы, юный тогда писатель создал интереснейшие «Письма русского путешественника». Эта замечательная и увлекательная книга не утратила своего познавательно-социального значения и поныне. Н.М. Карамзин подробно изучал экономику, науку, уклад жизни и общественно-государственное устройство Франции, Великобритании, Швейцарии и других европейских стран. Он ратовал за взаимовыгодную кооперацию и интеграцию России и Запада в науке, культуре, промышленности, личных контактах людей. Писателя восхитила планировка лондонских улиц и французская медицина, немецкая почта и швейцарский сервис. Впрочем, он рассмотрел в Европе того времени немало страшного и тяжелого нищету многих людей, социальное неравенство...

Маленькая повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» вызвала в России, и не только в России, огромный интерес. Он не являлся чисто литературным. Можно сказать, это был общественный интерес. Многие читатели, скорбя

о бедной юной крестьянке Лизе и о ее возлюбленном, аристократе ЭрASTE, человеке добром, но легкомысленном, посещали места, где побывали герои мелодрамы Н.М. Карамзина. Ведь прекрасные бытовые описания придавали повести особую достоверность, жизненную убедительность. Н.М. Карамзин считал (и в этом его большая заслуга), что люди простого звания равны в сфере чувств (пусть пока не социально) людям, находящимся «вверху». Знаменитая фраза писателя «И крестьянки умеют любить» стала поистине классической и прочно вошла в наш родной язык.

Будучи человеком консервативно-монархических убеждений, Н.М. Карамзин отрицательно относился к радикально-революционным методам переустройства общества. Но это не мешало великому писателю ходатайствовать перед императором о смягчении участи декабристов. Н.М. Карамзин полагал, что всякие социально-экономические перемены возможны в России только «сверху», что они могут носить лишь эволюционно-реформистский характер. Впрочем, такой образ мыслей отнюдь не мешал писателю-гражданину видеть отрицательные стороны российской жизни и во всеуслышание заявлять о них. В очень резких наказах, поданных императору Александру I в 1811 и в 1819 годах, Н.М. Карамзин прямо утверждал, что царствование императора разочаровало подданных. Он гневно обличал бюрократизм, некомпетентность, произвол, коррупцию власть имущих. Стояние дел в тогдашней России писатель выразил кратко, одним словом – «воруют». За свои гражданственные выступления он едва не поплатился свободой.

Грандиозным трудом Николая Михайловича стала его величественная «История Государства Российского». Увы, смерть не дала автору завершить «Историю». Еще в молодости, путешествуя по Европе, Н.М. Карамзин заметил, что во многих европейских странах давно написаны их «масштабные» истории... В России же тогда такого всеобъемлющего труда не существовало. Н.М. Карамзин решил исправить такое положение. Он справедливо считал, что история России не менее самобытна и интересна, чем истории государств Европы. Работая над «Историей» несколько лет, автор писал об исторических личностях, словно о живых людях, стремился выявить побудительные причины поступков исторических лидеров и народных масс. Он работал над «Историей», будто над литературным произведением. Поэтому в его «Истории» есть свои увлекательные сюжеты, яркие характеры, образы, завязки, кульминации и развязки. Придавая огромное значение роли личности в истории, автор одновременно отводил колоссальную роль в историческом процессе и народным массам. Он пытался в вышеназванных явлениях найти оптимальный и объективный подход, справедливый баланс.

***Б.М. Федин, зав. сектором библиотеки им. Куприна
МБУК «Ростовская-на-Дону городская ЦБС»***

Геннадий Селигин
член Союза писателей России
г. Ростов-на-Дону

Дети воды

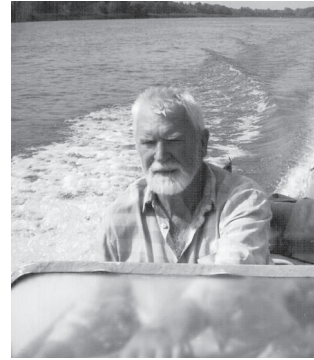
Повесть

«Ты есть, и я уж – не ничто».

Гёте

«...И он вспомнил и отца, и мать,
и дом, в котором родился».

Средневековые хроники

1. Стоянка современного человека

1. **Телекартинка.** Церковная площадь. Самая большая, ухоженная и почитаемая в городе. Выплетена брусчаткой. У её торгового-палаточного края, на фоне куполов собора и вихлявых поролоновых монстров, – дощатый помост с аркой и гирляндами мигающих цветных лампочек. За роялем – Эклер Дринтон. Играет и поёт. Голос хрипловатый, напористый, бьющий по нервам. У запрудившей площадь толпы вызывает полубморочный восторг. Скоро он переходит в тягучий рёв... Неужто они, все эти тысячи, понимают, о чём он?!..

Как бы то ни было, а заводит. Хотя «продвинутая» публика на взводе уже два дня – только самолёт со «звездой» коснулся полосы бетона.

А «звезда» поддаёт ещё больше жару. Запрыгивает на рояль, начинает исступлённо гвоздить каблуками. Слышится треск сокрушаемого благородного инструмента, жалобные стоны музыкальных органов. Эклер Дринтон не щадит и собственные органы. Колотит кулаками в грудь, по бёдрам, коленкам... Теперь – под музыку оркестра.

Толпа безумствует.

Её идол – приземистый, жидковолосый, рыжеватый мужичонка в замызганных джинсах и туфлях-лодочках с высоким каблуком. На мочке правого уха, на платиновой цепочке, висит золотой крестик с голубым сапфиром в бриллиантовой оправе.

Телеведущая: «Поражает юношеский задор и душевная молодость знаменитости. А ведь ему...».

Она с натугой, будто разбухшую шоколадку, проглатывает возраст звёздного шалуна. Оно и понятно: «юноше» шестьдесят три года. Через свёрнутую в желобок нижнюю губу ведущая сдувает с левого глаза крашеную чёлку. При этом лицо её млеет от сопричастия к великому происшествию.

Из затуманенной вечерними сумерками толпы вырываются совсем буйные особи. Ломают милицейское оцепление, карабкаются на помост, оккупируют рояль, беснуются – за компанию...

Телекартинка вторая. Вижу нашу Стоянку. Дальше, по всей Зелёной Косе, – деревья вперемешку с кустарниками и травами, с протоками и озёрцами, со скрытыми тропами и протесками... А-а, вот оно что... Всё это показывают с борта яхты.

На палубе в белом костюме, сверкающем жемчужинами, Эклер Дринтон, свита, журналисты, человек с гляцево-плакатным лицом – мэр города.

Телеведущая: «На другой день после концерта, перед отлётом на гастроли в Соединённое Королевство Бенландию, наш великий гость совершил прогулку по Лагуне. Особенно восхитила его бухта, где располагается стоянка маломерных судов, а также – роскошная флора Зелёной Косы...»

Крупным планом – лицо Дринтона, одобрительно щёлкающего языком. Язык почему-то синий, рыхлый, с желтоватым налётом, а зубы ослепительно белые, как у вставной челюсти... Похоже, оператор не особый поклонник таланта спланировавшего в наши края заморского дива.

Реклама. На весь экран – пучок свечек, отливающих всеми цветами радуги. Восхищённый, хватающий за душу, женский голос за кадром: «Жить без геморроя, это – великая радость!».

Глушу телевизор. Смотрю на часы. Ещё можно прикорнуть. Переворачиваюсь на бок и...

И опять оно! Одно и то же... Но с каждым разом всё ближе, всё откровенней... Кажется, вот-вот ухвачу... Но увьи!.. Кто-то колотит по крыше... Да нет, это в висках стучит.

Зажигаю свет, нащупываю кружку с холодным чаем. Делаю пару глотков. Мысленно благодарю Надю – чай травяного настоя, её сбора. Что называется, тонизирующий. Так с кружкой и выбираюсь на волю.

Рассеянный туман припорашивает Лагуну, застывшие у наплавных мостков, на берегу, между деревьями лодки, катера, яхты. Скрадываемый туманом свет фонарей едва намечает их, вызывая лёгкий наплыв грусти. Власть подышав, усаживаюсь на дощатой ступеньке.

Сновидение не отпускает. Я знаю, буду жить в его мираже до нового явления. И ждать, и ломать голову: а если?!.. А если это последний шанс?!.. И я не успею разгадать... Но ведь неспроста – одно и то же. И все отчётливей... Меня испытывают? К чему-то подводят? Дают созреть?... Кто? Зачем?... «Фу ты!.. – окорачиваю себя. – Так можно и с катушек соскочить».

Откуда-то из сиреновой мрети приковыляла Лайма. Укрепляется в копне света от лампочки под козырьком сторожки. Трогаю пальцами её серую с серебристым отливом шерсть. Обычно она протягивала на моих коленях тёплую голову. Я начинал гладить её, а она блаженно щурила прекрасные с радужными вкрапинами глаза. Теперь представляет собой бесчувственное полено. В глазах – отрешённость сродни слепоте. Пытаюсь расшевелить вчерашней косточкой из холодильника с приличным наростом мякоти. В ответ – полное равнодушие.

В свою конуру Лайма не заглядывала уже четвертые сутки. Я находил её где-нибудь под катером или чужой будкой, почти бездыханной, и сколько ни изобретал способов выманить – бесполезно. Она вроде и не замечала меня. Или не хотела знать. Но в рассветные часы являлась сама. Ни один отравленный мускул не выдавал её желаний. Да вряд ли и остались у неё эти желания. Однако нечто подкорковое тянуло к обжитому пятачку.

Маша, жена Хозяина, приглашала из города собачьего лекаря. Тот повозился с собакой, что-то повпрыскивал... Всё напрасно.

Лайма не укладывалась в расхожие понятия о сторожевых дворнягах, что полудикими сворами шныряли по Зелёной Косе или осели на её базах отдыха, иные – на таких вот лодочных стоянках, как наша «Заря». Хотя и состояла в родстве с их немалым числом. Но уж и красавица случилась... Все у неё подогнано по меркам матёрого лесного предка. И в то же время ненавязчивого, по-домашнему уютного.

Она не умела брехать, как прочие дворняги, с лицемерным усердием отработывающие свою похлёбку. Когда на Стоянку забредал чужак, перегораживала дорогу и слегка, словно предупреждая об опасности, поводила кончиком хвоста. И тут хоть проси её, хоть пугай – не дрогнет, не свернёт. Только с моего голоса или с голоса Маши отступит. А попался чересчур настырный, поднималась на задние лапы, передними же упиралась в грудь... От подобного «панибратства» любой запаникует.

Хозяину жаловались. Он, конечно, молчал. Молчал в силу того, что вообще не мог говорить. Только как бы ненароком целился живым глазом в мою сторону: мол, ну, и доколе?!.. По особому прищур и подёргиванию рваной щеки угадывалось, – он совсем не против, если я найду взамен что-нибудь попроще.

За глаза его звали Бабуином. Кто – от застарелой неприязни, другие – шутки ради, из желания укоротить несуразную фамилию – Бабуинников. Таких, верил, гораздо больше.

Постоянных клиентов Лайма привечала по-своему, по-собачьи, – подойдет и, сдержанно поводя хвостом, приложится влажным носом к руке. А уж Маша, жена Бабуина... Подурчиться, погонять наперегонки у неё выходило ничуть не хуже, чем у десятилетней Полинки... Радостное поскуливание и заливиственный смех – другой раз чуть не на всю Стоянку. Но стоило женщине поднять руки (мол, сдаюсь), – Лайма тут же садилась перед нею, виновато опускала хвост. Маша гладила её за ушами, потом: «Ладно, побаловались и – будет. Иди, работай». Лайма послушно поднималась и, помахав на прощание хвостом, шла к сторожке.

Кроме меня и Маши, на Стоянке обитало немало таких, кто душой переживал за здоровье необычайно доброго и умного существа. Надя какую только целебную траву не подсовывала. А Лайма даже «носом не вела». Видно, уж что-то сильно мерзкое попало в неё. Оставалось надеяться, – всё обойдётся, и опыт предков подскажет животному, как одолеть свой недуг. Не зря ведь ходят легенды о собачьей живучести и способности к самолечению.

Мои пальцы задерживаются на шее Лаймы. Не сразу соображаю, в чём дело. Потом доходит: нет ошейника. Шерсть на том месте оставалась примятой, и даже слегка вытерлась. Но самого ошейника не было.

Ошейник с бронзовыми шипами подарила Маша, когда Лайма бегала еще в кутях. Мол, ошейник – для непонятливых: псина не какая там приبلудная, у неё есть хозяин. Этот ошейник как бы возносил её на вершину иерархической собачьей лестницы, отмечал избранность, понуждал к большему почтению. И вот...

Вызревающий день постепенно одолевает ночную сонливость. Пора гасить фонари. Как обычно, зову Лайму, но она отворачивается и бредёт прочь.

Из воды, из поредевшего тумана вырастает внушительное сооружение типа кентавра, правда, о двух головах. Мужская натура упирается в землю, женская лепится на плечах как продолжение. Это продолжение хохочет так заразительно, с таким откровенным восторгом от собственного бытия, что нутро моё пронимает тоскливым холодком.

Изгибаясь мангустой, женщина «полоскает» свою жертву руками, «шпорит» голыми пятками. У «жертвы» мощные ноги, щедро покрытые, как и грудь, как и всё прочее, курчавой растительностью, что и приближает к мифическому обитателю древних чащоб, добровольно сдавшемуся в плен божественной нимфе.

Хозяин и хозяйка любили ни свет, ни заря принимать нагишом морские ванны.

Маша, не переставая заливаться смехом, приветствует меня вскинутой ладошкой.

2. С ленивым брёхом выдвигаются два лохматых кобеля по кличке Бакс и Боцман. Оpozнав «своего», спускаются к воде, где Ваня Аникин ладит рыболовные снасти. Он же справляет обязанности охранителя второй половины Стоянки.

Под вязом, на скамейке, покрытой ковриком, сидит его жена, Надя. Она держит на коленях альбом. Заглядываю через плечо. Карандашный рисунок соцветия. Опушенные листочки обрамляют семь звёздчатых цветков. Что-то вроде причудливого венка или короны. Это не первый её набросок, который я наблюдаю. Сейчас, по моему разумению, он почти готов. Остаётся перенести на холст и раскрасить.

Надя поднимает голову, минуту-другую задумчиво смотрит вдоль Лагуны. Потом что-то исправляет, добавляет к рисунку. Невольно слежу за её взглядом. Покрытая дымкой тумана Лагуна, дальше, – будто затаившее дыхание чудище, едва угадываемый развал моря.

Никакой цветочной натуры – и в помине. Но хватает мозгов умолчать об этом.

Желаю доброго утра. Мне: «Вам тоже доброго» и улыбка.

Спускаюсь к Ване. На моё «Привет!» он трясёт головой. А зажатый зубами за наконечник-прищеп бронзовый колокольчик отвечает весёлым звоном. Рука занята спиннингом. Вторая усечена по самое плечо. По бокам мшелыми колодами – Бакс и Боцман.

Против дерева, в выбитой волнами симпатичной заводи, отфыркиваясь и взбивая воду, кувыркается шестилетний Иван Иванович, сынишка Аникиных. Кувыркается вместе с большущим полосатым мячом. Он то взбирается на него, то бодает, подбрасывает...

Аникин раскачивает грузило с целым набором крючков, швыряет в такую даль, что я даже всплеска не вижу. Подматывает катушкой ослабевшую леску, устраивает на рогулинах спиннинг. Нацепляет колокольчик и уж после этого протягивает руку.

– Привет.

Ладношкa ничего себе, ухватистая, с тугим пластырем мозолей.

– Вот, решил пораньше... Вроде кефаль зашла. Ну, а ты, киллера Лаймы нащупал?

– Киллера?.. – Что-то похожее и у меня бродило, но я гнал его. Лишать животное жизни за его ум и верную службу? Наверное, и такие найдутся. Но Ване говорю другое:..

– Думаю, она сама какой-нибудь тухлятиной отравилась.

– К-о-о-стя... – с досадой тянет Ваня, – собаки – не люди, тухлятину на нюх не переносят. А уж Лайма!.. Ей что, свежатины мало? Почти каждый прихватывает что-нибудь с «Бугра»...

– Ладно, мальчики, я пошла. Хочу амброзию выполоть. Утром она не такая злая, – останавливает нас негромкий голос Нади. – А Ивану, может, довольно?..

– Посиди ещё! – просит Ваня. – Вон и солнышко уже... Амброзию выдержгаю сам.

– Ничего, я потихоньку. Валерий вчера тяпку так наострил...

Лицо женщины в свете нарождающегося дня кажется мне бледнее обычного.

– Надежда Васильевна, спасибо за травку. Чай получился!.. Прямо летать охота. А не т а ли это травка?..

– Не переживайте. Мята, душица, земляника, буквица, ромашка, брусника и т. д. Правда, не все в одном – в разных флаконах. Но это уж – на ваше усмотрение. Хотите летать – одно, а если уснуть покрепче – другое. Да мы с вами обговаривали... Так что – на здоровье.

И опять эта улыбка. На её немного печальном лице она всегда неожиданная, трогательная и при этом светлая, естественная, как само дыхание.

Случалось, при ночном обходе Стоянки, я видел их под вязом, на скамейке. Ваня

держал пальцы жены в своей ладони, и они молча смотрели на воду, окропленную мерцающими огнями – отражением Луны и береговых фонарей. Дальше, по другой стороне Лагуны, мостился вздутым гигантским термитником костяк города со струпами высоток на его скатах. И потому у нас говорили – пойти не в город, а пойти на «Бугор».

По ночам из его макушки вылуплялись многоцветные монстры. Они дёргались, кривлялись и выглядели особенно глумливо и зловеще в россыпи фейерверков и клубов дыма. Под бьющее по мозгам «буб-бум» город забавлялся дутыми игрушками.

– Иван, может, хватит?! Выгребай, – зовёт Аникин сына. Тот вроде и не слышит, продолжает колобродить. – Мы с дядей Костей – наверх. А ты остаёшься за главного. Клонет, – колокольчики гремучие, услышу – прибегу. Но ты всё же поглядывай.

Задание серьёзное, и, видимо, оно заставляет мальчика выползти из воды.

– Ага, так и услышишь! – В голосе – нескрываемая усмешка. – Жилку, гляди, натянуло... Некуда дёргать.

– Ну, подвесь рядом с колокольчиком грузило. Пожалуйста.

– Хорошо! – На этот раз ребячий голос довольный. И уже вослед:

– Ваня, ты мне потом банан принеси, лады?

– Бананы закончились.

– А что есть?

– Огурец.

– Годится.

Мы поднимаемся к сторожке Аникина, скворечником прилепившейся на взлобке берега. Псы, отталкивая и покусывая друг друга, жмутся к Ваниной ноге. Он по очереди гладит их, а они лизут руку и от удовольствия рыкают.

– Как ты их различаешь?

– А у которого на ногах лохмы с зеленцой, – Бакс... – Ваня хочет что-то ещё добавить, но опережает строгий мальчишеский голос:

– Бакс, Боцман, – ко мне! Место!

Виновато поджав хвосты, псы возвращаются к Лагуне и теперь занимают сторожевую позицию по бокам Ивана Ивановича. Восходящее Светило играет блестящими бусинками воды на его розовеющей попе.

Воду Аникин-младший обожает до самозабвения. Я помню, как впервые, только научился делать первые шажки, выпал из коляски и рванул к Лагуне. Пришлось отцу при полной амуниции бросаться за ним в холодную купель... К концу следующего года малыш плавал не хуже дельфина, причём выбирался из воды когда уж очень попросят.

Он являл собой этакого монументального битка. Крепкое мужское начало проявлялось в нём сызмала. Будущий Добрыня Никитич угадывался. (Чур, не перепутал бы потом в какую сторону *от того* Камня-развилки скакать). Игрался с одинаковым азартом и со сверстниками, и с детьми постарше. Забавлялся нехитрыми затеями типа догонялок или прятков, лепкой из песка крепостей, башенок, пинал мячи. С особым удовольствием выстругивал и пускал кораблики. Но мигом бросал всё, стоило родителям позволить искупаться.

Был покладист и уступчив. Видно, за это дети звали его Ванечкой, чужая, однако, в нём скрытое превосходство. Особенно девчушки почитали. А вот снисходительного поглаживания и похлопывания взрослых не принимал. Отца и мать чтит, конечно, но звал, как близких корешей, – Надей и Ваней. Чужих никак не называл. Обратятся – ответит, если по-серьёзному обратятся, а как с подковыркой – промолчит. Сам никогда и никому не навязывался, ничего не просил. Ну, а те его – Иваном Ивановичем.

чем. В отместку или забавы ради – это его нисколько не трогало. Он проходил мимо твёрдым потяжистым шагом со вскинутым кулачком-подбородком. Никто ни разу не слышал от него жалостного хныканья. Родители, само собой, не величали его по отчеству, но всё равно солидно – Иван. Сын принимал это, как должное. А вообще, – был бесхитростным существом. Но иных его недетская сдержанность и серьёзность приводила к мысли: «О-о-го-го, этот парень себе на уме»...

– Слушай, а у тебя есть графитная смазка? – спрашивает Аникин.

– Надо поискать. А что?

– Да я с двигуном Хирурга совсем забодался. Видать, ни разу не заглядывал. Тараканы уже... Ржавчиной питаются.

Перед сторожкой, на верстаке, – полуразобранный мотор. Починка моторов – и увлечение, и приработок Аникина. Между делом, да и в свободное от дежурств время, отливал также грузила, мастерил кормушки, колокольчики и прочие снасти. Не давал себе и малой поблажки. Точно хотел кому-то доказать: я – не хуже!.. По крайней мере, забрасывать спиннинговые донки наловчился похлеще иных рыбацков, которые со всеми конечностями. Одно время даже «виски» гнал. И тут немало преуспел. От братьев-рыбаков отбоя не было. К слову, себя не баловал. Пробу, само собой, снимал. Как без этого на хорошее качество выйти! Однако Бабуин не одобрял сам промысел.

«Лавку» Ваня прикрыл. Это немало подрезало его бюджет, но опечалило не слишком. И не столько из-за особых отношений с Хозяином Стоянки. Самого другой раз поджимало от выгонки развесёлого зелья. Нехорошо поджимало. Особенно когда «благодарные» клиенты прибывали за очередной порцией почти на карачках...

Широкая скамейка под навесом с игрушечным, изрядной величины корабликом. Уже заметны очертания фрегата. Ваня явно натаскивает сына на серьёзные поделки.

Меня подкалывал один вопрос. Но не хотелось в большое – со всего маха. Потому забрёл издалека:

– Ваня, а почему – Надя?.. У нас что, некому заниматься амброзией?

– Нашему Рудольфу не до амброзии. У него с мусором завал. Квасит по-чёрному... Аким не знает уже, что делать. Кабы не дочурка его, Полинка... – Он протирает ветошкой край верстака, подтягивает к себе коленвал, начинает протирать и его.

Аким, Аким Родионович, как раз и был Хозяином нашей Стоянки. Пожалуй, Ваня Аникин да Руслан-Ихтиолог не «погоняли» его за глаза Бабуином. Я-то вообще помалкивал. А как приходилось общаться, – только на Вы. По-другому долги не позволяли. Впрочем, он знал о своей кличке. Больше того, сам затвердил её принародно «Манифестом Бабуина».

А Ваня:

– У Надюши теперь каникулы... Два месяца. Ну, а всякое движение, как и рисование... В общем, пока нормально...

Однако с голосом его не всё нормально.

– Что, неважно? – срывается у меня *тот* вопрос.

– Да как тебе сказать... Этой самой химии накушалась под завязку. А дальше... Ты знаешь, что у наших эскулапов дальше... Резать. А Надя... Одним словом, занялась травами. Ей одна травница... монахиня Пелагея, целый букет расписала. Из семи названий. Шесть отыскала. Ну, собрала. Кое-что даже на Зелёной Косе. А вот седьмой – цветок... Он и называется – Семиродок. И будто жень-шень – «корень жизни», против него – пресная соломка. Пробовала она того жень-шеня... Может, кому и помогает, но ей... – Ваня удручённо ведёт головой. – А Семиродок? С ним проблема...

– А что же знахарка?

– То-то и оно... – Аникин разворачивает коленвал и принимается шлифовать меловой пудрой. – Понимаешь, он в наших краях вообще не водится. Сама Пелагея узнала о нём аж в молодые годы, от собственной бабули, тоже типа ведуньи. И, мол, без того цветка от прочих – польза малая. А растёт он где-то на каком-то острове. По горным склонам, у водопадов...

– На острове?!

– Ну да. А ты что?..

– Да ничего, просто... А остров называется?..

– В том-то и дело – не помнит. Одно на уме: «Известкой оброс». Это она, я думаю, о кораллах. Но попасть на него даже в те, бабулькины, годы не всякому было дано. Мол, остров чистый только для чистых. Что-то в этом роде... Ну, понятно, – старушечьи побасенки. Или цену набивает своему бизнесу. А Надюша так уверовала в её цветок!.. Снится даже. При том в натуральном цвете. Один тут... Да ты знаешь его – Боря Смиркин... Он ещё лодки меняет. Купит – не понравится, – продаст. Другую... Во-о-от... Этот Боря каким-то макарон пронюхал, что Надю цветные сны донимают и вконец извёл: вступай да вступай в его кружок. Он, понимаешь ли, открытие сделал: люди, которые цветные сны видят, настоящие гении. И, если наберёт таких примеров и докажет особый дар «цветников», то открытие сделает его Нобелевским лауреатом, а кружковцев на весь мир прославит... Чудило ещё тот. Сам-то, говорят, снами приторговывает. Намалует в записочке чего тебе хочется, запечатает в конвертик, поколдует над ним и – получай!.. Не только приснится, захочешь сильно, – сбудется. Главное – конверт на ночь под подушку сунуть... А тебе цветные картинки снятся? – как-то по-особому шурится Аникин.

Я молчу. Не хочется трогать эту тему. Особенно потешаться над нею. Слишком она царапает.

3. С другого края Стоянку замыкает речная протока. По её берегу – всё больше вёсельные да маломерные судёнышки с подвесными моторами. Мой «бегунок» в их ряду смотрится вполне...

Протока обросла камышом, осокой, и свежий озоновый настой окончательно разгоняет тягомотину ночи. У соседнего спуска – Ихтиолог. Он тоже замечает меня. После взаимного – «Салют!» – «Салют!» – целая тирада:

– За ночь вода в протоке упала, и обнажились человеческие безобразия. – Постоял, погромел вёслами, вставляя в ключины. – Кстати упала.

У Ихтиолога особое чувство юмора: любит иной раз подкинуть хорошо шлифованную, иногда похожую на заклинание, фразу. Будто вынутую из готового писания. Так, проходя мимо «отвязавшейся» компании, мог выдать: «Марево коллективной поддатоги окутывало Стоянку». На него не обижались. Но кое-кто крутил пальцем у виска. Правда, уже вдогонку.

Он служит водолазом. Не у нас, конечно, – по ведомству морского порта. В компании заядлых любителей рыбной ловли и толкователей этой бездонной темы не замечен. Но кличка Ихтиолог приклеилась. Наверное, потому, что добавлял её к имени «Руслан», когда знакомился. Зачем? А – шутник... Хотя кое-кто полагает, это фамилия у него такая.

На Стоянке Ихтиолог-Руслан славится больше как отчаянный уловитель «розы ветров». Парусник для такой забавы у него на ходу. Да, похоже, не слишком устраивают габариты. Вместе с Хозяином затеяли новый, «чтобы с выходом в Океанию». Собираются к осени опробовать. По бортам – уже и золотёное имя: **«Машенька»**.

Сутки – в порту, трое – на Стоянке. Есть ли у него на «Бугре» жильё, семья – никто не знает. Пилит, строгаёт, вырезает, сваривает, подгоняет... (Хозяин – больше на подхвате, доставалой материалов). А последнее время с утра пораньше Руслан

чистит протоку. Оно и «добра» поднакопилось... Моторы винтами уже скребут. «Выуживает» ржавые якоря, автопокрышки, набитые илом консервные и пластмассовые банки, целлофановые кульки, стеклотару, полуразложившиеся тапочки и рейтузы... Подобными «дарами» и в большом изобилии «царь природы» снабжает свою Прародительницу за её щедрость и простоту.

– Грустно, – роняет он.

– Всего-то?

Он пропускает мою усмешку.

– Как, по-твоему, отчего это в последнее время с таким накатом торнадо, цунами, пожары, землетрясения, разломы, выбросы огненной лавы? – Почти без паузы сам и отвечает: – Если человек царь природы, так кого же ей, Природе, «благодарить», как не этого самого «царя» за то зло, что он делает на земле и с землёй?!..

– И дальше что? – Честно говоря, от подобных стенаний мне уже выть хочется.

– Да что!.. Земля пытается скинуть со своего тела безумного наездника. Он никак не возьмёт в толк, что Она – и Дом его, и Защита, тоже живое, ранимое существо. Она пока предупреждает. Больно? Да. Ибо он, гомо сапиенс, по-прежнему со своей гордыней – из самых отвратных грехов. Ну и?.. Не мною сказано: сатана возгордился – с Неба свалился, Орфей гордился – в море утопился, мы гордимся – куда гонимся?.. Да хоть бы это!.. Спустились в преисподнюю, вытащили на свет божий и расщепили *лихо*, что дремало себе тихо... Якобы для полного и дешёвого ублажения теплом и светом. И что получаем? Двухголовых козлят, восьмиухих щенят, незрелых мальчат, ядовитых опят... А уж каким подарком обернётся оно потомкам, когда наткнутся на его могильники, скажем, через пару сотен лет... На его останки... *Лихо* это бессмертно в любой ипостаси. А у человека коротенькая память. Проклятия вскрытых через тысячелетия гробниц египетских фараонов забавной шуткой покажутся...

Надо бы, хоть из духа противоречия, вступить за Человека, имя которого «звучит гордо». Но как ни крути, увы, складывается не в его пользу. Человек всё бежит, хватается что подвернётся под руку, торопится куда-то, не глядя под ноги. А уж поднять голову, взглянуть на верхушки деревьев, где трепещет, восхищается подаренной жизнью «параллельный мир», вовсе недосуг.

– Или вода... Не обладай даром самоочищения, давно сошла бы с ума от всего, что с нею творим... Ну, заодно и сами рехнулись бы... А ведь и у неё есть предел... – Он смотрит на меня. Взглядец ещё тот – аж в пятках теплеет. Хотя не считаю себя слабаком. – Не спешишь?

– Что, помочь лодку сбросить?

– Да ладно! – Поигрывает бицепсами. Бицепсы – с гандбольный мячик. Делает свирепые глаза.

Оба смеёмся. Уж в агрессии-то он никогда и никем замечен не был.

– Сказка интересная пришла в голову, а главное – кстати... Хочешь?

Я смотрю на фонари. Кого-то сподобило погасить.

– Давай. Не длинная?

Он устраивается на корме.

– Короткая сказка. Как всякая правда... Один мудрец поведал своему народу: «Настанет день, когда вся вода в мире, кроме той, что будет специально собрана, пропадёт. На смену ей придёт другая вода. Но тот, кто вздумает пить её, сойдет с ума...» И вот наступил этот самый день. И опустели все водоёмы. Но через какое-то время снова наполнились водой. И люди жадно пили эту воду. И все, как один, сошли с ума. И только мудрец пил из своих запасов. И остался он один разумным среди безумцев. И безумцем назвали его. И тогда он вылил на землю запасы своей воды и выпил воды новой... И лишился разума. Но остальные были уверены, – он обрёл разум...

Ихтиолог снова плющит меня своим взглядом.

– Как считаешь, почему мы так играючи крушим, душим, потрошим Землю? И самое грандиозное, о расплате не думаем...

– И почему? – спрашиваю. Хотя причина и на слуху, и на виду: взрывчатая смесь, скрытая в приманчивых обёртках под названием «цивилизация». И чтобы побольше: «Мне! Мне!.. Ам!.. Ам!..» Ответ Руслана – из духа и сути этой причины, хотя вроде и неожиданный:

– Да потому, что разорена сама душа человека. Мы забыли кто мы, откуда и зачем. И если дальше будем мутировать, то...

– То станем называть друг друга разумными?

Сдержанная полуулыбка: дескать, а я о чём?! Потом снимается с кормы, легко сталкивает лодку.

– Надо бы сначала Землю вылечить. Вернуть ей свои долги. А то и Космос обделаем по её подобию...

«Уже обделали». – Это мой внутренний голос.

В маске, гидрокостюме, с баллоном за плечами и в ластах Руслан и становится похожим на астронавта. Выводит лодку в протоку, кидает якорь, потом и сам переваливается за борт.

Хоть этот, слава Богу, не из тех, какие только и умеют – щёки раздувать да воздух сотрясать.

4. Нос к носу сталкиваюсь с Валерой Дирибоком. На плече – черпак, в руке – ведёрко покачивается. Сопровождает его целая шайка разномастных кошаков. Впереди походкой звезды подиума Чернуха вышагивает. В глазах – стылая пустота профессиональной убийцы.

Всю эту свору он ведёт на утреннюю кормёжку. Через губу гнутым хоботком трубка свисает. Валера заведённым хронометром посасывает её через равные промежутки. Из ноздрей, как из спаренной трубы, – густые выхлопы. А вообще он весь из себя – этакий аккуратненький толстячок. Очки в тонкой позолоченной оправе, некогда кумачовый галстук с силуэтом оскаленной тигриной мордашки... Вид интеллигентного функционера «среднего звена» из прошлых времён. Есть в нём и что-то от футбольного фаната, готового пухнуть петарду в болельщиков противной команды. Я маленько огорчаю его:

– Руслан опять воду мутит. Наверное, всю кошачью радость распугал.

Подумал, что огорчаю. Валера, не вынимая трубки, каркает отрывистым, вороньим:

– Жа мной! В Лагуну! На бычка!

«Воинство» его послушно разворачивается.

– Спасибо, Валера! – кричу в спину.

– Жа шито?

– Так за фонари. Спасибо, что выключил.

Как ранняя птаха, он иногда, до моего подхода, отключал по утрам береговые фонари.

– Иждеваешься! Они тут шами вырубилешь. Ишчо ночью.

Выдёргивает трубку. Обычно подобное действие случается в пыли. Но не так часто. Валера живёт в согласии с самим собой, с любимыми кошаками. Вообще – с природой, какая она ни есть «в зоне его влияния». И никогда не насильничает. Драги, бурение вслепую хищными крючками, динамит, электрошоки, всё, чем наградила «царя природы» цивилизация – на такие «снасти» у него крепкое табу. А тех, кто занимается подобным мародёрством, и за людей не признаёт.

– Этот бывший Ляплевкин по дешёвке оторвал где-то халявный кабель. Я ещё тогда ему: «Куда ты суёшь гнильё?! Чуть перегрузка и – копец». А он: «Не лезь не в свои сани!» Я-то как раз – в свои. Я элетротехникум закончил, автошколу, заочный

университет марксизма-ленинизма... Меня на макоронной фабрике комсомольцы уважали. А ему даже из ментовки – шпенделя «за превышение». Тоже мне, капитан долбанный! И тут из пенсионеров выколупывал...

«Полоская» на чём свет стоит бывшего председателя Стоянки Севу Ляплявкина, выпивоху и бездельника, Валера, видимо, забывает, куда и зачем направлял свои стопы. Я же топаю за ним благодарным слушателем. Так, всей компанией и заворачиваем к его будке. Одна Чернуха продолжает безмятежное шествие к Лагуне.

На будке, во всю её ширину, жгучей бордовой краской – таинственная криптограмма: «Наше время придёт!» Прямо под нею – мопед и сенокосилка с моторчиком. Хирург, не слишком склонный к церемониям, как-то, при очередном «чаепитии» в его вельботе, спросил: «Валера Осипович, и откуда это ваше время придёт?» У Валеры от такого вопроса даже окуляры засветились. Он кинул рукой куда-то за край Косы, где начиналось открытое море. «Из Бермудского треугольника что ли? Партизаны?» – Хирург явно потешался. «Может, из Бермудского. Может, и партизаны». – Голос Валеры оседает до таинственного шёпота.

Боря Смиркин (он почти всегда проявлялся при остреньком) – в удивлении: «Олег Артурович, а вы-то как угадали?! В конверте у Валерия Осиповича именно это и было – острова в тумане. Но вас же при том не стояло!» Он притискивается вплотную к Хирургу и начинает пытаться, не видятся ли тому цветные сны.

А вообще-то Валера иной раз мог закрутить не хуже Ихтиолога. Так, на вопрос о здоровье обычно выдавал: «Моё ждоровье неуклонно улучшается!», чем приводил в немалое замешательство готового посочувствовать. Бывало нечто и с экономическим уклоном: «На фоне падения фондового рынка и рошта фьючеров моё ждоровье оштаётша штабильным». Когда же хотели проникнуть в эти фьючеры, подумав, отвечал: «Ну, ешли раштут, – жначит, кранты бабе Шуре».

Валерина будка и само невеликое подворье наглухо запечатаны листами плоского шифера. Сквозь зарешеченное окно высовывается чёрная труба «буржуйки». Во дворе же – чего только!... И штабеля дров, и шматки плёнки, и сваленные по углам запчасти и детали, топоры, бензопила, электродрель, лопаты, грабли... Под ногами – плоски-поварёшки с задубелым кошачьим кормом.

Но возносило Валеру над прочим стояночным людом иное богатство, а именно: пять или шесть клеток с ангарскими кроликами. Они толково расставлены на стеллажах. И, конечно, – сенокосилка с моторчиком собственного рукоделия, мопед по кличке «ишак», тоже самоделка. Ровно в половине девятого, накормив беспокойную, но хорошо вымуштрованную семейку, он седлает своего «ишака» и с ветерком вымётывает на «Бугор».

Валера верхом на мопеде, с пыхающей трубкой через губу и с рюкзаком цвета тухлого яичного желтка за плечами являл собой живой символ нашей Стоянки. Впрочем, далеко не единственный.

Незамысловатые дощатые времянки, обшитые металлическими пластинами ради пожарной безопасности, и зовутся по-простому – будками. Иные тянут на большее: утеплены, и в них можно даже зимовать. Но всё одно – будки. Поскольку Стоянку произвели ещё ветераны гражданской войны, – от них же осталась и память о «буржуйках». Эти гениальные творения (а, как известно, всё гениальное просто и вечно: лопата, колесо, самогонный аппарат) и вырабатывают тепло. Благо, холода держатся в наших краях не долго, да и не особо лютые. Выпадают сезоны, когда не только Река, – протоки не замерзают. О Лагуне и море уж и говорить нечего.

Топим «буржуйки» спиленным или свалившимся по собственной воле сушняком, а старожилы, как Валера, и заготовленным углём. Он с приближением осени небольшими порциями доставляет его из города в рюкзачке. Почему примитивные обогреватели называют «буржуйками» – для меня загадка. Может, потому, что и буржуинов когда-то сильно притиснуло, да так сильно, что подвигло на это изобретение?

Капитально проживают на Стоянке, большей частью – жильцы из «бывших», коим особо и податься-то некуда, да и незачем. Скажем, такие, как я. Конечно, мы поцивильней тех, кому для жизни выпали распады городских свалок. «Наши» платёжеспособные. «У нас тоже вроде бомжатника, но бомжатника элитного. У нас под боком и водичка, и мусор не абы какой, а с опарышем», – гордится Валера. В шутку или всерьез – поди разгадай. На опарыш-то воистину рыбка неплохо клюет.

Сам он тоже из «бывших», однако какой-никакой приработок и на «Бугре», и на Стоянке. Там – машины «лечит», у нас – электриком. И круглый год – в своей будке, с кошаками да кроликами. Хотя у него-то и городская квартира в порядке. Раз в неделю, по выходным, к нему «подгребает» жена Нора. «В городе у меня – сразу аллергия в виде чешотки», – признаётся Валера без смущения, даже с немалым вызовом, дескать, во какие мы! У Хирурга свой диагноз: «Видел его чесотку. Я бы от такой жены на самый высокий дуб заскочил. И не слезал до второго пришествия».

И ещё я думал вот о чём: мог ли почитатель кошек ненавидеть собак? Наверное, мог. Но чтобы травить... Об Ихтиологе и Ване Аникине подобное и в мыслях не держал. Хирург – тот вообще... Аким? Да нет! Хотя... Почему нет?!..

5. Я не сомневался, Хозяин знает уже о потухших ночью светильниках. Но мне-то надо показать, что и я в курсе. Ночью-то я глаза и уши Стоянки.

Два, отъездивших своё, автофургона, составленные наподобие детских кубиков, и есть «хоромы» Акима и Маши. Верхний – цвета пляжного песка. Под широколистой кроной дерева со свисающими бананами нежится загорелая до шоколада «сладкая парочка» (Надина работа). Иными чертами – вылитые хозяева. Особо любопытные специально заворачивают, дабы поближе разглядеть эти черты. Верхний фургон – под спальню, нижний, «салатный» (с известной копией-картиной рыболова, замершего с удочкой у воды), в непогожие дни – столовая. В нём – также всякие припасы: от рыболовных снастей до ящиков с картошкой и луком. Из окна тыльной стороны труба «буржуйки» выглядывает. Сторона эта изрядно обгорела. И как Хозяин ни драил, ни красил её, – вздутая корявая отметиная осталась. Правда, «буржуйка» тут не при чём.

Часть двора, накрытого навесом и заплетённой виноградной изабеллой, занимает крепко сколоченный стол с крышкой из травленых огнём паяльной лампы буковых досок. За ним, при случае, может уместиться гулевая компания, правда, не слишком раздольная.

Сами хозяева слынут людьми открытыми, хлебосольными. Самовар, сушки-пряники, ваза с сахаром, банка с вишнёвым вареньем, манговые цукаты, пустые чашки вразброс – всё говорит о том, что здесь уже почаёвничали или собираются... Где-то в тёмном закоулке мозговой извилины чиликает: «Идиллия. У самовара я и моя Маша...» А ещё, когда только подходил, из двора мимолетным мазком скользнула фигурка.

Открываю рот, чтобы обозначить себя... И тут, под навесом, на гвозде, замечаю свёрнутый коброй ошейник с бронзовыми шипами.

Ошейник отравленной Лаймы.

Двор покидаю виноватой тенью. Сам не знаю почему...

Ступеньки сторожки, где я сидел какой-то час назад, теперь занимает белокурое создание с голубыми глазами – дочурка Рудольфа. Глаза – «на мокром месте». Девочка ласкает голову Лаймы, жмётся к ней лицом, что-то шепчет. Странно, Лайма вернулась. Перестает стыдиться своей немощи? Тогда ей, видно, совсем худо. Решила окончательно попрощаться?

– Полина, а папа где? – говорю первое, что приходит на ум.

Плечи девочки вздрагивают, словно от испуга.

- Папа с тележкой на «Бугор» пошёл. Бутылки сдавать. И хлебушка купить.
- А ты почему убежала... там, из-под навеса? – Говорю опять же наугад, вспомнив мелькнувшую укороченную тень.
- Я думала, Бабуин...
- Ты боишься Акима Родионовича? Почему? Он тебя обижает?
- Он папу из боцманов выгнал. – Полинка обнимает мёртвенно застывшую Лайму. – Хорошая моя, не плачь... – У самой же слёзы – из обоих глаз...

Я улёгся подремать после суточного дежурства, как в дверь постучали. Да с такой дробью, будто пожар. Выглянул из будки. Полинка.

– Там!.. Там мальчишки!.. Хотят утопить!.. Топят!.. Маленького... Скорее!... – Она показывала в сторону Лагуны, от нетерпения приседала и била кулачками по голым коленкам...

От протоки, подземной трубой, через всю Стоянку сходил в Лагуну избыток весенней и дождевой воды. За годы у её торца она образовала глубокую вымоину. В этой клокочущей завихрениями вымоине (накануне прошумел ливень) трепыхался живой комочек плоти. Три или четыре голопузых «пирата» не давали ему выбраться, пихали палками поближе к трубе. В общем, забавлялись. Когда мы подбежали, щенок почти не сопротивлялся. Его носило по кругу.

В запале раскидал мальцов, по шею рухнул в воду и подхватил кутёнка. Он уже не шевелился, но сердечко, кажется, тукало. Полинка стояла на берегу и, прижимая к груди ручонки, почти без перерыва икала.

Щенок был совсем плох. И так ещё подслеповатые глаза затянуло мутной плевой. Я отнёс его в будку, обмотал тёплым свитером, – может, согреется, отойдёт. Хотя особо не верил в это. Дело случилось осенью, хоть и ранней, но вода уже подостыла. Да и нахлебался.

В полночь разбудило жалобное поскуливание, больше похожее на детские всхлипы. Звуки происходили из сложенного коконом свитера. Я развернул его. Щенок шевелился. И не просто шевелился, – тянул мордочку, чего-то настырно требовал.

На тот момент у меня не было и крошки съестного. Подождав утра, я отправился к Валере. Он как раз черпал в протоке «горчак» для своей вечно голодной своры.

Сорная пузатенькая рыбёшка-горчак в половину мизинца – для людей продукт бесполезный. Чистить да потрошить – замаешься. Да и вкус – не слишком, но для кошек еда первейшая. «Да не жалко мне этого добра! Но ты что, не жнаешь, шобаки – такая тварь... не едят шырой рыбы!»

Варить мне тогда было не на чём, разве на костре... Электроплиткой разжился позже. Взял на руки щенка, поднёс к мордочке рыбёшку. Он так хватанул её... За малым с пальцами не проглотил. С той поры самым любимым лакомством для него был это самый горчак. Кутёнок мог поглощать его немерено. Со временем тяга эта сильно поубавилась. Жалко. Корм почти дармовой.

Мы долго гадали, какое дать имя. Предложил назвать Лаймой, что значит – счастливая. Полинке понравилось. И эти годы Лайма для нас – вначале что-то вроде любимой пушистой игрушки, потом преданный друг и охранитель. А вообще я не знал, кто бы из «наших» не привечал её. Каждый старался подсунуть косточку полакомей. А что понятливая – уже говорил. Как-то надо было подняться на «Бугор». Вышел за ворота, и тут меня догнала Лайма. Заступила дорогу, обернулась к Стоянке и ну тьякать. Тьякает и на меня поглядывает. Мол, что же ты, дурень, не соображаешь. Сообразил, наконец. К нам Полинка бежит, машет рукой, просит подождать.

Ей надо было что-то купить...

Кладу ладонь на голову девочки.

– Ты чем будешь сейчас заниматься?

– Не знаю.

– Там тётя Надя амброзию выпальывает. Помогла бы.

– Ладно. – Она трёт ладошкой глаза.

– А третий класс как закончила?

– С одной четвёркой.

– А остальные?

– Что остальные? – В голосе девочки обида. – Остальные – пятёрки. А вы думали...

– Да я так и думал...

Полинка шуруется на меня подозрительно: мол, если так думал, чего спрашивать?

– Пойдём, сейчас чайку заварю. У меня крендельки есть хорошие, с маком. А потом ты поможешь тёте Наде. И всё будет хорошо – и с папой твоим, и с Лаймой, – пытаюсь её утешить. А перед глазами – ошейник с бронзовыми шипами. Под навесом, на самом видном месте...

– А потом я с Ванечкой рыбку половлю. – В глазах девочки лукавые светлячки. – Папка вернётся, а на сковородке – жареная кефаль. У вас есть немножко постного масла?

– Немножко есть.

– А вы тоже любите, чтобы рыба – с лучком?

– Есть и лук.

Дети на нашей Стоянке, хвала Всевышнему, растут и добрые, и смышлёные.

Мы заходим в сторожку. Я ставлю на плитку чайник, насыпаю в заварник остатки Надиной травки. Во дворе слышится тархтенье мотора. Выглядываю в окно. Валера Дирибок с трубкой через губу подвигается верхом на сенокосилке через открытые ворота. Дымит трубка, дымит мотор. Картина и юморная, и привычная. Валера «с утра пораньше» отправляется подкосить корма для своей «худобы».

6. В моём дворике, больше похожем на конспиративный закуток, сидит Аким. Я здороваюсь, а он протягивает руку, словно утопающему. Не выпуская, усаживает на скамейку. Хозяин в камуфляже – своей всегдашней боевой форме. Зимой, правда, лёгкую куртку заменяет бушлат. А вот ботинки десантника меняет редко.

Подозреваю, зачем он ко мне. Но что из этого выйдет?.. Малость неловко. За него неловко.

Рваный шрам от скулы до глазницы. Правый глаз вставной, темнее живого. Но почему-то всегда смотрят в этот, мёртвый. Он притягивал, как притягивает омут.

А дальше происходит то, что никак не стыкуется с моей догадкой. Аким достаёт из кармана и выкладывает ошейник с бронзовыми шипами. Тычет себя в грудь большим пальцем, прицеливается указательным в ошейник, отстраняюще ведёт головой.

Я научился понимать его по «разговору» пальцев, шевелению губ, пульсации шрама или выражению живого глаза. Чтобы понять друг друга, оказывается, можно обойтись и без слов. Иным же для этого и жизни не достаёт, хотя говорят, говорят, говорят... В этот момент он «говорит», что к ошейнику никакого касательства не имеет.

– Его подбросили? – срывается догадкой.

Он смыкает веки.

– Зачем? – Аким Родионович немой, но не глухой. Теперь живой глаз смотрит на меня с таким вниманием, будто вопрошает: «А сам как думаешь?»

– Подстава?

Он согласно моргает.

– Значит, кто отравил Лайму, тот и ошейник снял. И подобрал... Но кто? И почему вам? И опять же – зачем?

Вопросов – слишком, и я замолкаю. Вывешенный на обозрение ошейник означал только одно – наводку. Для меня?.. Но тот не мог не знать моего особого расположения к Хозяину. А вот же – закралось... И начало бы разъедать, не явись Аким собственной персоной. На эту «ржу», похоже, и рассчитывал «киллер». Да на «общественное» мнение. Мелкая, но всё же пакость.

Кого-то сильно прищемил Хозяин. Лайма же, при всей её доверчивости, не всякому протягивает шею.

– Вы знаете этого человека?

Он прикрывает глаза.

А пять лет назад...

«Перевыборы» протекали на исконном для подобных ристалищ пятачке – в проходе между рядами посаженных на «козлы» катеров. Год от года их спускалось на воду всё меньше. Из-за «кусучих» цен на горючее и пользование землёй, поборы за лошадиные силы, преклонного возраста самих судовладельцев. На десять хозяев маломерных судов семь – пенсионеры, «материал отработанный», из тех времён, когда мотолодки и катера «являлись не роскошью, а средством передвижения и отдыха». Одним словом, люди малого и среднего достатка (это в те годы). Теперь они доживали у своих «посудин», как у погостов предков.

«Трибуна» – рухнувшая туша старого дерева, обглоданная непогодой и короедами. Кто-то приладил поверху дверь, снятую с петель брошенной будки. Получился «семейный» стол, «годный и для президиума, и для составления протокола». Добрая часть народа пребывала на ногах. Сидели самые искушённые, ибо сообразили прихватить раскладные стульчики. Заправлял сходкой Валерий Осипович Дирибок. За умение держать подобные ристалища в узде и переводить в нужный аллюр, за «публичный» голос его всякий раз и выдвигали «рупором». Доверие отработывал с полной душевной отдачей и немалой выдумкой. Обычно говорил без бумажки, но «как по писаному». Это особенно подкупало.

– ...А вопрош, товарищичи, выходит жа рамки. – Затравка многообещающая, и выражение физиономии оратор подобрал к ней не простое.

– Ты бы, товарищ, выплнул свою вонючку! – посоветовал кто-то доброжелательный из ближнего, «сидячего» ряда. – И когда галстук постираешь? А то тигра уже на Чернуху смахивает.

– Ижвините. – Валера вместе с трубкой выпустил клуб дыма. Некорректная подсечка пошла на пользу, прибавила его речи динамики:

– Значит, первое – берега. Ползут на глазах. Прибои, особенно осенью, съедают Стоянку. Второе – сухостой. За один прошлый год придавило не меньше десяти лодок. Ноль внимания! Третье – мусор, отходы нашей, так называемой, жизнедеятельности, – по самые уши скоро. Нас, как инкубатор заразы, просто прихлопнут. С «Бугра» последний раз – пальчиком... А мы? А у нас – всё тот же «шумел камыш деревья гнулись...»

– Позвольте, позвольте, у кого это, «у нас, шумел»? У меня не шумел и не шумит. На вверенной мне площадке всегда порядок. Я-то не дожидаюсь манны небесной... – пробился кто-то из гущи. – Моя гражданская позиция такова: желательна, чтобы сам господин Ляплевкин обрисовал, как и почему докатил Стоянку до ручки?

– Господин Славный, вы, кажется агент по недвижимости? – подвинулся чуток «рупор». Но тут же и выправился:

– А где вы были при отчёте? А в отчёте начальник Стоянки Всеволод Аскольдович Ляплевкин со всей принципиальностью ответственного человека заявил: на счету её, Стоянки, один столбняк.

– Во-первых, Ляп... э-э... господин Ляплявкин, никакой не начальник. А даже наоборот. Это мы его избрали председателем и оплачиваем содержание. Во-вторых, я не знаю, что вы поняли из его отчёта, я, например, ничего не понял. – Строгий тенор господина Славного, человека с лицом экзекутора и любовно выделанной, слегка подкрашенной, бородкой, вызрел под конец до баритона.

– Согласен с этим... агентом. Наш Ляпкин прёт ещё на один срок? А как это без программы резервов поднимать уровень и выходить из встречной полосы?! С какими шишами? Я тоже не врубился. Пускай доложит, если опять хочет в кресло. – Трезвое возмущение бывшего водилы-дальнобойщика Матвея Дзюбы было также по существу, и собрание одобрительно заурчало.

Ляплявкин молчал.

– Какими-какими!... Ты, Матвей, вроде не знаешь! Внутренними. Оплату поднять надо. А то к пенсии вам по два раза на год прибавляют, а за Стоянку – жлобничают! – Это – смелая вылазка Егорушки, нештатного инспектора по защите рыбного поголовья.

– А ты вообще завянь со своим буль-буль! Кряква подсадная! С Ляпкиным в одной лодке квасишь. Вам сколько ни плати – всё равно в выхлоп.

– А сам не квасишь?

– Я-то как раз – за кровные!... Я еще корячусь! Из камышей не выглядываю, с кого бы сдёрнуть. А прибавки можешь забрать на подтирочный материал. Тоже мне, прибавки! Пока через аля-ля доползут – кости обглоданные, а не прибавки.

– Валера, ты ведешь или как?! Кончай эти трынды! – Голос из народа.

– Согласный! – Дирибок потрясает зажатой в кулаке трубкой. – Итак, вопрос ребром: либо – мы, либо – нас. Третьего не дано. Поступило предложение: «Как поднять уровень?» На этом и сосредоточим заодно с кандидатурой.

– Дозвольте-ка мне...

Все повернули головы к человеку с медалькой «За отвагу» на черно-суконном кителе. Было тепло, но бронзовые пуговицы с якорями затягивали китель почти у самой шеи. Только пара синих полосок тельняшки выглядывала.

– Гаврилыч, ты с предложением или у тебя прения? – Валерина трубка изваяла в воздухе фигуру похожую на вопрос. Старик не заметил её.

– А вспомянем-ка, голуби сизокрылые, из каких соображений выдвигали мы этого коршуна, Севу Ляплявкина, и почему уже два срока на наших полях просо клюёт и носом не ведёт, – с нарастающей отвагой запел Гаврилыч. Запел хорошо поставленным голосом бывшего наставника по гребле и парусному делу «мореходки». – А потому выдвигали мы его, сердешного, чтобы марево коллективной поддатости сохранил. Для большей демократии выдвигали. А она, эта демократия, до того раскисла – из носа кое у кого капает. И про какой вы тут уровень дребезжите?! С кем поднимать собираетесь?

Иные речёвки Ихтиолога крепко застревали в народе.

– Мареве-то мареве, только в мареве этом, кроме корыта, «бобик» и «волга» плавают. И это, заметим, при окладе – на один ящик водки... – Господин Славный рассуждал вроде про себя, но соседние прониклись. И оборотились к Всеволоду Аскольдовичу с интересом, будто впервые увидели. Но тут же и потупили очи.

Видели, знали, катались и обнимались, наливали и закусывали... Оно и «корыто» – из нержавеющей стали, с дизельным мотором, хорошего хода. Катер – из самых заметных на Стоянке. И хозяин – человек компанейский и не скупердяй: «Моё горючее – в карбюраторе, а твоё в – бутылке, на столе...» А когда по распаренным телесам ласковый бриз шуршит, чайки над головами – крылышками-опахалами, да на столе-самобранке чего только... Кто-то из потупившихся выдавил со стоном, из самого нутра: «Ы-ы-х!»...

При довольно молодых летах плешь у Ляплявкина знатная. Теперь отливала мас-

ляной краской цвета вареного рака. На цветной панцирь у Всеволода Аскольдовича она становилась похожей в двух эпизодах: после принятия самого предпочитаемого перцового напитка и при сильном возбуждении. Разобрать же когда – то, а когда – другое, можно, конечно, но только крупному специалисту. Так что, Севе панцирь служил наподобие флюгера или охранной крыши. А вот в лице не менялся. То есть менялся, но при любом раскладе – в бледную, интеллигентную сторону. И тут к Севе лучше не подступай. А ежели кто осмеливался да ещё с намёками типа: «А мне бы...», то получал в пику: «У тебя есть? Нету!.. Тогда гут бай. Я занятый».

– Может, вы, Гаврилыч, всё-таки с предложением... посоветовать, выдвинуть?.. Хорошо, спасибо, давайте...

– Хо-зя-ин ну-жен! – Опять же – в растяжку. И не зря. Эти два слова для Стоянки давно вылепились в заклинание, хотя и кувыркались в известном мареве. – А демократа Ляплявкина – в монастырь, грехи замаливать. Мою калабуху тоже сплющило деревом...

– Кто бы спорил! Или есть такие?

Егорушка высунул, было, протестующую ладошку, но тут же и спрятал.

– Тогда – форвертз! Вперёд! Кто чувствует из себя Хо-зя-и-ном, может сразу и выдвинуться. Хоть поднятием руки, хоть голосом, хоть запиской. Проголосуем?

– Да чего там!.. Согласные.

Наступило затишье. Все ожидали, кому это взбрѣдет сделаться Хозяином Стоянки, которую поднимать от самого плинтуса. Головной панцирь Севы начал обретать свой всегдашний голубоватый колер. Его не то, что изгонять, а ещё просить будет.

– Что там у вас? Давайте сюда! – очнулся Валера. В народе происходило зигзагообразное шевеление. Наконец, вынырнул клочок бумаги. Валера поднёс его к очкам. Разглядывал, протирал стѣкла, выдѣргивал и снова совал на место трубку. Пару раз промахнулся – в ухо ткнул.

– Да не тяни ты куцего за хвост. Излагай! – затомился Матвей Дзюба. – Рыбалка на хрен совсем...

– Излагаю... Тут такое... – Он хэкнул, вроде смешок выдавил. – Излагаю. Бумага называется «Манифест Бабуина». Ну, вы знаете, кто такой Бабуин! – Валера встряхнулся, прочие вытянули шеи. – Зачитываю: «Манифест Бабуина». Это название. Заголовок, значит... А дальше так-кое-е!.. «Если выберете меня председателем, – через год на лодочной Стоянке по имени «Заря» будет армейский порядок». – Валера потряс над головой листком.

– И всё?

– И всё!

– Кла-а-ас-с! – вскинул большой палец Паша Сыроежко.

– Лаж! Лаж! – заѣрзал Егорушка. – Валера, а не ты его когда-то в Бабуины произвѣл?! Расскажи людям, а то после опять талды-булды про демократию...

– В чём дело?! – возмутился Жора Хруст, то ли продюсер, то ли менеджер «бургорный». – Пускай сам и расскажет.

– Ты чего, с бодуна?! Как он тебе расскажет, на пальцах? – осадил кореша Паша Сыроежко, с виду шут и рубаха-парень. Но под разудалой личиной рыбак скрывался серьёзный, изворотливый, травленный, добычу носом чуял. В садке его всегда трепыхалась рыбка неплохая. Ловил и для собственного улаживания, но и по заказу. При том – на любой вкус. Так что, денежка водилась. Может, потому и доброты в нём было поболее, чем у правильных.

– Вы сами все – с бодуна! Немого – в председатели. Тогда лучше – слепого! А то не всю Стоянку прос... Ладно, что там у тебя за рассказ?

– Нормальный рассказ. Ничего такого... – Валера сунул в рот трубку и уж затянулся от души. Он был чуток в размышлении. Ему тоже «манифест» чем-то вроде

розыгрыша оказался. И сам, другой раз, не против выкинуть этакое... А чутьем председателя всяческих собраний, заседаний и совещаний улавливал: «разрядка» сейчас бы не помешала.

7. – Да вы шами – в этом журжете. – Наверстывая упущенное, Валера за малым не поперхнулся дымом. – Извините – в сюжете. А я... А мы с Родионычем больше охотники до пресноводного белка. В море выходим так... погулять, бакланов пострелять. Развелось, сами знаете, – уже на горбах дельфинов свадьбы справляют.

– Хха-га, знаем ваших бакланов! – обрадовался Егорушка. Нехорошо обрадовался.

– Во-от... – Валера превозмог себя, не клюнул на зловредную наживку нештатного фискала. – Стоим это мы себе спокойненько... Это ещё когда Родионыч при всём своём здоровье в капитанах спецназа ходил. Стоим, значит...

– Ближе к телу, – не выдержал Дзюба.

– Ну, на повороте, у Рыковых камней стоим, ниже белого бакена!... Аким, я и ещё две лодки... Солнышко вот-вот... Вершки тополей позолотой тронуло. Во-о-оздух!.. Куда там твоему рассолу!.. Прочищает до самого копчика. Водичка приманчиво так плюх-плюх о борта... – У Валеры даже глазки закатились. Секретарь оторвался от протокола, локтем – в бок: «Это тоже заносить?» – «Обязательно!» – точно с перепугу вздёрнулся председатель. Но тут же – в прежнее русло:

– Во-от... Ждем-с. А она – не клюёт! Уже и солнышко... А она не клюёт!.. Припекает... Опять же – голяк!.. Слышу: «Ах-ха-ха-ха!»... Да такое!.. Сом у берега, под карчёр, так болтонулся, за малым не вывернул. Из проток – гуси-лебеди косяками. На том берегу, из лесопосадки – тучи воронья. Гай-гуй подняли... Что ты-ы!... А Родионыч – во всю свою версту и кулаками-кувалдочками – по барабану. Ну, у него грудина, вроде барабана. «Братцы, вот это жизнь!»... И в речку – со всего маху...

Акселерат Паша Сыроежко снова выбросил над головой большой палец, сильно смахивающий на копчёного бычка.

– И чего дальше? Вынырнул?

– Вот же – манифест!.. В общем, у Родионыча такие прыжки – в характере, когда не клюёт. Когда часто клюёт, – тоже. Я же говорю, натура такая у человека... Всё – от души и сверх перекладки! Да у нас тут другие и не водятся. – Аргумент сильный. Кое-кого он заставил приосаниться. – А дальше... Сдвинули лодки, позавтракали. Завтрак, сами понимаете... На воде – где завтрак, там и обед. А Родионыч: «Я люблю тебя, жизнь!»... И опять – бултых!..

– Ну, певун! А сам не бултых?! – Гаврилыч вроде как даже обиделся за автора манифеста. – Завтра – воскресенье. Кое-кто явится... Поглядим, что оно из этого выйдет...

– Я и говорю – от полноты! Закон физики: в бутылке мельчает, а в душе... Ничего никуда даром не пропадает! Закон сохранения... – повело Валеру в науку. – Я и ляпни: «Ну, ты, Родионыч, чисто бабуин из зоопарка. На волю вырвался!». Оно и прилепилось. Чего там, все мы – из той эволюции: у кого хвоста больше, кто с одним копчиком остался. А Бабуин... У Родионыча – с генами никакого атавизма. Подполковника сверх срока выслужил. Бабуин – больше для звука. Родионыч сам не против. Хоть этот «Манифест»... С юмором... А у нас тут на Стоянке такое... без юмора...

– Эй ты, папаня кошачий, кончай травить! – плеснул Дзюба скопившимся адринOLIном. – Мне что, внуков твоим долбаным горчаком кормить?! Где твой Родионыч? Давай сюда! Если на самом деле, то давай. Поглядим. Нам теперь хоть косоного, хоть кривоного, лишь бы в дырках не свистело.

Народ раздвинулся. Перед столом «президиума» укрепились коряжистая фигура

в камуфляже. Жёсткий ёжик волос, тронутый на висках белой порошей... Рваная дорожка свежего шрама – от скулы под самые защитные очки.

Жора Хруст и Паша Сыроежка стояли чуток наособь. Поглядывали на «кандидата», перетирали между собой вполголоса: «Этот? Я его что-то не помню». – Жора покривил губы. – «Так он в командировках по три-четыре месяца. Но когда являлся, – вся Стоянка гудела». – «А как же я?» – слетело у менеджера нечто похожее на обиду. – «А ты чё-нибудь одно – или бабло срубить, или кислородом дышать!» – «Ну, и зачем ему это болото? Что в нём можно еще настрелять?» – «Бойтся, как бы Стоянку не разогнали. – Паша растянул зевком свой и без того немалый ротик. У него слипались глаза после ночного промысла. И чтобы не потерять себя, прихлёбывал из бутылки пиво. – А он, ты же слышал, любит это дело». – «Хха, ещё веришь в непорочную любовь?». – «Ну, а почему!.. У него это – от бати. Аким с ним в лодке – с ползунков...».

На корме ближнего катера сидел Хирург. К его могучему плечу лепилось хрупкое создание в смелом купальничке и «со следами пережитых страстей на лице». Колоритная парочка чирикала о чём-то своём, сокровенном. При том их босые лапки шаловливо так друг о дружку тёрлись. Страсти, что кипели внизу, их, похоже, нисколько не задевали.

Остальные взирали на «Бабуина» молча и с любопытством. В нём не осталось и малого намёка на того весёлого забияку, которого расписал Дирибок. Сильно перевернула его последняя командировка. До того сильно, что кое у кого из прошлых сотоварищей по рыбалке и прочим её прелестям щикотнуло внутри.

– Я – не против, – первым нашёлся господин Славный. Все переключили внимание на этого «агента по недвижимости» с ухоженной профессорской бородкой, ещё не понимая толком, о чём он. (Ходили слухи, что раньше он филологией занимался в университете). – Я не против кандидатуры и манифеста Акима Родионовича Ба... – оратор запнулся. – Думаю, не помешало бы затвердить сей манускрипт настоящей фамилией. И числом сегодняшним пометить. Дабы знать, с какого момента наступит обещанный год великого Ренессанса, то бишь Возрождения.

Аким взял у Валеры листок, достал из нагрудного кармана ручку, почеркал в нём и той, почёрканной, стороной собранию предъявил.

– Всё, Валера? – Матвей Дзюба стал выбираться из толпы.

– Как же всё! А проголосовать?.. Мы человека не на курорты отправляем, а работать. И это... берём ответственность на себя.

Резюме было вполне к месту и всё же неожиданным. И оно отрезвило собрание. Действительно, как это можно на такой должности без голоса работать?! Особенно при столь разношерстной команде. Чем же, на самом деле, паруса надувать, как не крепким словом?! Всегда так было...

Пока топтались на месте и чесали затылки, незаметно, рядом с «кандидатом», Ваня Аникин вырос. По мерке Акима – почти подросток. Но далеко не хлипкий, хоть и с усечённой рукой. В то время он ещё не состоял в охране Стоянки, а для подкрепления инвалидского бюджета производил «виски». Знали его и как единственного на всей Зеленой Косе рыбака-виртуоза с одной рукой. И уважали за это не меньше, чем за подпольный, весьма забористый, но доступный по цене, напиток. То, что сказал Ваня, больше походило на короткое донесение в боевых условиях:

– Я с ним был. С Акимом Родионовичем. *Там*. Если он обещает, то сделает.

Голос не слишком громкий. Но замеса такого... крепенького. В общем, его услышали. Иные опустили головы. Иные отвернули. Как бы засмутились. Однако, переморгали. Через минуту-другую почти все высветили голые ладошки. Даже не стали ожидать Валериного: «Кто за?»

Новый председатель обменялся с Ваней знаками. Аникин – опять к собранию:

– Аким Родионович просит не расходится. Надо выбрать ревизионную комиссию, чтобы для начала провести инвентаризацию. А потом она, эта комиссия, будет на постоянной основе...

Череп Сева Ляплевкина снова начал багроветь. А Ваня:

– И ещё. Членам правления привилегий теперь не будет. То есть они, как и все, должны оплачивать за хранение судов и другие услуги по полной программе. Если кто не согласен, может сейчас же выйти из состава. А о новом поговорим в следующий раз.

Егорушка и ещё один «член» тут же и выказали свои ручонки:

– Мы выходим. Но не потому что, а...

– Не пудри мозги! – осадил нештатного рыбинспектора Матвей-дальнобойщик.
– Выходишь – и выходи. Гнилые сучки сами отпадают.

Собрание молчало. В целом, одобрительно молчало. Хотя сомнение подтачивало: а что оно выйдет из такой «реформы»? Сильно выпадала она из привычного «марева» стояночной жизни. Ещё шага не успел сделать, а уже закручивает...

Так немой подполковник в отставке стал председателем лодочной Стоянки «Заря». Только с тех пор, за пять лет, немало воды утекло в море-океан, много чего разного было. Но в ипостаси председателя Аким уже второй срок держался.

8. Половинку решетчатых ворот Нора толкает ногой. Руки оттягивают тяжеленные сумки. По случаю воскресного дня и встречи с мужем голову венчает «гнездо кукушки» цвета медного купороса. Платье – воздушное, полупрозрачное, в белых серёжках ландышей. Туфли на высоких шпильках... Хотя груз и понуждает переваливаться утицей, а обувка на тонких подставах чуток вихляется, однако, с хорошего хода не слишком сбивает.

То следом, то сбоку, трусцой – Егорушка. Когда-то Матвей Дзюба на знаковом для Стоянки соборе обозвал его подсадной кряквой. Егорушку это задело, но смутило не очень. То была не просто оговорка, а давно прилипшая банным листом погонялка.

Нештатный блюститель фауны легко «клеился» к любой компании. Он крепко держался на том, что подобную особу никто не посмеет отвергнуть. А иные его наличие в своём «тёплом» кругу даже за честь почтут. Рыльце-то у каждого в пушку. Может, от такого взаимного понимания и нос сделался сизым, крупчатым, как пережившая зиму барабулька. А вообще Егорушка – невеликий из себя плотненький живчик шестидесяти двух годков отроду из породы «Хоть плюй в глаза, а ему – божья роса». Крепкая порода. Было в этом замесе и от кота, слизнувшего тайком чужую сметану, – мягкое, вкрадчивое.

Забегая то справа, то слева, Егорушка взahlёб укоряет в чём-то свою попутчицу. Но окончания обрывает скороговорка. А вот голос Норы такой же зычный, как у мужа Валеры. И даже чуток хлестче, раскатистой.

– Ты кому дуньку лепишь?! Бабуин такой, Бабуин сякой!... Зеньки протри! Байды мусорные заваренные и покрашенные. Спуски бетоном залитые. Берега плитами укрепил. Сухие деревья почти вывел. Скоро электроподъёмники поставит... А ты – Бабуин, Бабуин!.. Чего-о? Романтики было больше? Ну да! Пойлом своим всю Стоянку провоняли, романтики долбаные!..

Подобно Гаврилычу, Егорушка является на Стоянку каждодневно. Но если тот больше на суше, то «нештатный» продолжает мотаться на своей моторке. Помотается, приткнётся где-нибудь в камышах или под оступившейся в воду вербой, закинет с кормы удочку... Но больше не за поплавок следит, а окрест – в окуляры бинокля поглядывает. На примете у него, почитай, все заветные для рыбы и водоплавающей птицы места. Возле них и устроится в засадном тенёчке. И зорко так высматривает.

Кого? Больше тех, кому «от чистого сердца» и поведал накануне о тучных косяках. Высматривает исподтишка, а обнимается со штатным рыбнадзором и другими обегающими конторами в открытую – то ли в устрашение добывающим в поте, то ли по простоте: вот, мол, какие мы не такие.

Случались и «внеплановые» наезды того самого надзора. И штрафные протоколы за слишком тугие садки или не те рыбы морды. И конфискации. Был ли причастен к тому Егорушка? Вроде как в шутку, по-доброму, между рюмочками, иной раз претерпевшие от закона окунали его с борта и не отпускали дольше положенного для свободного дыхания. Однако, у Егорушки – не только от хитроумного kota, но и от того самого чёрного кобеля, которого не отмоешь добела. Ему не раз внушали: «Чего ж это мы на «Бугре» будем добывать балыки да икру? Да и за какие шиши?! Это ж наши рыбные протоки, наши плавни с диким вепрем и птицей. Мы тут выросли, живём. И пращурьы наши жили, охраняли от всяких батыев. А теперь нас – за жабры? Вроде как теперь мы сами те монголы... Или рылом не вышли до такого продукта? А-а, браконьеры! А оно, государство со своими олигархами, что выгребает подчистую да по три шкуры дерёт, оно что из себя?.. Не-ет, Егорушка, ты не прав. Что дано Богом, – не облагается налогом».

После таких «промывок» нештатный блюстителъ на неделю-другую затухал. Но не больше. «Душа свербит», – каялся приближённым.

Сказать, что не понимал сердечной тоски любителей... Понимал. Через «свою» рыбалку (была и у него такая) частенько навевывался к тоне. И те, легитимные артельщики, отваливали ему рыбки в хороший такой рюкзачок. При том – самой-самой. И молча. Как некую привычную дань. Что это была за дань и с кем делился – разные ходили слухи.

К чести Егорушки, он один из немногих прошлых дружков Ляплевкина оставался верным ему. Сева устроился на «Бугре» автослесарем с профилем рихтовки и покраски. И, якобы, «квасить завязал». Оно, может, и впрямь. Стоянка для прибывающих во власти – штука не простая, наподобие бермудской воронки. А человек вообще – существо неужёмное: вечно ему чего-то не хватает до полного счастья. Одному место для катера надо получше, другому – не помешала бы к жилой будке пристройка, дабы мотор было куда спрятать, инструмент, снасти, или – индивидуальную лебёдку завести... А оно ж сделай одному лучше – другому тоже захочется... И уж в ответ – всегда «глубокая благодарность». Гаврилыч не раз сказывал: на его памяти, за полувекое пользование Стоянкой, её председателей полегло на дне стакана не меньше экипажа торпедной подлодки.

Катер Ляплевкина – видный из себя. Оценщики назвали хорошую страховку. Через Егорушку вся Стоянка в курсе: случись на борту хоть малая царапина, Бабуин голеньким останется.

Все эти пять лет катер стоит на берегу. То ли Севе недосуг пользоваться, то ли ждёт покупателя с тугим кошельком. А может, – иных для себя времён. Кто встречал зорьки с удочкой, нутром проникал в тишину и тайну речных протоков, дышал морскими бризами и норд-остами, тому ни на каких сытых «буграх» уже не усидеть. А начнёт противиться – раздуется брюхом, зачахнет душой.

Сам Ляплевкин навещает Стоянку после своего смещения не часто. Зато целый день – внутри катера, с верным другом. И уж такую волну поднимут... То раковый панцирь головы Севы, то сизая барабулька Егорушки из-за бортов выглядывают. Особенно воспаляется Егорушка. Чуть ни на всю Стоянку: мол, при твоём правлении хоть день и ночь расслабляйся, а теперь насильно глушат в одиннадцать вечера. Не Стоянка, а казарма. Народ недовольный...

Перед сторожкой Нора видит застывшую истуканом Лайму и сама – в оторопь.

Лайма боготворит Нору, пожалуй, не меньше Маши. Не то, что день – час прихода её знала, чужла и ждала женщину за воротами. И вряд ли потому, что та всегда приносила «жирненьких курячьих гузочек». Животные верно улавливают притворное или, напротив, душевное расположение человека.

У Норы – распахнутые, с сиреневым отливом глаза. Такие, словно однажды увидела разом всю Вселенную да так и не смогла прийти в себя от потрясения. Может, и увидела. Работа у неё – спаси и помилуй!

Я скрываю о своих подозрениях (тут шуму стало бы на подны). Говорю, что Лайма чуток приболела. В это время Нора стоит уже перед нею на коленях. Бросила сумки, позабыла и о своем праздничном наряде.

– Чуток?! Ничего себе чуток! Она не видит меня! Её траванули. Кто?.. А-а, Ляп-лявкин, гад твою!.. – выплёскивает Нора.

– Зачем ему это?

– Чего «зачем»?! Вы же его скинули. Мстит, шакал!.. Надо её прочистить, влить побольше минералки...

Она, может, и начала бы вливать, но тут глаза её останавливаются на чём-то покрупнее отравленной Лаймы. Нора медленно-медленно встаёт с колен. Берёт за горлышко приготовленную уже для промывки бутылку с минеральной водой. Не спуская глаз с нового объекта, – взрывается шипучей петардой: «Ах ты гад!»... И с бутылкой наперевес, как с гранатой на взводе, ускоряется по направлению к Лагуне.

У самого края наплавного мостка, в своре кошаков, – Валера. На плече вместо черпака – Чернуха. Валера замечает жену на подходе, и, как есть при «параде» (в кремовом костюме, с пёстрой «бабочкой», в лаковых полуботинках), – так и валится в воду. Но успеваешь отбросить на сухое Чернуху. А вот трубку изо рта не выпускает.

Я подхожу, когда Валера пытается ухватиться за настил. Нора же «полоскает» его бутылкой по макушке и приговаривает: «Ах ты гад, ах ты гад, – обещал же!...». Валера изворачивается, по очереди выбрасывает для защиты руки: «Я шегодня, – как штеклышко. Я не нарошно. Я – шорвался! Не бери греха на душу. Не виноватый я, Норочка!...» А та, как тетерев на току: «Ах ты гад! Ах ты гад! Обещал же...»

Вообще-то Валера не такой уж и отчаянный дружка с «зелёным змием». Но раз в неделю, в воскресное утро, – обязательно в обнимку. И каждый раз с невинными глазами внушает: это от радости, от предвкушения... «Встреча ш тобою – для меня праздник аж похлеще дня победы!» Последнее – ключевое. Оно обычно гасит Норин запал. Не сразу, конечно: «Ну, гад, если ещё раз!..» – Нора замахивается бутылкой. «Понял. Я тогда шовшем не вынырну. – Из горла – чуть ли ни рыдания. – Вот тебе крещт швятой!..» – «Ты, Валера, ведёшь себя неадекватно», – выпускает последние пары Нора. «А ты адекватно? Чуть можги не вышибла». – «Было бы чего вышибать!..»

Я подозреваю, тут больше игры, ребячьего азарта (все мы – из детского племени), желания чем-то особым означить себя в глазах близкого человека. Хотя чужая душа... У Хирурга такая версия: «С кем поведёшься – от того и заражёшься».

Когда Валера выбирается из воды и по-собачьи отряхивается, к нему подходит Ваня Аникин:

– Надо отключить кабель в трансформаторной. Будем заменять новым.

– Угу, – покорно соглашается Валера. После таких «спектаклей» он становится особенно послушным, довольным собой и вообще человечеством. – Только сначала обшохну. Видите, какая у меня жена! Жа малым не утопила. Уеду я. На оштров.

На какой остров, челдонушка ты мой?! – жалеет его Нора.

– На большой. Он вшегда в тумане. Его ни одна жена не найдет. Ихтиолог говорил, там такие девочки!

– Валера, не лепи глупостей! Люди вон... Штаны скидавай. Выкрутить надо. И пойдем. Принесла чипсы к пиву. Твои любимые, солонковатые.

– А пиво?

– И пиво... Глянь, я ж сумки там забыла!.. Всё через тебя. З-зараза!.. А вон... Ах вы!..

Нора захлебнулась. От сторожки, с поленом колбасы в зубах, не особо и поспешал лохматый кобелина по кличке Боцман. В растерзанных сумках ковырялась парочка бородатых фокс-терьеров.

9. Оба рукава сходятся сразу после острова Раздольного. Лодка падает в стремнину и заметно прибавляет в скорости. Слева верблюжьими горбами тянутся насыпи рыбопроизводных прудов, справа – рожицы тополиных, берёзовых, плодовых деревьев. Иногда из их глубины, будто из засады, выбегают к самой воде белёные, с синими ставнями, домики, похожие на любопытные живые существа. Вечерний воздух заметно свежеет. Дышится легко, в охотку. Стук мотора делается ровным и чистым.

На платформе дебаркадера небольшими кучками – народ. Кто рыбалил «в проводку», другие облегчают душу лицезрением текучей воды, провожают Солнце.

Зазывно машут двое. Аким сбрасывает обороты, подворачивает к причалу. Ребятам – срочно в город, на горизонте же ни одного пассажирского судёнышка... Он показывает на выпирающий сверх бортов электрокабель. Лодка и так под завязку, а посади их... Случится волна повыше и – прощай Маша!

Прибавляет газу, и тут два удара, один забойней другого, подбрасывают мотор, сотрясают лодку. Мотор дико воеет и глохнет.

Аким сидит недвижно, глядя под ноги. Ждёт, откуда хлынет вода... Вроде обходится. Жмёт кнопку. Мотор всхрипывает и тут же умолкает. Видать, заклинило.

Сзади, со стороны дебаркадера – смех, довольно злорадный. Аким перебирается на корму, приподнимает мотор, ставит на упор. Нижняя половина дейдвудной трубы вместе с винтом отпала, едва держится. Виной – поперечная трещина.

О ремонте «на ходу» и помышлять нечего.

У берега – рядок полусгнивших опорных брёвен-пеньков от старого причала. Видимо, на такие, но скрытые прибывшей водой, он и напоролся. Досадно и жалко. Эта поломка рушила его планы.

Он подвязывает полуотвалившийся низ мотора, садится за вёсла. И вовремя. По речному проёму подвигается чёрная громада сухогруза. В красном диске клонившегося к излучине Солнца, она выглядит просто чудовищно.

Хорошо, помогает течение. Но, если никто не возьмёт на буксир... Как же, возьмёт! Он-то здорово взял?!.. Но подобное впервые в его жизни. Да и причина такая!... А Бог милостив...

Так бодается он со своей совестью. Впрочем, Маше обещал явиться утром. Аким начинает прикидывать «гребковую» скорость...

Бывший сослуживец Эдик Сбруев «держал» в посёлке под своим крылом строительную компанию. Кабель уступил по «себестоимости и за полцену». «Потом – остальное! Вроде, как сэкономленный материал, не числится на балансе. А если что – не обеднеем».

Слышать это было неловко. Он-то всегда платил долги. И Сбруев знал это. Так что, играть в великодушие... Комиссовался Эдик из армии раньше. Осколочное ранение, не такое уж... Мог бы ещё послужить. Сейчас даже не прихрамывал.

Дома Сбруев накрыл стол. Богато накрыл, ничего не скажешь. И всё капал: не ради сделки – ради самой встречи. Вспомнить было что. Но вспоминать мог только он. Его проходы в прошлое будили у Акима своё, и оно не всегда шло в русле воспо-

минаний боевого товарища. Он слушал, ел, пил, а мыслью и памятью возвращался к Стоянке, крутился вокруг да около.

Когда Эдик задел особенно болезненное и затеял раскрашивать его так и этак, Акима это болезненное забросило в самую глубину, в детские годы. И он знал почему. Та глубина, то живое, что вошло в душу, не раз выручало его *там*. И только *там* он понял, что оно было его главным Храмом. А тогда...

Тогда – просто лодочная стоянка, обжитая и привычная. Оттуда и совершались «паломничества». Поначалу – с отцом, потом – украдкой, в одиночку.

Загадочно и до жути увлекательно было идти на вёслах самому, раздвигать лодкой стывшие в чуткой дреме камыши, открывать свободные и всегда неожиданные оконца воды, а то – наткаться на гребешки кабаньих троп. И совсем захватывало дух, когда касался кончиками пальцев пушистых комочков утиных выводков, ещё не испытавших, что такое опасность и страх. Что такое человек. А уж когда сталкивался взглядом с сумеречными глазами дикого вепря... А море!... Море – особая статья. Другое время, другие годы и другая любовь. Море, дикие волны и ветер уже в юности вылепили из него мужчину, бойца.

Там, лёжа в засаде или в окружении, отсчитывая последние минуты чужой или своей жизни, ему случалось вызывать в памяти это чудо, эти протоки и плавни, забываясь в их живой тишине. *Там* оно представлялось не привычной средой обитания, а неким святым местом, которому мысленно молился, боясь навсегда потерять, призывая иной раз послать удачу (как призывали пращуров, для коих Природа и была главным проявлением Бога на земле), а иной – раствориться в его тайниках, обратиться в того бесстрашного утёнка.

Этой несмыслимой годами картиной, этой памятью он и тогда и сейчас отвечал на свой и чужой вопрос: «Зачем нужна тебе эта обуза, эта Стоянка?». Были и ещё ответы...

Сбивчивый монолог Сбруева и частые выплески «А помнишь?!» постепенно притухали, а повторы становились всё заметнее и скучнее. Аким, согласный, было, заночевать, поднялся из-за стола и начал прощаться. Хозяин особо и не удерживал. Благо, помог загрузить в лодку кабель. В бухте не меньше центнера... До захода солнца оставалось прилично, и Аким решил, что успеет добраться по-светлому. В общем-то, мог идти по-любому. Не впервой.

Он причаливает к острову, который зовётся Еловым. Почему? И сам не знает. На острове – ни одного хвойного деревца. Только лиственные. Есть плодовые: алыча, яблоньки, тутовник... Доводилось пробовать. Вполне... И рыбалка в протоке весьма не дурная.

Но соблазняет завернуть совсем иное. До него доходит, как бы ни тужился, – в его власти поспеть на Стоянку разве что завтра, к ужину. А на ладонях, среди застарелых мозолей, вызревают уже багровые волдыри. Так что, способней заночевать и довериться удаче. На утреннюю зорьку братья-рыбаки заглядывают и в эти края.

Он оттягивает лодку от берега, бросает «кошки». Ночью проход грузовых судов обычно возрастает, а тягучие волны частенько накатывают и в протоку. Могут сорвать, а то и зашвырнуть куда-нибудь подальше заодно с седоком. Бывало уже такое.

Аким устраивает в лодке что-то вроде лежбища. Однако, почти полная Луна светит прямо в глаза, а при таком сиянии вряд ли скоро уснёшь. Правда, снизу её поддавливает туча. Но ожидать затмения не стал – натянул тент. Получается и темно, и уютней. И всё же сон не идёт. Помаявшись, догадывается, что дело тут не только, а может, и не столько в Луне. Да чего уж там!.. Ради этого «дела» и завернул к Еловому.

Он ходил по острову, светил фонариком, выискивал среди деревьев прогалину, где когда-то стояла их с Машей греховная палатка. Сквозь зелёный тоннель от неё вела

короткая, хорошо утоптанная, тропка, удобная для разгона и ныряния с невысокого бережка. Тут же ютился песчаный пляжик с плакучей ивой...

Полянка открывается неожиданно, будто он оступается из тесного коридора в скрытое от глаз просторное жильё. Света Луны достаёт, чтобы разглядеть скамейку и дощатый столик. Правда, это уже не то, что он сколотил *тогда*. Стол – посвободней, а скамейка – с четырёх сторон. Видимо, отдохали после них компаниями серьёзными. Но место палатки, отмеченное замкнутой канавкой для стока дождевой воды, прежнее. Аким опускается на скамейку, закрывает глаза.

Стоянка, всё, что с нею, – немалая часть его жизни. И ещё – Маша. Хотя кое-кто считает это его богатство краденым. Наверное, так оно и есть. Но уж какое есть! Может, не о таком мечтал, но теперь не променял бы ни на какое другое. Они оба знают, что там, на «Бугре», у них не сложилось бы того, что сложилось здесь, у живой воды. А может, и вообще ничего бы не сложилось.

...На столе – початая пачка соли. Уходя, шарит в карманах, кладёт рядом спички.

10. Он возвращается к лодке. Понимая, что ночь для сна потеряна, берёт из аптечки бинт, уплотняет ладони. Потом сворачивает тент, снимается с якорей, садится на вёсла.

После часа приличного хода наползает густая тьма. Туча всё же достаёт Луну и укутывает мутным покрывалом. Поскольку он сидит спиной по ходу движения, грести приходится «вслепую». Правится по едва заметным сгусткам берегов и лесных полос. Оглядываться на бакены – только терять взятый разгон.

Тихая ночь, мерные шлепки вёсел и мягкие всплески воды убаюкивают. Он не то, чтобы дремлет, а как бы сознательно отключается, продолжая по инерции шевелить вёслами...

Лодка, как необъезженный конь, вначале становится на дыбы, потом разворачивается.

Редкие звезды закрывает тёмная громадина. Обтекаемой носовой частью она задирает лодку против течения. Через борт хлопает вода. Он смещается к другому краю и начинает отбиваться веслом. Готовая в любую секунду подмять под себя машина не позволяет ему встать. Весло соскакивает, цепляется за какой-то выступ и вырывается из рук. Аким упирается ладонями в шершавый обвод. Лодка продолжает скользить по жёсткой боковине судна.

До кормы – считанные метры. Но эти метры тают горящим бикфордовым шнуром, подведённым к динамиту. Там и может свершиться непоправимое. Лодку просто затянет в воронку, забьёт винтами.

Он перекидывает себя на палубу, цепляется за носовой кнехт и спускается в воду. Загребая одной рукой, второй пытается оторвать лодку от борта. Ему это удастся, когда до кормы уже не более двух саженей.

Гробина в тысячи тонн вкрадчиво, как тать в ночи, шелестит мимо. Шелестит под такое же лёгкое, мирное урчание двигателей. Выпадает горькое: также тихо-мирно могло не стать и его, и никто бы не заметил. Но такой уж, видно, уродился – спасал в первую очередь не себя, а кого можно спасти. Тянул же когда-то Эдика Сбруева, хотя у самого болталась простреленная рука.

Силы потихоньку тают, а берег не спешит навстречу. Наконец, доходит: весло-то одно живое!..

Вот и берег. Не мешало бы развести костёр да просушить одежду. Но единственный коробок спичек оставил на острове, как некую метку, к которой когда-нибудь вернутся вдвоём.... Запас? То-то и оно, что без особой надобности. Не курил. Сызмала, повторяя отца, считал противным травить себя и воздух, которым дышал заодно с птицами, деревьями, Рекой. Спасибо, тёплая ночь, а в носовом отсеке – старая ры-

бацкая сменка. Но вот часы молчат. Он прямо-таки «расквасил» их о борт сухогруза. И всё же радоваться есть отчего. Он – живой! И лодка целая. Многострадальная... И воды не более трёх вёдер. Когда вычерпывал, Луна сбросила траурную накидку, и он почувствовал себя не так одиноко. В общем, решил идти с одним веслом.

Загребал, стоя на коленях, то с одного, то с другого борта, как на каное. Получалось не слишком ловко. Да и сил уходило побоее. Но зато видел, что творится впереди. А там кое-что творилось.

Подёргиваясь, по краю фарватера движется нечто тёмное, горбатое, не похожее ни на одного из речных обитателей. Подгребает ближе... Перевернутый ящик. В таких обычно фрукты-овощи держат. Разворачивается для очередного гребка и тут замечает у самого берега силуэт катера. Он спускается параллельным курсом.

Аким «сушит» весло и подсвечивает себя фонариком: мол, я такой же простой, как и вы... Там это ценят, понимают, отвечают тем же.

Он подходит к ним с тыльной стороны. В катере знакомые фигуры – Жора Хруст и Паша Сыроежко. Они тоже признают его.

– Гля, Бабуин! – Луч фонарика высвечивает лицо Акима. – Ты чё тут по ночам шастаешь? – Паша протягивает руку. Аким пожимает и показывает на мотор: дескать, – пополам.

– Не хренна себе!.. Ну, подержись маленько у берега. Мы скоро закругляемся.

Однако закругляться они не спешат. Наплавную сеть, подключенную другим концом к ящику, выбирают где-то через полчаса. Селёдки в неё набивается прилично. Это как раз её пора. Отметалась в верховье и косяками – в море, домой. Конечно, для её промысла, да таким старателям, как Жора с Пашей, больше ночки потемней да с ветерком и дождиком подходят. Но уж невоготу было ожидать. А рыбка – она сегодня есть, а завтра – тью-тью... Ну, а ящичек, набитый пенопластом, – и для отвода сторонних глаз, и для собственного удобства. Большие ватаги в этом деле ни к чему. А ящичек плывёт себе... Чего только не плывёт нынче по Реке! Само собой, и те ребята из рыбнадзора не лыком шиты. Но это уже испокон веков: одни догоняют, другие убегают, – на том и прогресс держится. Причём, – во все времена. И во всех сферах. Но Паша Сыроежко почти профи. Он умеет дружить.

Мотолодку пристёгивают к корме катера, зовут к себе и её хозяина.

Идут по-пиратски, без огней. Разбухшая туча обкладывает край неба. Верховой ветер рвёт её на шматки, и эти шматки играют в догонялки, раз от разу пятнают Луну.

– Родионыч, – толкает Паша, – в кубрике матрасик. Можешь покимарить. Шлём нам ещё не меньше трёх часов.

Аким не противится. И впрямь нащупывает в кубрике матрас, мостится... Но увы, накачивает пережитое, и поймать улетевшую дрему не так просто. Ребята в катере перебрасываются короткими репликами. Слышно: чем-то гремят, что-то достают. И опять – Паша:

– Родионыч, ты как, спишь? Мы с устатку маленько соображаем. Если не против, – давай третьим, для порядка.

– Ну, ты даёшь! – хмыкает Жора. – Чем он тебе ответит? Или не немой? Придуряется?

– Он и не мой, и не твой. Ещё тот бродяга...

11.   Спать сегодня – вряд ли... Но и третьим... Можно, конечно. Стоило закрыть глаза – встреча с плавучим монстром и то, что было дальше, наползает секунда за секундой, метр за метром. Да, нервы уже не те. Но поправлять их Пашиным «лекарством», а после слушать пьяную трепотню... Может, всё-таки повезёт забыть-

ся... Но вот и она – «трепотня». За полуприкрытой дверкой кубрика голоса явные. Натужный – Жоры Хруста:

– А правда, что его лодку продырявили?

Довольный, с каким-то шутовским подёргиванием, – Паши Сыроежко:

– А то! Ещё и кунг за малым не гавкнулся.

– Зачем?

– Ххэ, зачем!.. Аким, когда взял Стоянку на себя, – гайки без масла стал затягивать. Кое у кого аж глаза на лоб...

Слышится перестук посуды и чувственное, дуэтом: «Ну, будем!», – потом – горловое, хриплое:

– Ты, Жорик, тоже вперёд поглядывай. Не мы с тобой одни умные. Вляпаемся в чью-нибудь сеточку. А тутошние ребята... Чуть что не по ихнему – за самопалы хватаются.

– Поглядываю. И что?

– Ну, ты же помнишь, Стоянка – в полном обломе. На счету в банке – столбняк...

– Что ещё за столбняк?

– А-а... Это... Полный голяк!.. Ага. В долгах, навроде вшивой собаки в репьях. Налоговая жмёт, санитары и пожарники давят... Вот-вот прихлопнут, как того таракана. Бабуин и давай затыкать амбразуры. Поначалу своими, кровными. Из тех самых, боевых, командировочных, что из горячих точек вывозил да на чёрный день скрывал. Потом хату на «Бугре» заложил. А сам... Бунгало в два этажа – это после. А тогда, первые два года, загибался с Машей чуть ли не в собачьей конуре. А наших субчиков тоже знаешь, расхляпались вконец. Не платили по году, а то и больше. Из полутысячи клиентов половина – оглоеды. Правда, человек сто хай подняли: «Как не платили?! Всё до копейки и – в срок!» А Машенька: «Так вот и не платили. В ведомостях не значитесь. Квитанции есть?» Уже тогда она голосом Бабуина исполняла. А то! В благоверных ходила и по совместительству – бухгалтершей. В общем, и квитанций – тью-тью. «Ляплявкин не давал. Мол, бумагу на это дело тратить – Стоянке в убыток...» И завертелось, заперделось. Там у нас ещё один зверюка. Да знаешь, Гаврилыч такой... Его на собрании выдвинули в ревизию, главным комиссаром. Так он со своими архаровцами криминальный матерьяльчик подкидывал. Севу – за жабры. Или возмести, или... Возместил. Ну, а другие... Аким через «Бугор» закон провёл: кто не платит больше года, лодочку – с аукциона. Опять же – в возмещение. Мусор заставил убрать возле будок и катеров...

Цоканье стаканов, всхлипы-выхлипы.

– Так всё по уму!

– Ну да! Мы его, Хозяина, и хотели. Но, чтобы – с манной кашкой в глиняном горшочке. А мы бы: «Горшочек, вари!», – а кашка сама блям-блям прямо в ротики. Нам новые соловьи про такие горшочки свиристели, когда на верха лезли. Мы губы и раскатали. А оно – хха-ха! – Бабуин! И стали дырочки ковырять да красного петуха пущать. Это – по-нашенски... Он-то и сам вляпался. Те свиристелки... Где они? Не достать. Обложились мордоротами да каменными заборами с камерами-гляделками. А Бабуин – вот он, тёпленький... Такая у нас кашка-политика сварилась...

– Она везде такая. Бабло, выгода...

– Да какая у Бабуина выгода!.. Разве что, признали потихоньку. В Родионычах теперь. Где-то кабель достал. Ночью, на вёслах... С одним глазом да без голоса. Хха! Хозяин...

Рваная щека Акима дёргается, обозначая улыбку. Он-то хорошо помнил после каких манёвров признали его Хозяином. Окончательным.

«Самозахват» и «самозастрой» Выползок учинил ещё при Севе Ляпльвинке. Особнячок из литых блоков и в два этажа облицевал итальянским кирпичом цвета «красной мэри». Окна-двери – евро... Антресоли, лоджия, флюгера-петушки, водосточные трубы... (Поставленные друг на дружку фургоны Бабуина тоже выглядели бы царственно – только на мусорной свалке.) Сауна, душевая... Теннисный и бильярдный столы. Раздольная такая беседка в стиле ретро на мыску, у самой Лагуны... Сторож свой, неподступный, наподобие бойца невидимого фронта. У личного причала – лебедь белоснежный на полтысячи американских л. с. со своим же механиком.

Являлся Выползок на Стоянку в серебристой «белуге» под названием «майбах». Что ты!.. Следом – приближённые к телу, на «таёгах», а ещё – автобус с «офисным планктоном», то бишь с девочками и продовольствием.

Всю ночь из подворья или «беседки» – музыка «там-тамов». Да такая... В Лагуне кефаль выпрыгивала, а в протоке лягушки поглубже в ил зарывались.

Конечно, были и не согласные с таким раскладом, кому «бум-бумы» тоже мозги набекрень сворачивали. Были да помалкивали. Выползковой компании услужал сам Сева со товарищи. И где уж тут прочим шебуршить!..

Как Бабуин заступил председателем, то и на него стали бросать косяки: мол, ну, и куда ты свой «манифест» засунешь, когда займёшь подле Выползка Севкино место? Другие ждали обещанного: вот-вот оно свершится. По рукам, правда, не ударяли, ставок на «кто кого» не делали. «Или мы янки какие?!» – пыхтел Валера дымком в сторону ретивых. Оно и на самом деле, окажись Выползок совсем сверху, – зевать да затылки чесать придётся всем. Чували, рано или поздно – подомнёт этот «нелегитимный хозяин» Стоянку, а вместо лодок наставит «одноруких бандитов», а то и вовсе под казино пустит. Может, и бордель устроит. Были уже такие на Зелёной Косе, «нелегитимные».

Паспортного имени его стояночный люд не ведал. Кого сподобило приклеить ему «Выползка»?.. Да любого, кто пользовался червями-выползками для своего промысла. После обильных осадков и выползали жирные, длиннющие черви-сосиски, самый приманчивый корм для сома, леща – рыбки не из последнего ряда. Хотя... Выползком ещё гадюку зовут, что меняет шкуру, выползает из неё. А ещё, верно, и потому плотно прилипла кличка «Выползок» к хозяину «Белого Лебедя», что из неведомых куширей выполз и сразу – «мохнатым»...

Он «вибрировал» между катерами неспешно, с упорством бегемота. Знал, добыча всё одно будет его, деваться ей некуда. А хороший моцион после сыто-пьяного застолья – то, что надо. Но время шло, а «дичь» не давалась. Это ему уже не слишком и нравилось, но он не подавал вида, пыхтел шуточками: «Цып-цып, цыпле-ё-ноче-ек!.. Ты мой мурр-ё-ноче-ек!.. Ну, где ты? Побегали – и будя. Кушать хотца. Мне врачи диетическое мяско прописали...». Последнее было явно для скрытых наблюдателей. Он их нутром чувал. И это тем паче распаяло.

Девчоночка тоненькая, славненькая, расхристанная... Задохнувшись он распял её на том самом «столе», за каким обычно лицедействовал Валера Диребок в ранге председателя стояночных сходов. А она: «Дяденька, миленький, не надо, не хочу! Пустите меня, пожалуйста! У меня мама... Если узнает!...». Выползок рраз – и сверху донизу платьице по живому: «Чего не надо?! Икру черную хавала?! Коньяк пять звездочек лакала?! Ты зачем приехала? А ну – клячи шире!...».

На ту пору Бабуин мимо проходил (в такие ночи он не спал заодно со всей Стоянкой). Аккуратно взял «дяденьку» за дебелую холку. Тот боднул головой, будто настырную муху сгонял. Бабуин – плотнее, «замочком»... Оторвал от рыдающей... Выползок, зверя, с выпяченными зенками, всей бегемотьей тушей – на охотника до чужого добра. И – мимо, носом в пахучую амброзию. Не понял. Поднимается.

Теперь уже – с поворотом, со всего плеча... А надутые фитнесом ручки бац и опали. Видно, оттого, что Бабуин крепенько зажал его желудок в жменьке. И – верть туда-сюда...

Так, не размыкаясь, и двинули в контору.

В ту ночь полная Луна светила. Сам-то я не видел, не моё дежурство было, но другие зрели в окно «беседу» председателей – легитимного и нелегитимного. Будто, одна рука, вроде крыла коршуна, то вздымалась, то опадала. А на кого? Половина комнаты в тени.

Не сразу, а много погода, отодвинулась дверь. И на карачках, по ступенькам из конторы выполз нелегитимный Выползок.

Как-то быстренько и тихо компания его свернулась и отчалила. Нет, она посещала и после. Однако, не в том числе. А если гулевала с «там-тамами», то по уставу, до одиннадцати вечера. И по Стоянке не расползалась, а сразу «западала» на американского «Белого Лебедя» и гасла в ночи.

Ждали развития. Месяц ждали, два ждали... Зиму. По весне смотрят, Выползок подлаживается к Бабуину и руку тянет для приветствия...

Тогда и признали штатного председателя Хозяином. И Акимом, и Родионым признали.

12. «... Она надула губки, а он припал к ним сладким поцелуем...», – то ли томный, то ли глумливый голосок под такую же кисло-сладкую музыку из приёмника...

– А кофе? – Маша протягивает чашку. Он оборачивается. Жена надувает губки, закрывает глаза. Он смотрит, куда бы пристроить лопату. Втыкает в мусорное ведро.

Путру Машины губки особенно пухлые и сладкие.

Она нащупывает край стола, опускает чашку. Та летит мимо, стучается о бетон и разлетается осколками. Маша переступает через кофейную лужицу, пятится к ступенькам на «второй» этаж. Пальчиком манит к себе мужа.

У неё невеликая, но ладная фигурка и до того жгучие глаза... Глядя в них, не так просто удержаться, не сморгнуть. Аким и сморгнул, и в гипнотическом полусне двинулся следом... А часом раньше было объяснение, как сломался мотор, как «парился» на вёслах. Спасибо браконьерам – подкинули. «Встреча» с сухогрузом была опущена.

Машиным уговорам «вообще отдохнуть сегодня» не внял, показал на сиротную лампочку: дескать, у людей тоже не светят.

Она как-то скоро постигла искусство понимать его. Со вторым искусством – говорить за мужа – вообще никаких проблем. Это, видно, в крови любой женщины, от матриархата ещё. Она говорит, а он слушает, кивает согласно: ага, именно такое и хотел сказать, лучшее мамонтовое филе будет твоим. И это здорово! Главное, не утомляет, а открывает такие горизонты, сближает до того, что впору задохнуться в радости от поистине волшебного понимания.

Когда Аким подходит к трансформаторной будке, Валера возится уже в её чреве. На повышенных тонах что-то «лепит» Нора. Чернуха возлежит теперь на её плече. Остальные кошки валяжно похаживают у ног, трутся спинами, умильным мурлыканьем выпрашивают внимания и к своим особам.

Председатель начинает копать, а Нора, после короткого перерыва на приветствие, продолжает:

– Валера, ну, какого ты лепишь?! Я их больше люблю?!.. А как ты думал! Они же – как дети беспризорные! Они же – не адекватные! Их даже близкие кинули...

Каждый раз она является на Стоянку с каким-нибудь заковыристым словечком. И уж перекатывает его... Точно неподатливую барбариску.

– А любить адекватных уже слабо? – гундит Валера, не вынимая изо рта дымовуху.

– А за что?! – Возмущение Норы совсем не шуточное. Но, понимая, что – перебор, выпускает излишек пара:

– Слушай, челдонушка, ты бы почистил в своём кошатнике. А то без противогаса заходить срамно. Скажу вон Родионичу – он тебя на счётчик поставит.

С лопатой и термосом подходит Маша. Подобно супругу – в боевой камуфляжке. И сходу: «Что мне делать?»

Он изображает плывущего кролем. Мол, иди, скупнись.

Маша отставляет термос, грозит пальчиком: «Покажи, где копать». Аким проводит лопатой борозду, отсчитывает десяток шагов. Нора – и тут со своей правдой:

– Что это вы, Аким Родионович, развели феминизм в неподобающем месте?! Для женщины столько пахать – неадекватно. Мы с Машей – одной лопатой. По очереди.

Немного погода – Ихтиолог. Голова повязана жёлто-голубой банданой с чёрными завитушками-иероглифами. Джинсовые шорты, кроссовки... На могучей, бронзового отлива, груди – ещё не высохшие капли воды. Он-то, похоже, успел поплавать. Вопрос «Что делать?» – не задаёт. Пристраивается вслед за Машей.

Скоро «подтягиваются» Ваня Аникин с женой. Нора и тут за своё:

– Конечно, тремя руками и – траншея навывлет! Ты, Ваня, – весь из себя, так хоть жену не втравливай!

Из незатейливого юмора на этот раз выглядывают не слишком симпатичные рожки. Маша пытается отвести их подальше:

– Нора, а как там майор?

– Да как!.. Слоняется по палатам на костылях. Ищет. Всё ногу свою ищет.

Она служит в Доме печали санитаром, по совместительству – ещё и поваром.

А вообще, не дай Бог задеть её чем-то не тем, попасть не в ту струю!

Маша снова меняет тактику:

– А Надюша, если захочет, найдёт занятие. Да хоть соберёт потихоньку сухие веточки. Костерок устроим. Картошечку к обеду запечём. Давно не ела печёную картошку. Соскучилась.

– Мы – тоже. – Нора косится в её сторону. Будто что-то неладное чувствует.

Ваня управляется лопатой не хуже, чем спиннингом. Как бы в оправдание собственной сноровке, шумит:

– Аким Родионович, а тут земля послабее, чем *там*. С песочком.

Аким согласно трясёт вскинутым кулаком, как бы в подтверждение: мол, помню, понимаю.

Явление Гаврилыча со своей «ревизионной» дружиной принимается гулом одобрения.

Он владеет «калабухой» с трёхсильным двигателем времён «восстановления разрушенного гражданского войной хозяйства». После того, как придавило подгнившее дерево, Гаврилыч так и не «вылечил» её. Хотя возится изо дня в день. Приходит утром пораньше, а к заходу солнца – на «Бугор». Как на работу приходит. Бывает, и заночует в катере. Таких «рыбаков» на Стоянке с каждым годом – всё заметней. Заводить новую «посудину» – ни к чему. Ни грести, ни «дёргать мотор уже духу не хватает». «Ревкомиссия» случилась весьма кстати. То, что делает под её знаком, вполне заменяет езду по крутым виражам мелководных протоков. Не знаешь, где сядешь на мель или обломаешь винт о приотпленную корягу. Но пока проскакивает. Лоцман из него хоть и рискован, но опытный. Слепилась и крепенькая команда. Достается и прошлым, «завалившимся» Стоянку, и нынешним, кто по старинке равняет её со стойлом: «Где жру – там и с...у».

Но ремонт «калабухи» последние годы – это уже так, «лишь бы руки не чесались», а вот «задубелый» рыбак в нём сохраняется. Аким позволяет рыбалить с мостков. И часто можно видеть его на раскладном стульчике с набором свисающих в Лагуну или протоку лесок. Хоть в дождь, хоть на солнцепёке... Валера: «У тебя же шердце, ште-нокардия... А ешли клонет и рыба, и жаба грудная сразу... Ты из кого выберешь?» Гаврилыч вздыхает, какое-то время молчит, потом – будто вниз головой с обрыва: «Я, конечно – её, первую, подсеку... Погляжу в последний раз, как она, сердешная, водит. И отпущу. Если успею».

А «землекопы» прибывают.

Всё выше солнышко. Аким вылезает из траншеи. Берёт термос, наливает при-торную жидкость (которую терпит только с того, что её обожает Маша), не без душевного облегчения обзревает свое «войско». Пускай не так густо, и всё же... Пять лет безоглядной пахоты заметили. Оценили. А главное – поняли, поверили. Это стоит иных денег.

После кофе становится совсем тепло. Он снимает пропитанную потом защитную рубашку, цепляет на дерево. Прикидывает: «А то не флаг?!» Он давно усвоил: без флага любое войско – не войско, чем бы ни был пропитан.

13. Нора сетует:

– Чего ж это одна картошечка!.. Я столько добра волокла, а ваши фоксовые терь-еры да кобальеры... Это ты всё, з-зараза! – Она замахивается кулаком на мужа. Тот не возражает, больше того, покорно подставляет голову.

– Не переживай, – успокаивает Маша. – Хватит на всех. Смотри какая!.. Моло-денькая, в мундирчиках... С соличкой в притруску... Главное, чистить не надо. В общем, прощай хандроз! Прелесть! – Ухая от удовольствия, она перекатывает с ладошки на ладошку только что вынутую из горячей золы картофелину. – А экзотика! Ни вилок тебе, ни тарелок! Травка, солнышко, бабочки крылышками... Дятел стучит, в протоке лягушки квакают... Ти-ши-на-а... Вам этого мало?

Раскинулись прямо на траве, в тенёчке под деревом. Приглашали и Гаврилыча с его воинством, но он: «Спасибо. Мы плотно позавтракали». Явно лукавил. В миг просчитал, что для двух команд – барабульки на один зубок.

Едят не спеша, каждый кусочек смакуют. Однако, едоки подобрались не хлипкие, и горка быстренько тает. Лишь Надя не столько ест, сколько пробует. Маша отрывает глаза от её истончённых пальцев:

– А как у тебя дела? Нашла тот, последний?

– Увы. С Ваней всю Косу исходили. Такого цветка здесь нет. И, наверное, не может быть. Здесь не те условия для него. Цветы эти островные. Растут на склонах, у водопадов. Есть и другие причины...

О «других причинах» Маша не стала пытаться, сразу – к Ихтиологу:

– Руслан, я слышала, ты возле какого-то острова что-то там поднимал – корабли или золото... А как называется? Я имею в виду остров.

– Остров Больших Птиц, – говорит с нажимом на каждом слове. С интересом разглядывает Машу, будто только увидал.

– Почему больших? Они что, на самом деле больше наших?

– Ну... Они – не чета нашим... – Руслан что-то, почему-то не хочет договаривать. Маша с немалой обидой пожимает плечами.

– А цветы какие? В смысле – флора...

– Тут я вообще не специалист. Но с нами был один любитель. Если верить ему, то Остров – настоящий заповедник целебных трав. – Похоже, Руслан догадался, к чему этот её вопрос. Поворачивается к Наде.

Для всех, кто знает её, не секрет: она ищет цветков по имени Семиродок. Знают

и причину... У Нади накопилась уйма кульков с засушенными травами и цветами. Приносят даже малознакомые люди. Но всё не то.

Она понимает, о лечебной силе трав Руслан намекнул ради неё. Как-то уже проговаривал и о *том* Острове. Координаты не помнит, но при случае попытается разузнать.

Под тем «случаем» разумел её готовность отправиться на Остров, ибо сам намерен вернуться, «понырять просто для души». «Это такой Остров!...»

– Знаете, это такой Остров!... – Руслан даже на коленях приветствует. – С высоты вертолёта, когда мы летели, сильно напоминал изумрудный зрачок, а жёлтая песчаная полоса вокруг, бирюзовая вода и коралловые рифы – его радужную оболочку. Воистину – глаз циклопа! И в нём столько живой силы, доброты...

Обходя Стоянку, я не раз случаюсь у траншеи и даже пробую включиться в работу. Но всякий раз Аким даёт отмашку: за Стоянкой следи, ты сейчас один на посту. И вот теперь, при очередном заходе, слушаю рассказ Ихтиолога и своим ушам не верю.

Он говорит об Острове из моих снов.

– А как там славно дышится!... Ветерок... Дивный!.. Едва-едва, а, кажется, пожелай, напрягись чуток, и он оторвёт тебя. Ты – полетишь!.. А подводная жизнь!.. Не говорю о рыбе и прочих водоплавающих... Целые плантации овощей, съедобные и полезные для здоровья водоросли. И – даже плоды. По вкусу – некоторые наши фрукты напоминают. Есть и совсем необычные...

Я никогда раньше не видел Руслана в таком возбуждении.

– И ещё... Сколько мы там ни жили, – Остров всегда обкладывал сиреневый туман. Однако, он никак не влиял на чудный микроклимат, не создавал парниковых эффектов. Напротив, – вызывал чувство полной защиты, надёжности... И это был даже не туман, а некая мерцающая тень, пелена... Мы пытались на своих надувных лодках пробиться... И не смогли. Стоило подойти ближе – мираж обращался в плотную материю. И мы вязли в ней... Едва дорогу обратно находили. Нас смазывал сон. Открывали глаза – никакого тумана. Перед нами – Остров. Мы подозревали, этот туман – не явление природы, а нечто рукотворное, управляемое...

Он внезапно замолкает. То ли опасается новых вопросов, то ли понимает, рассказ слишком отдаёт выдумкой. И ему вряд ли поверят. Да ещё и осмеют. Валера не смеётся. Напротив, физиономия расплывается масляным блином. Видать, любовь к сказкам и печёной картошке сохранилась в нём с детских лет. А Маша... Так она даже в ладоши хлопает. И – к мужу:

– Акимушка, хочу на тот остров! Не нужен мне берег турецкий, Анталия мне не нужна. У нас тут своя Анталия. – Она разламывает картофелину и начинает потчевать мужа.

Валера наклоняется к уху жены: «Вот они – адекватные. Учись». – «Не повезло тебе», – вздыхает Нора. Весьма душевно вздыхает. «Почему?» – «Ты у меня слишком любишь аля-ля». – «При чём тут это?» – «При том. Лучшие мужья – немые. А когда ещё и глухие – прямо брильянты!»

По лицу Маши заметно, она слышала этот разговор, и он ей не понравился. Хотя Нора явно шутила, но в шутке таился нехороший душок. Однако стерпела и даже голосом не выдала себя.

– Скажи, Русланчик, а ты не в курсе, есть ли на том острове растения, чтобы от разных повреждений... – Слова – к Ихтиологу, сама же продолжает убаживать мужа. Он и не противится. Только рот открывает через силу. Видно, некуда уже складывать.

– Может быть... Но самое замечательное, – их аура, как и всего Острова, такая, что сама по себе даёт человеку столько...

На лужайку ступают босые Рудольф и Полинка.

– Здравствуй! Явились – не запыхались! – шутовски кланяется Нора. – Как раз две на ваше счастье...

Полинка устраивается рядом и Нора подаёт ей картофелину. Вторую протягивает Рудольфу. Но «мастер чистоты» берёт лопату и прыгает в траншею.

Не так давно этот оплывший, совсем ещё не старый человек с прокислыми глазами и тёмным одутловатым лицом, был пригож и статен. В самой достойной компании – свой человек.

Прыжок в траншею грузного мужика походит больше на падение. Машу это немало напрягает. Она даже привстаёт.

– Рудик, может, сегодня отдохнешь? Этой работы и на завтра – поверх головы.

Ваня и Валера перемигиваются. Дирибок щёлкает пальцем ниже скулы: «Атмосферы – ничего себе. Гектара два вспахает».

Но «вспахать» Рудольфу не удаётся и самой малости. Все слышат его задавленный вскрик, видят, как он оседает в траншее.

Первой подбегает Маша.

– Понятно. Лопатой — по ноге... Нора, вон подорожник, сорви. А ты прижми его к ране и не шевелись. Я за аптечкой смотаюсь.

Голос её спокойный и рассудительный. Будто всю жизнь только и занималась врачеванием.

14. Мы сидим на берегу протоки и внимательно смотрим на Солнце. Перед закатом смотреть на Солнце не то, что безопасно, – полезно. «Обогащает сетчатку глаз». – Так говорит Руслан. То же и поутру, когда Солнце медленно вызревает из речных плавней, а потом отчаливает величавой ладьёй. И я верю ему. Он умеет убеждать.

Незаметно проводы, а затем и встречи Светила обращаются в ритуал. И он таит в себе нечто большее, чем «обогащение» сетчатки глаз. Встречи с ним в пору, когда Оно представляется беззащитным и близким, божественно величавым и недоступным, вызывают тихий восторг, каждый раз постигается заново. Не раскрывая рта, я выражаю ему признательность за даруемый день, а вечером – благодарю за то, что день этот прожит в полном здравии и разуме... Слова случаются, приходят... Как, откуда? И сам не знаю.

Скоро ритуал становится потребностью, привносит в моё серенькое бытие, как и неуловимое сновидение, хоть какой смысл. Наверное, так и рождаются религии.

Была у Руслана ещё одна тайна (подозревал – не последняя). Впрочем, тоже сильно смахивала на магический ритуал. Он совершал его, стоя почти по колено в Лагуне.

Везде к Небу руки, слегка раскачиваясь взад-вперёд, в цветных плавках, кремнёвый от загара (или от природы), добротный слепленный искусным мастером, он и сам походил на земного бога, впечатанного в диск восходящего Солнца. Обычно, выбирал места, где его никто не мог потревожить. Но я знал на Стоянке все укромные места и, делая обход, не раз заставлял его в позе человека, готового оторваться от земли вместе со Светилом или молившего об этом. Время от времени он наклонялся, зачерпывал ладонями воду и окроплял голову, лицо, грудь... Покончив с этим, забредал поглубже и надолго уходил под воду, выныривая чуть ли ни на середине Лагуны.

А в тот вечер мы сидим на берегу протоки, ожидая очередное погружение уставшего Светила. Картина роскошная, будто сошедшая с полотна художника-мариниста. И вполне естественным сопровождением становится песня, именно эта, к этому моменту, песня «Аве, Мария!» Больше похожая на молитву. Ведёт её сильный мужской голос, прозрачный и свежий, как сам воздух. Ведёт на дивном итальянском.

– Шуберт! – Руслан даже языком щёлкает. Красиво так, художественно щёлкает. – Хирург отпевает кого-то.

– Отпеваешь? – спрашиваю машинально, всё ещё пребывая во власти растворившейся в воздухе божественной мелодии.

– Ну да! Кого-то опять зарезал. Сидит в своём вельботе, принял порцию и – «Аве, Мария!»

Ихтиолог немало удивляет меня. «Зарезал» – не из его запасника слов. А он:

– Ты разве никогда не слышал, как он поёт?

– Слышал. Но не думал, что тут такая связь. Ещё – «Санта Лючия» ...

– Бывает и «Санта Лючия». Когда удачная операция. Но сейчас вот – «Аве, Мария!»

Д-да-а... Между тем, усталый лик Солнца почти касается кромки моря. Ещё минуту-другую и скроется окончательно. И тут я чувствую спиной неладное. Обращиваюсь и едва не задеваю плечом Лайму. Она уставилась мне прямо в глаза. Её глаза – два провальных омота. Ни одной живой вкрапины. Полное воплощение обречённости и укора: «Что же ты? Как же ты? Я тебе так верила! Почему же ты не хочешь спасти меня и в этот раз?..» Протягиваю руку, чтобы погладить... И – не могу. Понимаю ненужность и фальшь моей ласки в этот момент.

Першит в горле. Начинаю суетиться, куда-то порываюсь... А она, постояв ещё немного, слегка покачиваясь, направляется к воде. Не спеша, с остановками, как бы всё ещё ожидая, надеясь на что-то... На пути к воде – кусты осоки. Лайма минует их и ступает на мостик. Достигает его края. Останавливается.

Мы с немалой тревогой наблюдаем за нею. Все её движения – словно в бреду. Ей стоит больших усилий преодолеть собственное оцепенение, собственную немощь. Переглядываемся с Русланом в полной растерянности, и в этот момент слышится всплеск воды.

На том месте, где стояла Лайма, – пустота.

Проходит десять, двадцать секунд прежде, чем показывается её голова. Я подумал, Лайма сорвалась случайно, по своей слепоте, и сейчас начнёт подгрести к берегу. Но она вскидывает передние лапы, помогает течению относить её к морю.

Я зову её... Выкрикиваю её имя... Руслан сбрасывает лодку. А меня накрывает паника.

Бегу по берегу, падаю, ломаю камыши... И всё зову, зову... Срывается голос... А течение несёт её дальше, дальше, туда, где протока смыкается с морем. Голова Лаймы, словно поплавок при высокой волне, то появляется, то исчезает в серой ряби воды. Появляется всё реже... Она борется. Сами остатки жизни противятся насилью, выталкивают её к свету...

Потом я вижу, как лодка Руслана вращается на одном месте, в кругу сомкнувшейся воды.

Заполночь, но сон не идёт. Картина гибели Лаймы... Немые глаза с немым то ли вопросом, то ли укором, недоумением: «Почему ты не уберёг меня? Ты же – Человек, мой Бог...» Всё – как вьяве.

Я не могу избавиться себя от назойливой мысли: физические страдания так изводили Лайму, что толкнули к неосознанному самоубийству. Но может ли самоубийство быть неосознанным? Пускай и животного... Стоп! Я видел, как издыхают собаки от старости и болезней – мирно, незаметно, где-нибудь в стороне от людских глаз. Впрочем, такое было и с Лаймой. Но из тех ни одна не прыгнула с обрыва, не сподобилась уйти до срока. По крайней мере, я не слышал ничего похожего. Надо еще заставить себя умереть, проделать путь... А на такое способен... Человек в безумии сковавшей боли – наверное. А животное? Разве случайно она отыскала меня, подошла?.. Всё ещё надеялась, верила?.. И когда поняла, что ждать от меня нечего...

А ведь иной раз я даже завидовал животным: они не думают о скоротечности

своей жизни. Их предки не вкушали яблока с древа познаний, за которые люди весь свой век расплачиваются пониманием неизбежного конца. Смерть не висит над животным постоянно, изо дня в день, из часа в час дамокловым мечём. Не угнетает и не отравляет короткие мгновения бытия, счастья и радости. Они принимают её, не сознавая, что это такое.

Со смертью Лаймы моё убеждение сильно поколебалось.

Я рассказал Маше о гибели нашей любимицы, о том, как всё случилось. Её жгучие глаза заплыли слезами. Она какое-то время хватала ртом воздух, силясь что-то сказать. Отвернулась и пошла прочь. Потом дня три видел её в чёрной траурной накидке. Подумалось, при всей любви к Лайме, тут есть некий перебор. Хотя мне ли судить?! Может, за этим событием скрывается нечто не менее важное. Или было связано с ним. Если Аким знал, кто отравил Лайму, то и?..

В моей будке, на столике – тучный фолиант. Обращаюсь к нему, когда на душе особенно мутно. «Книга света». Открываю наугад и, как случилось не раз, встречаю подобное тому, что изводит в этот момент:

«Бывает, человек до последнего доходит в тоске по человеку, а вот жизнь не складывается, случая такого не выходит, чтобы завязать какие-нибудь глубокие личные отношения... Ну вот как бывало: от бесчеловечья вся сердечная жизнь вкладывалась в какую-нибудь собачонку и жизнь этой собачонки становилась фактом безмерно более значительным, чем какое-нибудь величайшее открытие в физике, сделанное тобой... Виноват ли отдавший все своё человеческое чувство собаке? Да, виноват. Ведь у меня от синей птицы моей юности – моей Фацелии – до сих пор в душе хранятся же синие пёрышки».

15. Меня будит собачий лай. Я давно привык к нему, и редко когда просыпался вчистую. (При ночном дежурстве, конечно, не до сна.) Но этот настолько свирепый и затяжной...

Вдоль Лагуны ползёт человек. Иногда делает попытку встать на колени. Но всякий раз «трамбуется» лбом землю.

Они пятятся перед самой его головой, изрыгают проклятия на своём собачьем языке. Они всяко повидали, но червяком изгибающийся в пыли двуруко-двуногий дикообраз для вообще-то покладистых кобелей, похоже, вновь...

После самоубийства Лаймы власть перешла к Баксу и Боцману. Правда, тут и гордиться особо нечем. Эти – ещё куда ни шло, остальное – всё больше бородатые недомерки, якобы из чужеземной породы фоксовых терьеров. «Разочарованные» хозяева-снобы сбрасывают, а мы – убожай. А вообще – умненькие собачки. Как где какая заварушка, они – тьяв-тьяв для затравки, а сами – в сторонку, в кустики.

Под фонарём – двое. Узнаю Акима Родионовича и Ваню Аникина. Псы упираются в них поджатými хвостами, и остервенелый лай сменяется обрывным хрипением. «Пластун» делает очередную попытку выровняться, но и в этот раз заканчивает челобитием.

Оставаться в тени дальше нет смысла, и я подхожу к экзотической группе.

В её центре корячится Рудольф. Мы берём его подмышку и пытаемся воздвигнуть «на попа». Увы, не получается. Ноги расходятся циркулем, туловище ломается тряпичной матрёшкой. Сдобренное невнятным матерком и застойным ароматом сивухи бормотание.

Аким вскидывает страдальца на плечо и спускается к воде.

Кто его? – спрашиваю у Вани, глядя, как раскачивается наплавной мостик под ногами Акима.

– Ляплявкин с Егорушкой. – Голос Аникина налитан хоть и сдержанной, но всё же необычайной для него яростью.

Я больше ни о чём не спрашиваю. И так ясно: эта «накачка» Рудольфа – ничто иное, как подловатая отместка Акиму. Он сбрасывает его с плеча, берёт за щиколотки и макает головой в воду. Раз за разом, долго. Однако, в этот момент у меня к «ныряльщику» – ни особой жалости, ни сочувствия. Наверное, потому, что при нём – малая дочурка. Дальше плыть некуда. Приплыл. Хотя в его судьбе, в её надломе есть такое, что должно бы вызвать...

Подорожную университет выписал ему в благодатную долину Фургану. Видно, – в поощрение красного диплома. (Это ещё при стране Советов.) Может, и устроилось бы всё по уму, да чадолюбивые сердца новоиспечённых учителя математики и «русистики» Эммы подвели. В священный месяц они вздумали насильно потчевать чаем со сдобными коржиками страдающих, по их разумению, от голодного поста малолетних школьников...

Сердобольных учителей и гнали потом всем кишлаком до самого районного отдела народного образования. И не просто с какими-то гневными выплесками или увещаниями (это тоже было), а пуляли в спину хорошие такие камешки.

В районо к брату и сестре милосердия прониклись: «Просим прощения. Народ у нас простой, чтит обычаи предков. Извините. А вас не оставим. Хорошее место обеспечим. В горных кишлаках ай какой воздух кристальный! – Раскинули карту.– Вот выше, вот ниже...» Но породнившаяся на почве борьбы с суевериями пара, ощупывая ушибы, призадумалась между собой: «А если тропы там больно крутые, а то и вовсе без троп? Да и камни потяжелее...» И где по шпалам, где по тем самым тропам – в родные пенаты, откуда и вышла в «большой и яростный мир».

Об этой истории Рудольф вспоминал с немалой долей иронии. Говорил, что за полдня хода от кишлака до районо то рысцой, то трусцой закончил ещё один университет. Когда же достигли шпал, то и географию полюбил. А позже даже считал себя рождённым в рубашке. Ибо... Скоро *там* вообще стали делать «секир башка» русым. Но в то время такое было не только *там*. Эпоха богопротивления и «имперского мышления» заканчивалась весьма плачевно. Но для них оборачивалась пока известным присловьем: «Что Бог ни дает, – всё к лучшему».

Уже через три года Рудольф Серафимович Плужников стараниями на ниве разумного, доброго в школе своего города достиг кресла директора. Эмма (к тому сроку – любящая супруга) обреталась рядом.

А обок – ещё одна жизнь, тоже ладная. Но у нечистого всегда рожки начеку. Ему тоже хочется порадоваться, найти трещинку, «втулить» в неё остренькие конечности да и поддеть повыше... Собрал отец чемоданчик и перекинулся куда-то подальше с новой женой вчерашней школьной выпечки.

Подобное действие родного человека зашатало веру в устои семьи – «ячейку крепкого государства». (Этой крепости учили тогда с ползунков.) К тому же папаня сам был учителем... Какое-то время казалось, весь мир куда-то не туда качнулся и разваливается. А такое совпадение, правда, в границах милой отчизны, и было на ту пору. Но любимая школа с математикой, детские глаза, то пытливые, то дремотно-лукавые, живая Река, молодая вера в светлое-доброе, преданная жена постепенно выправили его смущённый дух.

«Волны рассекал» заодно с Эммой. К Реке, её протокам и морю она тоже – «всей душой...» Могла и за штурвалом постоять, и донки забросить, и костерок развести, и ущицу сварганить. Уже с полуторогодовалого возраста брали с собой Полинку.

Отпуск в то лето задумали провести в верховьях. Флора там богата ещё большим многоцветием, фауна – стерлядкой на быстроводье, в омутных заводях и на прогретых выпасах – сом, пудовый сазан выгуливаются. Для тела – потеха, для души – рай. Что уха, что балык – чистый янтарь. И вода посветлее. Тишины и покоя больше.

Палатку разбили на островке. В соседях – хорошие знакомые по Стоянке. Солидные, спокойные. Через речку, за охранительным от половодья земляным валом, – Станица, где можно «подзарядиться» натуральным продуктом...

Они причалили к берегу. Для большей устойчивости катера первый якорь зацепили за опечек русла, второй воткнули в берег. Эмма подала рюкзак: «Значит, яблок, молока... Ну, и сам посмотри, чего там ещё...»

На гребне насыпи он, как обычно, обернулся, чтобы помахать рукой... В этот раз почему-то защемило сердце.

Он уже полностью «скупился», как на выходе из Станицы повстречал бывшего однокашника – Лёшу Карпина. Отдыхал приятель тоже с семьей, только у родственников, в самой Станице. Встреча случилась как по заказу – против двери бара-столовой с зычным названием «Атлантида».

Выпили за хороший отпуск, за удачную рыбалку, за семь футов под килем, за то, «чтобы всем и всегда...» В общем, всё славненько, по-отпускному...

Эмме наскучило ждать, и она захотела порыбалить. По шнуру-завозу «оттянулась» от берега.

Ближе к руслу – течение гораздо сильнее. Чтобы не сорвало якорь, уменьшить сопротивление решила развернуть судно по течению. Сбросила кормовой зацеп. Катер сразу понесло... Часть свободного шнура кольцом лежала на палубе. Эмма оступилась, попала в самый центр. Натягиваясь, капроновый шнур плотно захлестнул ноги, свалил её, сдёрнул за борт...

Всё свершилось так скоротечно и так обыденно, что она не успела даже вскрикнуть, позвать на помощь. Да и звать-то особо некого. В катере – пятилетняя Полинка. Остров же с людьми – в полукилометре. Но там заметили уносимый течением катер и метавшегося в нём ребёнка.

Напуганная, рыдающая Полинка кое-как рассказала о беде рыбакам, перехватившим судёнышко.

Когда «перегруженный» Рудик возвратился из Станицы, то увидел на берегу поникших людей, а на земле перед ними – жену Эмму. Она так и не высвободилась из петли.

В смерти её полностью винил себя. Вину «лечил» нехитрым народным продуктом... Запил по-чёрному. Да так, что пропил сначала работу, потом квартиру, потом здоровье и жизнь матери. Последним пропил катер. Заканчивал пропивать себя. Оставалась Полинка. Жильем в зиму и лето служила стояночная будка. Бывали и просветы, когда вспоминал какого он роду-племени.

В один из таких просветов Аким взял его боцманом. Рудик (это уважительно-приятельское обращение к нему сохранялось ещё с тех, «директорских» времён) благодарил и клялся: «Если что, – вон на том суку, своими руками...» И пальцем крутил вокруг шеи.

Почти три года держался. Рыбаки не могли нарадоваться. Причалные мостики всегда ко времени на воде, спуски и подъёмники в порядке, поможет вытащить лодку, кому не под силу... На самой Стоянке чистенько... И со всеми – по-человечески. Но и спрашивал... Ненавязчиво, по-умному самых отъявленных «обормотов» на место ставил. От школы, видно, кое-что сохранилось. По словам старожилов, за всю историю Стоянки впервые такой, «с понятием», боцман. В общем, свой. Ну, а как не налить хорошему человеку, когда и сам расслабляешься!.. Однако Рудик – наотрез!.. Поначалу удивлялись, иные ехидничали: мол, цену набивает мужик. А, прознав, где собака зарыта, наливать и приглашать к этому делу перестали.

Змий-искуситель выполз в третью зиму. Она выдалась холодноватой (не до рыбалок и прогулок), и Стоянка сильно опустела. И хоть работу – ремонт наплавных мостков, а также катеров по частным заказам, совмещал с вахтой, – тоска придавила

великая. Вроде всё хорошо, да не его... Попытал счастья в школе. Но там развели руками: «Так течение какое теперь в нашем отечестве – центробежное. Из учителей на каждое место очередь. Из хороших учителей. А ты, мил человек, того... Понянулись с тобой в своё время».

И – вновь поплыло-поехало.

Аким перевёл его в уборщики. Ради Полинки терпел.

Терпели.

С мостика Рудольф передвигается своим ходом. Мокрый, общипанный петух. Бредёт понурый, будто на заклинание. Также покорно шагает в бокс, где хранятся подвесные моторы. Щёлкает один наручник на запястье, второй на батарейной трубе. Рудольф и тут не противится. Похоже, давно ожидал нечто подобное для себя. А может, и хотел его.

Аким закрывает бокс и поворачивается ко мне, видно, ожидает, что скажу.

Но что я мог сказать?!..

16. Утром, при обходе Стоянки, встречаю зарёванную Полинку, ещё Надю Аникину. Она тоже не в себе.

– Константин (обычно зовёт меня Костей), это правда, что Рудик сидит на цепи, и его приковал Аким Родионович?

Он, конечно, не на цепи, но всё одно прикованный, и я говорю, что, правда.

– Как это? Почему?

Странно, Надя спрашивает у меня. Муж-то при всём при том не просто в свидетельствах был... Значит, утаил. Сболтнул какой-нибудь тайный соглядатай. Дело случилось под выходной, и людей на Стоянку прибыло уже порядочно. Шила в мешке не утаишь. А такого «шила» и подавно. Пришлось рассказать.

На приступках «служебки» – Аким. Видно, увидел и поджидает. Открывает дверь, кивком приглашает войти. Усаживает женщину в кресло, сам – напротив. Она встречается с его мёртвым глазом. Не отрываясь, говорит так, словно услышанное от меня поведал сам Хозяин:

– Но, Аким Родионович, вы же прекрасно понимаете, что такое страдание! Вы и сами перенесли столько... А от унижения человек может страдать не меньше, чем от физической боли... Это же не метод... Прошу вас!.. – В отчаянии даже привстаёт.

Начинает всхлипывать Полинка. Как-то по-взрослому всхлипывает. Аким опускает голову, какое-то время изучает полировку стола. Потом выдвигает ящик, достаёт связку ключей, протягивает Наде.

Замок внутренний. И то ли с каким секретом, то ли от неумелого пользования никак не отмыкается. А тут ещё продолжает хлюпать Полинка. Душевно так хлюпает. Я даже забеспокоился – не перейдёт ли на причитания?

Надя потерянно оглядывается. Аким подходит, берётся за ручку и тянет на себя дверь. Она легко поддаётся. Включает свет, снимает с «узника» наручники. Тот, кажется, этого и не чувствует. Привалился к стене, мирно посапывает.

Полинка тормозит его: «Папка, пойдём. Дядя Аким добрый, он тебя отпускает...» Рудольф крутит головой, трёт глаза, наконец, поднимается. Цепляясь за моторы, идёт к двери. Минуту-другую привыкает к свету, снова трёт лоб, глаза, массирует горло. Узнаёт застывшее лицо Акима, расстроенное Нади, мычит что-то типа «Здрате» и возвращается в обжитое кубло. Протягивает Акиму руки: дескать, давай, защёлкивай, сатрап. Видимо, роль страдальца ему по нраву.

На подходе и сочувствующие. Первая из коих – Нора, очередной раз выловившая из Лагуны мужа. Она вручает узнику початую бутылку минеральной воды: «Пей!

Лучший способ для промывки. Я своего – всегда минералкой! А это – гамбургер. Начинку сама готовила. У-у, пальчики оближешь».

Егорушка, сердечный друг Севы Ляплявкина, заглядывает к ночи. И тоже не с пустыми руками. Кто проходил мимо, слышал про «Шумел камыш», «Ой мороз, мороз...» и «Только пуля казака во степи догонит...» – в два голоса... Посещали и ещё некоторые, больше любопытные до топ-шоу, нежели озабоченные чужим здоровьем. Оно бы, может, и минули, но дверь нараспашку и свет во всю... По новым временам – большой непорядок. И уж, само собой, не случайный, с какой-то скрытой начинкой.

Ждут, навевываются, за Хозяином позыркивают.

В понедельник утром текучий народ почти полностью улетучивается. Затихает Стоянка. Скучнеет и в боксе. Одна Поинка навещает. «Папка, ну, пойдём. Здесь плохо. Не надо. Тебя же никто не держит...» «Папка» упирается: «Не могу. Меня оскорбили, унизили... – Он трясёт сомкнутыми руками так, будто они всё ещё в наручниках. – Как людям в глаза смотреть?! стыдно...» По его щекам катятся слёзы. Прямо-таки, не просто узник, а «узник совести».

Наверное, эти слёзы девочка принимает близко к сердцу. Униженный, опозоренный родитель... Страдает... И мучитель – вот он... Ходит себе...

Ночью вижу огоньки на крайнем мостике. Вспыхнут и летят в сторону лодки.

Стараясь не шуметь и не раскачивать мостик, подкрадываюсь к устройтелю фейерверков.

Поинка... Брызгает зажжёнными спичками в моторную лодку Акима... Утром он собирался на рыбалку, и с вечера зарядил бензином. Игра ещё та!.. В любой момент может так полыхнуть – от мостика с причаленными лодками-катерами одни плоски-головёшки останутся. Да и сама «злодейка» вряд ли успеет ноги унести.

Уже дымится что-то рядом с канистрой.

Перехватываю руку девчушки. Она вскрикивает так дико (видимо, от страха и неожиданности), что я отпускаю. Поинка бросается наутёк.

До пожара дело не доходит, а тлеющую масляную ветошь заливаю водой. Выбираюсь на мостик и вижу Акима: «Ничего страшного...» Но он всё равно обшаривает лодку, задёргивает тентом.

В служебке все «свои». Думаем-гадаем, что дальше. Той ночью Поинка забежала к отцу в бокс, заперлась изнутри, и вот уже почти сутки от них – ни звука.

«Хватит! Какой от него навар? Одна слякоть. Или мы тут вместо собеса?!» – Схожее почти у всех на уме. Странное в том, что озвучивает его Валера Дирибок, сам известный «затейник». «А дальше?» – роняет Надя. «Предлагаю отправить на принудительное лечение!» – режет Гаврилыч. «А Поинка?» – «Поинка будет с нами» – Это – Маша. Почему-то все поворачиваются к Акиму. Он открывает рот, будто хочет утвердить, но только стискивает зубы и часто кивает. Видимо, этот пункт у них обговорен заранее.

Тишину нарушает стук. Осторожный, какой-то заискивающий.

– Входите, – приглашает Маша.

Дверь открывается, и все видят вздувшуюся грибом-поганкой синюшную физиономию Рудольфа. За ним хочет протиснуться Поинка, но он оставляет её в коридоре. Продирает кашлем горло, здороваётся. Ему никто не отвечает. Даже Надя. Она с неподдельным ужасом смотрит на это существо, некогда бывшее человеком. Рудольф падает на колени и, потирая руками, причитает: «Люди добрые, простите! Скотина я! Скотина! Простите! Последний раз...» – «Встань. Вон с ним разговаривай». – Маша указывает на мужа.

Рудольф не унимается: «Не могу я так больше! Простите! Я же – че-ло-век!...» В его голосе немало надрывного, кликушного.

Мы с Ваней Аникиным, не сговариваясь, поднимаем его и усаживаем в торце стола. Рудольф начинает то ли хныкать, то ли икать. Размазывает рукавом грязные слёзы, успокаивается. Кладёт на стол тёмные, в трещинах ладони. «Аким Родионович, прошу тебя... Дай шанс. Последний...» Вытаскивает из кармана складной нож, раскрывает, приставляет остриё к запястью руки, в точку, где бьётся голубая жилка. «Простишь?» Жмёт. Из-под лезвия сочится и начинает взбухать бордовая капля. Он упирается затынутыми мутью глазами в немигающее око Хозяина.

Аким разворачивает плечо... Удар, даже не удар, – тычок под дых то ли кулаком, то ли пальцем столь резкий, что Рудик, как сидел на стуле, так и остаётся сидеть. Только лицо подгнившей шляпкой гриба опадает на стол.

– Хэм, это ж надо, проштил! – хмыкает Валера. Трубка хоть и торчит изо рта, но потухшая. Уважает некурящих.

17. В зелёной россыпи лугов и рощ, в голубых сплетениях ручьёв и речек, в иссиня-белом рафинаде хребтов, в пенной оправе коралловых рифов, в бирюзе океана Остров великолепен, как лоно Вселенной. Я вижу его в один обхват, будто с высоты облаков. И это немислимо, ибо стою на палубе яхты... Закрываю глаза... А когда открываю... Остров – в одном уровне с яхтой. И...

Я ждал её, и... теперь вижу. Она летит в мою сторону... В дымчатой накидке уже не кажется призрачной тенью... Я понимаю, *это* должно стать моим лощманом, моим проводником... Но успеет ли воплотиться?! Или – как обычно?

Парус выгибается немислимым рыбьим пузырьём, будто вбирает в себя ветра всех морей и океанов, и яхта вот-вот протаранит Остров или сама разлетится мелкими брызгами. Однако, и воздух, и океан, и яхта недвижны, точно нарисованы.

Ближе... Вот уже различаю глаза... Их разрез, цвет... Цвет бирюзовой волны... Они – узнаваемы. Я видел их. Когда-то... Но почему когда-то?! Всегда. Стоило захотеть, напрячься... Ещё ближе! Совсем немного – и я разгадаю, вспомню самое важное для себя...

Яхта упирается в некую сиреневую завись. Вот она пружинит и судно резиновым мячиком откидывается назад, а я по инерции, по фантастической дуге, как по радуге, лечу к Острову. И – открываю глаза.

Духота. Саднит сердце... Выхожу из будки. Всё замерло, остановилось. Иду по наплавному мостику. Свет береговых фонарей опадает в Лагуну, теряется в глубине. Манит...

Плыву не спеша, разводя веером руки. Такое плавание не отнимает много сил, успокаивает.

Переворачиваюсь на спину... Совсем хорошо. Надо мной – звёзды. И я начинаю пересчитывать их. Но интересней отгадывать и вычленять целые созвездия, давать им свои имена или вспоминать известные. А уж зверей, птиц и растений на Небосводе...

Это занятие настолько увлекает, что забываю, где, собственно, нахожусь. Меня как бы и нет. Но я чувствую отражённый свет фонарей, мягкое шевеление воздуха, отдалённый шорох прибрежного камыша, живое дыхание Лагуны... И всё это – сквозь убаюкивающее трепыхание звёзд. Всё это – во мне...

Не сразу доходит: я плыву, но не сам, а по чьей-то воле.

Первая мысль – балуют дельфины. На радость детворе они часто заглядывают в Лагуну. А папаши... Те, вообще, отводят душу. Иные прыгают с мостков, плывут рядом.

У моих ног взбухает голова человека в купальной шапочке.

– Сон на воде – это нормально, – говорит голосом Ихтиолога. – Наши предки и не такое умели.

– Ну да, ваши предки вышли из воды, а не спустились с деревьев, – озвучиваю свои недавние ощущения.

Мы взбираемся на мостик. Руслан снимает шапочку. Волосы падают на плечи, и он становится похожим на лесного сатира из древних сказаний.

– Мои предки не вышли, а пришли. А кто скакал по деревьям – там и остался. – Садится, вытягивает ноги, почти касаясь моих.

От него наплывают незримые токи. А, может, они истекают в нас обоих из Млечного пути. Они входят светлыми нитями, неслышно струятся по артериям. Чувствую себя с ним как бы в единой связке. Скажи сейчас Руслан, что мы близкие родственники, я бы поверил. Он протягивает руки к замершим в трепетном ожидании звёздам и – с немалым пафосом:

– Даже у тех, кто не помнит своего исконного Дома или утерял его, но иногда поднимает глаза к Небу, разве не сладостно и тоскливо сжимается сердце?!..

Это верно. Сжимается. И в смуте вопрошает словами Поэта:

*Откуда в нас это, откуда,
С какой хлебосольной руки –
Извечное чайные чуда
И вечная жажда тоски?..*

Да вот, наверное, оттуда, куда тянутся руки человека с профессией водолаза или ихтиолога. Ну, не по мартышкам же эта тоска, которые, якобы, и есть наши предки?!

– А Остров... – Руслан снова обращает себя к Небу, потом ведёт рукой вдоль Лагуны, туда, где в чуткой дрёме шевелится море. – А Остров – наш земной Дом. Признайся, тебе ведь снится Остров...

Это даже не вопрос, а как бы сочувствие, соучастие. Голос мягкий, вкрадчивый. Он не вызывает протеста. Ему хочется повиноваться, утонуть в его бархате... Руслан подаётся в мою сторону, заслоняет звёзды. И снова говорит непривычно для себя, всё больше волнуясь:

– Да, к нему у каждого свой интерес. И у Акима Родионовича с его немотой, и у Надюши. У неё – особенно. Ты ведь в курсе... И тут – никакой мистики. Они хотят... Да что хотят! Они поверили в Остров, в его целебную силу. Им надо помочь. Кстати, Олегу Артуровичу – тоже.

– А у Хирурга что за интерес? – прихожу в себя. Мне представлялось, Хирургу-то как раз не с чего роптать.

– У Хирурга? У него душа не на месте. За его спиной, как и за спиной его коллег, целые кладбища.

– Он от этого страдает? – В памяти – «Аве, Мария!».

– Кто знает... Скальпель – его профессия. Но подобный инструмент не всегда орудие сильных. И не столько мудрых, сколько бедных памятью... – Я внимательно присматриваюсь к Руслану. В его голосе – всё больше от пророка или прокурора, хотя он по-прежнему ровный. – А Олег Артурович – человек весьма не глупый. Да и нам, всей Стоянке, есть о чём подумать. Наверное, слышал, «Бугор» делает под неё подкоп. Ему, видите ли, никакого навару от нас. А моторки, парусные яхты теперь для нашего брата – большая роскошь. Как эта поговорка?... А-а, «Не по Сеньке шапка!».

Смешно, конечно. Кое для кого из нашего брата и булка хлеба почти роскошь. Если бы не рыба...

А про то, что на месте Стоянки «Бугор» не прочь замесить что-нибудь казиношно-питейно-стрептизное, если не удастся хорошенько обложить данью, слышал. Но особого значения не придавал. Как и остальные. «Бросьте вы! – укорачивал Гаврилыч особо внушаемых. – Что с нас взять?! И куда нас деть потом? А детишек сколько

тут при родителях да при стариках дышат свободным кислородом, особенно летом. Они что, изверги там, на «Бугре»? Не понимают?»

Руслан продолжает своё:

– Я уже условился с Акимом Родионовичем и Машей. Надюша с Ваней давно не против. Осталось – с Олегом Артуровичем. Вельбот у него годится для хорошей волны. Возьмёт двух-трех человек... Полагаю, тебе тоже хочется проверить твой сон, насколько он вещий... Нашу яхту спустим через пару недель. Тогда и сможем к Острову... Он молчит почему-то. – В голосе та же, новая для меня, тревога и озабоченность. – Не могу пробиться. Не чувствую его. Такое уже случилось, когда Остров испытывал повышенный интерес тёмных сил... Самоблокировка... Сколько могу – поддерживаю Надю. Но мои возможности на исходе... Без подпитки... На Стоянку... и вообще... выливается столько мути, что...

В этот момент на «Бугре» гремит очередь. В небе лопаются хлопушки, высвечивая вихлявых монстров. Из безликих голов-кубышек вырываются хлопья дыма, фонтаны огненных брызг. Дутые великаны раскачиваются под такие же вихлявые музыку и слова. Они отчётливо долетают через застывшую Лагуну: *«В городе пахнет только тобою... Низ живота заполняет любовью...»*

– Какая славная гастрономическая картинка! – Руслан поправляет волосы. Мне чудится, его глаза искрятся бирюзой. – Ты вообще как представляешь себе бесов? – Он поворачивает лицо в сторону «Бугра», где корчится иссиня-зелёный гигант в кругу более мелких, совсем зелёных. – Творение чьей-то большой фантазии. Толпе нет дела до того, что выродки эти – пустые. Её, толпу, как раз и завораживают пустота и грохот, саму заставляют беситься...

Он будто считает мои мысли. А вот дальше – совсем неожиданное:

– Понимаю, у тебя сейчас на уме: «Уж не мнит ли себя этот самозванец по кличке Ихтиолог – *там* это моя профессия – Садовником? Нет, я не Садовник. Я – Свидетель. На материке так поспешают со своим саморазрушением, что не дают нам вызреть до Садовников, а точнее – вернуть себе эту способность. И потому мы сами, на своём Острове, точно в Ковчеге. Переместиться, смешаться сейчас со всеми – значит, угаснуть в трясине... Школа Острова немало развеяла по свету своих выпускников... Дабы своей жизнью в людях, своим отношением показывали пример сохранения в чистоте себя и Природу. Но, какие вернулись отчаявшиеся, какие позабыли кто они и зачем... А сделать Остров доступным – всё одно, что обратиться в резервацию, а нас самих – в исторические экспонаты. Опыт Америки...

Я смотрю на него во все глаза. И раньше подозревал, – он не как все. Но чтобы до такой степени!.. Не помню, кто сказал о нём, может, Валера: «Этот Ихтиолог потенциальный Норин клиент...» Ещё Боря Смиркин ходит по Стоянке со своими конвертами снов... А сам-то я кто?..

18. Маюсь уже какой час, а сон не идет. Включаю свет. Разглядываю своё «бунгало». Хотя разглядывать особо нечего. Живу, как на причале.

Полка... В два рядка – книги. На литературу трачу приличную часть не слишком великой платы за труд зрителя Стоянки. Кое-что из книг – подарок Ихтиолога. Больше о том, что человеку дано свыше, что он таит в себе и может...

Под рукой – тумбочка. В ней журналы, газеты. Обычно, залежалые, «с душком». Этим «хлебом» снабжают проживающие на «Бугре». Со временем передаю Валере. Ему тоже в радость: «Шпашибо. Хорошая штука для раштопки «буржуинки».

Тумбочка служит и столом. Но по теплу обедаю и «гоняю чай», обычно, в крытом дворике. С едой особо не привередничаю. Не с чего. Нашел оптимальное для своего продолжения. Утром – салат из яблока и моркови... Чередую с отварной свеклой, бананом. В обед – рыба с тушёной капустой и луком. При сезоне этот гарнир заме-

ню огурцами, помидорами с добавкой подножного корма – крапивы, одуванчиков, лебеды. Рыбу можно изловить хоть в Лагуне, хоть в протоке. Сплёл пару самоловок из лозы. Они у меня постоянно в работе. Попадает иногда неплохо. Бывает, грибы «подстрелю». Ну, чай – это всегда. Благо, на Косе в достатке трав и ягод.

Побаловаться винцом? При okazji – почему нет? Табак? Пять лет назад, когда пришёл в себя, затянулся пару раз – стошнило. Что ещё... Маг... Эти «врата беса»... Коробит. И не потому, что такой уж «весь из себя»... Претит же иному сладкое. А когда втянулся в молитвенный ритуал по встрече и проводам Светила, – будто некая паутина спала. У матерного слова, оказывается, есть видимая оболочка. И от него хочется увернуться, как от жирного плевка. Пригляделся к другим. Случайно попадая в мутные подтёки сквернословия, люди испытывают беспокойство, иные стыд, раздражение. Иногда – болезненное. Одни стараются отодвинуться, покинуть «опасную зону», те же, кто послабей, «замарываются» сами, тоже начинают извергать... А вообще-то, от живущих подолгу «на природе» я редко слышал матерное слово.

Аким Родионович с Русланом подобрали меня в устье Реки, под железнодорожным мостом. Правились на рыбалку, глядь – кто-то лежит. Голова на берегу, ноги в воде. Глазами «лупает», а шевельнуться, сказать что-либо не в силах. Переправили на «Бугор», сдали в больницу. Потом навевались. В больнице я пришёл в себя. То есть – как пришёл... Мог разговаривать, понял: все органы на месте и даже не особо задеты. Но кто я и откуда – провал.

Поначалу это не сильно напрягало. Живой и – слава Богу! Надеялся, – всё образуется. Моё фото вставили по местному телеканалу. Дескать, человек потерял память, отзовитесь, кто знает. Однако прошло пять лет, а я вот... И жаловаться некому. Потом прислушался, присмотрелся: потеря памяти – это не я первый.

В сторожке – телевизор. Чтобы не заснуть, включаю по ночам, в свое дежурство, и вижу картинку беспринято толкающихся у мусорных свалок, по вокзалам или бредущих обочинами дорог людей с потухшими глазами. Иногда их «отлавливали», приводили в студии и показывали в «рейтинговых» передачах. Немало и сериалов нашлепано про людей без прошлого. А милиция – та, вообще, открытым текстом: «В стране пропадает без вести сто тысяч человек в год».

Безпамятный какой-то век.

На Стоянке свой мир, свой уклад. То, что живём в природе, – больше всего по душе. А люди на Стоянке... Разные. Хоть бы Ихтиолог... Не заскучаешь. Нормальный? Нормальные по ночам рыбу мешками волокут да водкой запивают. Ещё – странные сны... Часто – схожие. Никак не ухвачу сути. А что она есть, – чувствую. Живу этим чувством. А тут ещё Руслан подкинул загадку с Островом. Намекал на родство с моими снами. Да я и сам это понял. Словом, живу и впрямь, как на причале: вот-вот подойдёт мой корабль. С одной стороны радости-то в этом ожидании мало. Когда он подойдёт? Сколько его ждать? Да и впрямь ли мой? Опознаю ли? С другой... Не обрастаю мохом, не гнию изнутри, что бывает с деревом, у которого подрезаны корни.

Постепенно память возвращалась. Сознавал, в какой я стране, на каком языке общаюсь. Ну, и прочее, что, видимо, вошло от других, нажил когда-то своим умом. Но так и не приходило, из какого гнезда выпал. Почему оказался вблизи моста? Сбросили?.. Вряд ли после этого даже глазами мог «лупать». Где-то метров тридцать лёта. Если, конечно, не промысел божий. Выкинуло волной? Но откуда? Почему?

После заворачивал к тому месту, где меня подобрали. Полупритопленный катерок, вполне приличного водоизмещения... Пытался обнаружить свою причастность к нему. Но разобрать под водой мало что удалось. Номера же на бортах стёрлись то ли чьёй-то рукой, то ли прибоями. Приходил с Акимом Родионовичем и Русланом, чтобы поднять. Однако судёнышка на том месте уже не было.

Аким Родионович взял меня на Стоянку в охрану. Какое-то время все проверял, хотел помочь установить, на что еще гожусь. Можно сказать, у меня были все навыки, пригодные для выживания. Сам построил будку из остатков разбросанного по Стоянке материала. Мог сколотить стол, табуретку, шкаф... Преуспевал в рыбалке. Разбирался в моторах, готовил из того, что было, приличную снедь. Подсказки выплывали из каких-то подкорковых тайников. Ещё манила замысловатая вязь проток. Любил забредать в лесные глухомани, дышать настоем прелой листвы и вызревающих ягод. В их запахе было нечто близкое, берущее за душу.

Как-то Хозяин дал пострелять из своего наградного пистолета. Я запросто, почти не целясь, срезал верхушки сухих веток, будто всю жизнь только этим и занимался. Аким Родионович долго и удивленно цокал языком. Однажды, неожиданно для меня, хотел взять на боевой прием. Я легко увернулся и сам, рефлекторно, сделал ему ловкую подсечку.

Он выправил мне справку на имя Кости Жильцова. Вручила её Маша. Она сказала: Костя – потому, что кости целые, а Жильцов, что долго жить буду. Отчество же вставляю сам, когда вспомню. Ну и, само собой, имя и фамилию замену. Посему Человеком, и то приблизительно, я чувствовал себя только в одном месте – на этой Стоянке. Так что, Бабуин – как бы мой крёстный. Потому и – Аким Родионович. Сказать, что не искал себя и своё отчество... Искал. В каждый отпуск. Ни одну сотню вёрст отмахал пешком. Полстраны объездил, исходил. Всё надеялся...

В будке весит удобное для бритья зеркальце. Когда снимаю созревший за троечетверо суток «урожай», на меня поглядывает человек «без особых примет». Разве что нос с горбинкой. Слегка продолговатые глаза какого-то переходного цвета – от синего до бирюзового. Между бровей – две крепенькие складки. Если пробовал иной раз отпустить усы, то они ложились скобкой, довольно симпатичной. И, само собой, – шкиперская бородка чудного чёрно-бурого цвета. Хотя считал себя нормальным шатеном. Впрочем, брил лицо обычно подчистую. Долгое саморазвитие растительности начиналось в отпуске. Там уж не до бритья. Приходилось ночевать в лесополосах да на вокзалах. А так... Считал, не по чину заводить штатную бороду, выделяться из простых браконьеров. Хотя Гаврилыч пытался выделить. Сидим это на мостике, а он: «Костя, ну, и как тебе в сторожах? Парень ты ещё молодой...» – «Да так как-то»... – мнусь. Не рассказывать же мою историю. Тем более, он, наверняка, в курсе. «Да ты не смущайся, – утешал Гаврилыч, не отрывая глаз от рыбацких снастей. – Сторож – он и на небесах сторож...» Шутник. А может, философ. У рыбаков и поэтов это в крови. Породнить Небо и Землю – это запросто.

Возраст? Если судить по лицу и прочей фактуре, – лет за тридцать. Хотя при общении со своими «сверстниками», чувствую себя постарше. Задор у них какой-то ещё ребячий. Любят после пропущенной стопки-другой шлёпать себя по ягодицам и заливаться соловьями.

Но сколько ни вглядывался в свою физиономию, – ничего определённого о прошлом выудить из неё не довелось. Мог быть в *т о й* жизни и рыбаком, и охотником, и строителем, и солдатом, и человеком, близким к сочинительству. Взять хоть этот дневник... Я знал, рано или поздно – Стоянка для меня закончится и надо будет... Да что надо будет?!.. Выбора-то особого и нет. Или – продолжать по течению, или – выгребать. И то, если блеснёт тот самый огонёк. А если блеснёт, хватит ли пороха уцепиться за него? Не окажусь ли мхом, размякшим на тёпленькой кочке?.. Ну, по виду и структуре душевной... Вряд ли в *той*, паспортной, жизни служил кому-то из страха или прогибался.

Что ещё из себя? «Братья меньшие» тянутся... Не по себе, если им худо. Они ведь без нас... Да и с нами... Смотря с какими нами. Гибель Лаймы... А уж как о невидимых параллельных мирах журжим!.. А они – рядом, эти миры... Дышат, наблюдают за нами. Хотят распознать нервное существо по имени «Человек». Я подозревал,

знают нас и наши слабости лучше, чем мы об этом думаем. Если думаем вообще. Корона «царя природы» заносит...

19. Было... Выхожу утром пораньше встретить Солнце, напитаться его свежей вселенской силой, поблагодарить за новый даруемый день и стыну с открытым ртом. На ветке тутового дерева, перед моим окном, сидит пернатое чудо с могучим клювом. Спокойно так сидит, даже не шелохнулось. Сокол! Беру мясной обрезок из меню Лаймы, вскидываю руку... Просто так, по какому-то наитию, шутки ради, что ли. Сокол выстреливает крыльями и кометой сквозит над самой головой. Смотрю на пальцы. Они – пустые. Даже не почувствовал, как выхватил.

Почти месяц мы встречали с ним Светило. Я исполнял свой молитвенный ритуал, а он сидел на дереве и смотрел на меня немигающим оком, глубоким, точно артезианская скважина. Было такое чувство: он понимает смысл моего действия или пытается вникнуть. Когда бродил по Стоянке, – перелетал за мною с ветки на ветку.

Его полюбили, как и Лайму. И каждый норовил угостить.

Хищный Сокол оказался птицей всеядной. Брал печенье, кусочки сала или сахара, рыбёшку... Решили, он вырвался из зоопарка или, вообще, домашний, ручной. Подкупало, с какой ловкостью, на устрашающей скорости состригал предлагаемые лакомства. При этом никто, ни разу не пожаловался, что хоть кончики пальцев задел.

С ним жизнь Стоянки сделалась как бы богаче, красочней. То и дело слышал: «А где твой Сокол?» Особенно детишки «балдели».

Но в одно утро не увидел его на привычном месте. Стал звать. Я ничего не придумал лучшего, как звать сокола Соколом. И он – прилетал.

Обошёл почти всю Стоянку. Предчувствие было плохим. И оно, увы, оправдалось. На зелёном кусте, усыпанном чёрными волчьими ягодами, – серые кольчуги крыльев с тёмно-бархатными подбоями и царственная голова с остывшими глазами...

Убийцу Сокола показали на другой день. Это был человек в камуфляже, с личиком-свеколкой и зыркучими воробьиными глазками. Действующий майор по фамилии Шкурко. Валера Дирибок поделился тайной, о которой разве что слепой да глухой не ведали. Стрелок по живым мишеням достиг своего звания из-за способностей красавицы жены. Раньше срока достиг. Она часто принимала на Стоянке генерал-майора в отсутствие майора. При нём – тоже.

Спросили: «Зачем?», – имея в виду убитого Сокола. Майор бросил через губу, но с солдатской лихостью и прямоотой: «Сокол – не ворона. В него труднее попасть. Я его не как-нибудь, а – в лёт. Мне товарищ генерал даже руку пожимали»... Спустя какое-то время, вроде ни с того, ни с сего, полыхнуло довольно приличное «бунгало» меткого стрелка. Тушили всем миром, но как-то не очень шустро. Больше, на всякий случай, поливали соседние будки.

Когда не стало ни Лаймы, ни Сокола, – в подполье завелась крыса. Сидя в дворике, я следил за нею. Обычно, показывала себя вечерами. Вот высовывается острая мордочка с чёрнымимышлёными глазками, вот – всё туловище, вот выволакивает длинный хвост-руль-помело. Задрёт с повернутым ко мне шмыгающим носом, потом не спеша, перебежками – к берегу. И это были даже не перебежки, а странные рывки-подвижки. Она как бы подволакивала себя, чуток заваливаясь. Пригляделся. Вместо задней ноги нечто, похожее на обглоданный стручок. Наверное, капкан перекусил. Или сага? Лапки не было совсем. Не знаю, какое пропитание добывала у воды (отбросов-то выкинутых волнами хватало), но всякий раз возвращалась.

На вторую или третью ночь подсунул корытце с кормом. Утром оно оказалось пустым. Может, и не крыса, а Валерины кошки подчистили. Ночами они разгуливают по всей Стоянке. Решил проверить. Корытце ставил на виду, когда она выползала на вечернюю кормёжку. Первые день-два ковыляет мимо, лишь обнюхает. Потом

начала поедать. Без спешки, точно в одолжение. Попробует, повертит мордочкой, послушает, что из этого выйдет, и опять жуёт.

Придвигал корытце всё ближе к тому месту, где сидел. Через пару недель уже мог дотянуться до него рукой. Пытался погладить. Но нет, гладить она не давалась.

Назвал её Шурой. Почему? Может, по имени женщины, что безвылазно проживала на Стоянке весну, лето и осень. Жила одиноко. Была... Впрочем, не знаю, какой она была. Спросят что-либо или поздороваются – ответит. А так... Пройдет мимо тенью, словно в тумане. Часто видел её застывшей изваянием на мостике, особенно по вечерам. Стоит и стоит, смотрит на воду. Будто завороженная. Будто не в силах освободиться от наваждения... Говорят, дружит с рюмкой. А раньше – на катере каждые выходные... По-семейному... Сын её сгинул в какой-то «горячей точке». А муж Валентин умер позапрошлым летом. В цехе серого чугуна работал, на «Бугре». Последние два года лежал в будке, отхаркивал тот самый серый чугун заодно со сгустками черной крови и легких.

Иногда, глядя на потерянно бредущую женщину Шуру, утешал себя: мне-то хорошо, – у меня крыса есть. Где-то спустя месяц после нашего знакомства брала крошки с ладони. Если я не выходил из будки в привычные часы или где-нибудь задерживался, – царапалась в дверь. А в одно утро, после дежурства, обнаружил её на пороге своего логова с аккуратно прокушенной головой и запёкшимся в том месте пятнышком крови. Рядом, таким литым монументиком, – Валерина Чернуха, ожидает честно заработанную медаль или даже орден. Поначалу опешил, потом в отчаянии топнул, гукнул... Да так... За малым горло не повредил. А ей – трын-трава! Остановила на мне стеклянные глаза убийцы, потянулась, зевнула и отправилась восвояси, виляя тощим задом. Мол, ну вот, опять что-то не так. Я с ним вроде как по-человечески, а он ко мне – по-собачьи. Хотя псы для неё... Увидит – сядет, застынет истуканом со своими немигающими... А они хвостики... Ну, хвостики не особо поджимали. А вот поскукчелые морды отворачивали. И – сторонкой. Дескать, а мы чего? Мы – ничего...

Я присел возле несчастного существа из того самого «параллельного мира». Конечно, такие они сякие – эти крысы. Чего с ними чиниться! Нахлебники. Подъедают, объедают человека, не очень симпатичные чувства вызывают. Переносчики разной дряни. И прочее, в том же духе... Но!.. На миллионы лет опередили они «старшего брата» своим явлением на суше. И кому кто мешает, отравляет жизнь, кто кого вытесняет – большое «А»? Уж как ни упражняется, ни изгаляется гомо сапиенс над несчастными только потому, что много сходного. И даже превосходного. Поразительная генетическая память, фантастическая способность к выживанию в самых невыносимых условиях... А мы... Стоит затеряться в лесу и уже – маугли, по-волчьи воем. У них, как и у вознесённого на вершину «пищевой пирамиды» «венца творения», инфаркты и инсульты случаются. Особенно при тех самых «научных опытах». Дабы, значит, разгадать, как через мучения «братьев меньших» нам в добром здравии и благодати подольше протянуть. Радоваться бы... Но... что-то здесь не то... Не так... В средние века Индию накрыла страшная чума. Люди вымирали целыми селениями и городами. И только те, которые укрылись в храме, где за божество почитали крысу, выжили...

Может, миф, а может, и правда. Но при любом раскладе человека сподобило воздать должное своему извечному непредсказуемому соседу.

Что-то крупно сыплет по крыше. Через минуту идёт ровный, тихий дождь. Накапывает спасительный сон.

В зелёной россыпи лугов и рощ, в голубых сплетениях ручьёв и речек...

(Окончание в следующем номере)

Галина Студеникина
член Союза писателей России
г. Новочеркасск
Ростовской области

В солнечных объятиях

Послушай

Дождь
на ладонях закапал
вслепую июньское скерцо...
Забилась душа в угол сердца
(в сердцах!) и захлопнула клапан.
...Ну, что это? Век – проплакан.

Хватит, голубка! Обидно –
декабрьскому вторить совету.
Дождинку возьми, как конфету:
за дождь дальнозоркий, как видно,
слепому дождю
так стыдно!..

Вижу

Оборвался проводок...
Сердце встало на минуту,
и, впадая в боль и смуту,
тяжелеет кровоток.

Погрустнел и помутнел,
о висок толкнувшись глухо...
От обиды глупой
глупо
оставаться «не у дел»!

Зачищай, Господь, концы,
проводок вяжи покрепче –
верю, и минута лечит!
Вижу: все глупцы – слепцы...
Знаю: жизнь – обиды легче.

Таю от счастья...

Солнце со снегом в едином причастье –
небыль и быль:
вьётся, смеётся и тает от счастья
снежная пыль...

Будем – не будем, любим – не любим,
ад или рай:
«Взрослые люди, мы – взрослые люди», –
не повторяй.

Сердце *как будто бы* оберегая
(старая «новья»!),
взрослые – знают: не тают, играя
в жизнь и любовь.

В заповедном тумане

Белый празднует ворон –
сторожит наш туман,
чёрный – правит проворно
осень дальнюю нам...

В заповедном тумане,
в талом облаке грёз –
что надеждой дурманит,
как весенний прогноз;
что судьбу
назначает,
как сторожкий совет, –
ворон белый не чаёт,
уповая на свет,
глаз прищуришь,
накаркать,
что за облаком грёз
нам смеяться и плакать
черно-правленно –
врозь...

Глаза – открой

Последний взмах, прощальный круг
лебяжьего крыла –
зима-лебедушка плыла...
и уплыла из рук.
Пушинок вихрь, цветочный рой, –
на счастье поцелуй!..
К снежинкам землю не ревнуй –
глаза на день закрой.

Там, где лебяжий пух падёт
(где – знает лишь весна!),
тот цвет, которому тесна
снежинка,
прорастёт.
И завтра первый жизнецвет,
наш «аленький цветок»,
любовью спрячу между строк:
– Глаза открой...
Привет!..

Пахну воском...

И надежды, и песни, и волосы
пахли солнцем,
пером,
ромашкой...
«барбарисками» – по кармашкам! –
и теплом дорогого голоса.

Пахну – воском и тёмными странами,
прелым золотом апельсина...
межстраничным цветком жасмина...
и твоими, вещун,
обманами.

Расскажи

Лети, душа моя, спеши
под благодатный верный кров!
Воскресной дали Расскажи –
что для души
живая кровь.
Что есть любовь и что есть Бог
тому, кто помнит благодать,
но веры в радость
не сберёт,
поверив благодати
страдать...

Не спится...

Что тебе не спится, сердце дорогое?
С верною синицей было б ты в покое.
То – февраль дымится
снежную пургою,
за незимней птицей дыбится тоскою...

Алексей Береговой
член Союза писателей России
г. Ростов-на-Дону

Красавчик

рассказ

Иван Нестеренко и Михайла Чепурной собрались на мельницу, выпросили у бригадира сивую кобылу Машку, запрягли спозаранку бричку, кинули в неё по три мешка гарновки и двинули по холодку. Дорога недалняя, но и не близкая – до соседнего хутора, где была мельница, километров десять. В общем, есть время и подремать, и покалякать кое о чём.

Сначала помалкивали: то ли языки ещё с привязи не сорвались, то ли дух переводили после мешков да понуканий ленивой кобылы. Потом Иван развязал оклунок, достал завернутую в тряпицу еду.

– Исты хошь? – спросил он у Михайлы.

– Не, баба успела напхать, лучше недоспать, грит, чем недоисть.

– А моей хочь бы хны! Оклунок собрала и – дуй! У шляху, каже, пошамашь. А чё, и правда – у шляху чё ишо робыть? – Иван шмыгнул красным, облупленным носом, сунул под пегие усы редиску и захрумкал. – Може, сальца, цебуля вот зэлэна е, пэтрушечка?

– Не, я той петрушечки лет на десять наевся. Наперёд.

– Ну да, – не поверил Иван, – як же то?

– Да как-то дали в колхозе путёвку у санаторию под Батумом, моя причепилась: ехай, да ехай! Ну, поехав. Санатория там ничё, хорошая, токо кормют так, как в голодный год от себя отрывают. Лечение это у них называется. Ну и надоела мне такая жизнь. Ресторан там был недалеко, забыл как название, – не по-нашему, по-грузински... Н-но, короста! – стегнул Михайло кобылу, – совсем стала, прислухивается! В обчем, думаю, дай я себе разгрузочный день сделаю (это в санатории день такой есть – разгрузочный, када о том, што ел утром, к обеду начисто забываешь, а в три часа дня совсем без паморок: жевал ли чё-нёбудь сёдня или не). Наемся, думаю, до отвала, гроши мне жалеть, што ли?..

– Ну?.. – заинтересованно хрумкнул Иван.

– Зашёл. Ресторан ничё – красивый, снаружи шикагуренный, а снутри булыганы на стены навешаны, в пещере как бы... Длинные ряды столов и – на кажный ряд гвардеец с усами и с полотенцем. Людей не дуже много, токо в одном ряду грузины сидят, штой-то едят, пьют. Меню – книжка такая страшная в ресторанах есть...

– А шо вона страшна? – перебил Иван. – Картинки, шо ли?

– Ага! Почитаешь, почитаешь, и с копыт – в обморок. Это када грошей у кармане кот наплакал.

– А-а...

– Так вот, меню раскрыл, а там, што душа желает, и всё грузинское: харчо, шашлык, хочамбили, сацвили, ещё што-то, уже не помню. Ну, шашлыком и харчом нас с ног не свалишь – их у нас в любой столовке из чего хошь лепят, а в остальном, думаю, хочь я и хохол, но не хужей грузина разберусь...

– И ты усэ зьив? – не удержался Иван.

– Штобы всё съисть, даже твоово пуза не хватит, надо разов у пять поболе. В обчем, зову хвицианта. Подбёг. Я ему заказ даю: харчо, шашлык, хочамбили, ну и запить, штоб было чем. Сполняй! «Шашлык надо ждать», – грит. А я не спешу... «Зэлэнь будэшь?» – спрашивает. Глянул – все зелень зубами трут, а я што хуже? «Буду», – грю. «Скоко?» А я знаю скоко – отродясь её не вешал?! «Тащи кило!»

Он на меня глаза вытаращил, аж усы раздвинулись, но примолк, побег заказ сполнять. Што такое, думаю? Чё он так, зелени, што ли, у них мало? Вроде чуток не по себе стало, но виду не подаю, сижу, отдыхаю. Он мне харчо, хочамбили приволок, бутылку вина, «Везисебяни», кажись, называется, клёвое такое винцо, приятное и не дурное. Вроде как один грит: «Вези себя», а другой отвечает: «Ни, – мол, – не после чего...»

Ну, я винца плеснул, полстаканчика пропустил, токо собрался ложку в харчо воткнуть, тут глянул на моего гвардейца и обалдел. Стог сена прёт, охапку, точно корове. Ну, думаю, хана мне, но вида опять не подаю. Даже грузины за столом примолкли, смотрят то на меня, то на него – не поймут, наверно: чи щяс я всё это жрать буду, чи на зиму запасаюсь. Я, в обчем-то, петрушечку, укропчик помаленьку уважал, а тут тюк травы, и чего токо в ней нет?! Ну, што себя им насмех выставлять, надо заказ употреблять. Да еще и тот, паразит, стоит недалече, полотенце через руку, уставился на меня – интерес его берёт: съем или не. А што думаю, съем, да ещё как, штобы ты и не пикнул, што я в той траве – ни бельмеса.

– И што, зьив?

– Умолел. Стакан свой допил, другой наливаю и тому хвицианту – на, мол, опрокинь. Тот башкой трясёт – неззя, мол. А я ему: давай-давай, всё одно от него пьяный не будешь, уважь, мол. Он глазищами чёрными по сторонам зырк-зырк, стакан схватил, и я не вспашился, как тот стакан уже на столе стоит сухой, хочь паутину в ём заводи.

Ну, и стал я то сено в себя запикивать. Жую – вроде ничё. На вкус не поймешь, может, оттель, што я всё скопом, без разбору, но противности нет. Потом тяжельше стало, так я беру пучок и в солонку, в солонку – с солью вроде полегче... Вот жую и жую свою жвачку, а все на меня уставились, любопытствуют. Пятуно бутылку вина приканчивал бы, так, наверно, никто и не засёк бы, а тут... И ничё, не сдаюсь, хочь не лезет она в меня, но я её силком: давай-давай! И вот травы у меня осталось уже не так богато – как у всех, – и уже совсем себя спокойно чувствую, и зал так это осматриваю с достоинством, а один толстый дядька с круглой шапочкой на голове не выдержал, кричит: «Какой маладэц! Савсэм наш чалавэк!» – и бутылку вина мне посылает. Ну, я ему бутылку взамен, а сам думаю, пора и за харчо браться, а то во рту какаясь хреновина, а в пузе совсем не поймешь что: вроде и полно, а как не ел.

Вот тебе и вся петрушка, смотреть я на неё счас не могу.

Дорога пошла под уклон, в балочку, и Машка затрусилась рысцой, выбрасывая копытами фонтанчики пыли.

– Гля, – удивился Иван, пряча в окулюнок остатки еды, – проснулась, шили? Сама побигла!

– От Машки дождёсья! То бричка теперь с мотором, а ей её держать не вмоготу...

– Слухай, Михайла, у тя опять мешок развязався, сыпет...

– Тпр-ру! – Михайла натянул вожжи. – Вот, короста!

– Хто?

– Да жинка! Так мешок завязала, што я его уже три раза перевязываю, а он опять развязывается...

Михайла неторопливо слез, затянул мешок бечёвкой, уселся снова. Раннее солнце висело над притихшей пылью дороги, бросало косые, ещё прохладные лучи на перекаты полей, извилины лесополос, зеркалило в глаза дальним, одиноким прудом.

– Н-но, проклятая! – мотнул Михайла кнутом, и бричка снова потолкала Машку по склону балки.

– А за шо тя Красавчиком у хуторе кличут?

– Стешина работа! Как поженились, она всё: «Миня, красавчик мой!» И на людях, и дома. Ну и добалабонилась, подчепили – и пошло с подковыркою: Красавчик да Красавчик! На хуторе токо дай порвать! А я, сам знаешь, какой красавчик! И ничё бы ещё, хочь бы токо в хуторе талдонили, а то и до области дошло.

Раз поехали с ею по магазинам пошастать, зашли в универмаг, жинка: шляпу померь да померь! Я – шляпу на голову, по перед зеркалом крутнулся, возьми да и спроси: «Ну как?» А та, што шляпы подаёт, – морда такая круглая, нахальная, на голове пук соломы крашеной, её хочь голой встрень на тёмной улице, сразу увидишь, какой она прохвесии, на той морде всё написано, – головой трясёт, верещит: «Берите, берите! Ещё как идёт! Вы в ней прям красавчик!»

Я на Стешу косонул, потом на рыжую, и такое меня зло взяло! Ну, думаю, в области знают, – даже эта халява подначивает, а в район теперь вовсе не покажись! Моя губы защемилла, мелкой дрожью взялася – молча смехом исходит, вот-вот коньки отбросит. Ну, думаю, домой прибудем – сроблю тебе красавчика! Шляпу на соломенные патлы наткнул и ходу... Ты-то чё икаешь?

– Да то я так. Воды, мабудь, хочю...

– Попей тада.

– Попью... А шо дальше?

– Дальше? Дальше как раз сено складать надо. И вроде подзабулось усё, да она опять навела...

Я, знамо, мечу, Стеша наверху укладывает, топчет. Здоровенный такой стожина получился, поболе сарая. Пошабашили. Я закурил, доволен: корова, думаю, энтой зимой без соломы обойдётся. Баба наверху сидит, отдыхает. И вдруг опять за своё: «Миня, красавчик мой, тащи дробину, слезать хочю». Я за малым окурком не подавился! Ну, думаю, дам я тебе счас дробину! Побег у хату, ружжо со стенки хвать и на двор. Как бабахну повыше ей – боялся, конечно, что зачеплю, да зло дюже душило, – так она про свою дебелость забыла и, как перышко, со стога спорхнула, стоит, глазами лупает. «Слезла?»

– спрашиваю. «Слезла», – говорит, а после очухалась, видно, как заорёт: «Ты што, паразит, с ума совсем рехнулся? До смерти испугать захотел?» – и притихла, смотрит так, смотрит и вдруг каже: «Миня, красавчик мой, ну нельзя же так!» И што ты с ей сробишь? Махнул я рукой и пошёл в хату...

– Не отучив?

– Не. Подумал: да пусть себе, не со зла же. Токо вот от других обидно было поначалу. Пока не привык. А баба у меня ничё, хорошая: и хозяйка, и всё, што надо, токо счас выбухала на пятьдесят восьмой размер, а смолоду тростиночкой была. Я сам-то, вишь, еле на сорок шестой тяну – куды мне с ей тягаться? Ну и, как любая баба, любит, шобы, значь, всю получку ей положил да за кажную копеечку отчитался. Токо што же за мужик без заначки? А куды ты её от бабы сховаешь, если она и на дворе, и в хате кажную шшель знает? Так я вон што придумал: кепочка у меня была, старая-престарая уже – ты её видал, я на работу в ней ходив – я в той кепочке, в подкладке, махонькую дырочку пробуравил, как раз червонец плотненькой трубочкой пролазит, – ну, значь, я в ту кепочку заначку мыкну, домой прийду, на веранде кепочку в угол – бух! – остахренела она мне, мол, поверх рабочую одёжу кину и пошёл в хату. Жинка шумит: опять робу покидал! – одёжу переложит, кепочку ту ногой пихнёт, летит она куды-небудь, а я молчу и радуюсь, в надёжном месте, значь, заначка! Скоко лет жили, а она всё ту кепочку ногами пинала, да ругалась на неё. Другие бабы хвалятся – находят заначки, а Сеша: «Нет у мово!»

А с месяц назад на работу собираюсь, глядь, а кепочки нема. Я к ей: «Игде мой головной убор?» «Какой такой убор?» – спрашивает. «Рабочий!» – «Фуражка, што ли?» – «Да!» – «Так я её в печку кинула, надоела она мне, не приведи Господи!» – «Спалила?!» – не верю я. «А куды она ишо годная?» – грит. И до того мне ту кепочку жалко стало – с заначкой же сгорела, – што хочь плачь, да, как Штирлицу, даже виду показать неззя.

Я зубы сцепил – дух перевозжу, а после спрашиваю: «И как это всё ты дальше кумекаешь?» – грю, а сам стараюсь в голос поболе стали самой твёрдой добавить, штоб звенел, как меч в крепкой руке. «В чём же это я на работу ходить буду? Или прикажешь при всем народе лысиной сверкать?», – а она ласково так, как кошка, мурлычет: «Миня, красавчик мой, не серчай. Я те новую фуру купила, на вот. Гля, какая славная. Токо ты не кидай её в угол боле».

Взял я ту кепку – новая, аж хрустит, как песок на зубах, – подкладку пошшупал: ничё, думаю, и эту приспособим – и на работу... На, закуривай...

– Дак я ж не курю.

– Ничё, чужие можно.

– Тада давай...

– А то как-то раз дрыхнем утром, хочь с пушки стреляй, вдруг она мне в бок ка-ак саданёт кулаком да заорёт почище репродуктора: «Миня, проспали, коров уж погнали!» Я вскочь, в окошко глянул: точняк, коровы уже прошли, ишо пыль на улице стоит. Догонять надо, а как? Какись тряпки попались – я их на себя, на веранде ноги в Стешины сандалеты пхнул – и в сарай да корову на улицу. А там, веришь, не токо бабы да мужики, што скотину провожали, – сами коровы рты пораззявили, стоят, на меня лупятся. Што такое? Чую, штаны падают, глядь на себя, а на мне моя майка, да жинкины панталоны, широкие, как парашют. Бегу, панталоны под мышки зажал, нехай лупятся,

думаю, мне того и надо. Догнал я стадо, хочь сандалеты то с ног слетают, то каблуками подворачиваются, и сдал свою пеструху пастуху, пока он мычал на меня, как бугай. Чего мычит, думаю, наверно, дюже к коровам привык, по-ихнему разговаривает...

– А Стеша, шо?

– Када как. То смеется, ничё – веселая, то, хочь убей, – не понимает, и всё тут. От тем ноябрём лежим у хате, ночь ранняя, за окном дождь в ставни молотит, и не снится, хочь глаза выколи. И што-то так тоскливо, уныло. Чую, Стеша моя придремала. «Стеш, а Стеш», – грю. «Чё тебе», – бурчит спросонок. «На двор хочю, живот скрутило». – «Так иди», – не хочет просыпаться, хочь ты лопни! «Там тёмно и холодно, дождь лопотит, как к тебе после полезу?» – «А ты оденься...» – «Неохота». – «Тада терпи». – «Ой не могу терпеть, не могу-у!» – дуркую я. «Отстань!» Смотрю, начинает шевелиться. «О-ой! О-ой!» – сам за живот держусь, будто мочи никакой нет. «Да иди ты!..» – грит. «Куды?» – «Куды хошь!» – «Тебе всё одно?» – «Всё...»

Я через неё перевалился, снимаю штаны и сажусь прям посередь горницы, на коврик. Ох, как она взбеленилась! Как заорёт: «Ты што, паразит проклятый, надумал? Совсем сдурел?» Я молчу, делаю вид, што занят, мол, своим нетерпимым и неотложным делом, и даже как уже полегчало мне. Она с кровати слетела, схватила не то стул, не то комод (в потёмках не разобрал) – и хрясь! – меня по горбу, аж в глазах фонарики зажглись, заплясали. Тут уж не до хохмы! «Ты чё, – грю, – озверела?» Она свет зажгла, увидала, что я шубатую, засмеялась: «Ну, – грит, – гад, довёл до ручки!» Потом так жалостливо: «Миня, красавчик мой, тебе не больно?» – «Дура, – грю, – тридцать лет живем, а всё шуток не понимаешь!..» – «А ты пошуткуй ишо...» – «Нет, – грю, – неохота...»

– Намаялась она з тобой, верно...

– Не знаю. Никада об том не сказала. Был такой ишо случай: навернулся я на мотоцикле. И так по-дурачки всё вышло: я, вообще-то, этих тарактелок не терплю, а тут меня на станцию хрен понёс и, стыдно сказать, – за бутылкой. Коля Кислый сам бухой был, так мне свой друшпак наделил – сгоняй да сгоняй! Ну, и сгонял...

Там на магазине замок с ядро чугунное, што под Азовом нашли, висит, за версту видно, ну, я и повернул назад. Ещё подумал, не поверят архаровцы: это ж надо – на станции магазин закрыт, совсем как у нас в хуторе!

Ну, жму назад, тут посередь дороги ямка приличная, я в ту ямку передним колесом смайнал, руль подвихнулся, и я полетел. Лечу и думаю: какая ж это короста её тут прям на дороге вырыла? И на душе как-то, ну, совсем неприятно, вроде ждёшь, што тебя хворостиной отлупят. Тут смотрю, клок соломы лежит, ну я в ту солому рожей и спикировал, вточь по стерне пахоту поднял, гектары дал. Ну, думаю, подвезло мне всё ж – мир не без добрых людей: ктойсь тот клок с жары потерял, как для меня специально оставил, и теперичь, как-никак, а всё ж на мягкое притулился.

Морду, конешно, всё одно свёз, такая морда была – закачаеся: вся пухлая да красная, вточь на сельхозвыставку откармливали.

А по хутору тряпошный телефон, знамо дело, уже набарабанил: «Стеша,

Красавчик насмерть убился...» – и прибрежали кой-што – пьяный, мол, был, да у Колькиной телеги колесо на одной гайке привинчено.

Машина шла, подобрали, домой доставили. Моя, как увидела, да ко мне. «Миня, – кричит, – красавчик мой, не помирай, я всё, што хошь, для тебя зроблю!» Я в хату вошёл, шатаюсь, на кровать бухнулся, ноги вытянул, вроде как помирать счас буду. Она – в слезу да за примочками, когойсь за хвельшерицей послала, когойсь ишо куды-то. А сама: «Миня, ну што ты хошь, што тебе дать?» Я лежу, хочь морда и огнём горит, а всё ж приятно, што так по тебе убиваются, и всё, што ты хошь, тебе немедля приволокут. Ну и думаю: чего ж это я хочу? Попросить грамм двести, што ли? Нет, не надо, и сам не знаю почему, грю: «Поцелуй меня, Стеша». Она как глянет на меня, как всполошится: «Ты што, прощаться надумал?» – «Да нет, – грю, – это я просто...»

– А хвельшерица, шо?

– Её, слава Богу, в хуторе не было, к дочке в район укатила, та рожать собралась, так вроде как без неё не разродится. И хорошо, а то рожу бы всю зеленкой разукрасила – у неё ж боле ничё нема, да больнишний бы нарисовала – моя б тада тем больнишным меня б к кровати наглухо приковала, а я валяться не дуже люблю. И так всего два дня вытерпел, хочь Стеша от меня ни на шаг, и вся такая ласковая, душевная, вроде вчера поженились. И мне хорошо, чую – и ей тоже, прям сердце друг по дружке ноет. Однако скоко ж лежать можно, совесть надо иметь – тяжело бабе одной-то...

Они помолчали. Михайла стегнул кобылу, скорее для острастки, чем для резвости, задумался. Иван достал бутылку с водой, приставил к губам и забулькал крупными глотками, потом не спеша вытер усы, протянул бутылку Михайле.

– Жарко будет сёдни...

– Да, уже палит. Ты вот, Иван, нетутошний, скоко у хуторе живёшь?

– Дэсять рокив.

– Во, потому ты про нашу со Стешей жизнь не шибко знаешь. А я думаю, не, неплохо мы прожили. Четвёртый совместный десяток разменяли. Всяко было: и лихо, и радость – всё сумели перемочь. И вот што стало падать на ум, темяшиться в голову: не дай Бог, она первая помрёт, тада и мне хана, ни дня у меня не будет, ни ночи – всё пусто... Хотя, если покумекать, как же и она без меня?.. Не знаю...

– А диты?

– У их самих дети. И свои жизни, свои тропки. Но всё ж тянется, растёт наша со Стешей лестница! А за Красавчика не виню её – не, хочь скоко годов хожу с той вывеской. Нехай подсмехнет, кому охота, а мне што? Може, я для неё на самом деле такой, може, это она от сердца каже... За што серчать?.. Н-но! Родимая!..

Михайла достал из пачки «беломорину», пустил густую струю дыма, забыв угостить Ивана, и замолчал надолго, глядя поверх кобылей головы: то ли мельницу выглядал в близком уже хуторе, то ли виделось ему там, впереди, что-то ещё далекое, но уже ясное...

Ростов-на-Дону, 1980 г.

«Эх, Фаина...»

рассказ

Витюня Ключкин парняга шустрый: так просто не выбить его из седла, и за словом в карман не лезет – любит покалякать, пустить иногда блатной жаргончик. Какой-нибудь девахе мозги запудрить или бабuse в доверие втереться – это ему раз плюнуть, было бы настроение. Везде он «будь спок»: угрюмого растормошит, насмешнику пару слов – и тот заткнулся, а где надо и силу показать – тому, кто речи мужской не понимает, – за Витюней не заржавеет, у него кулак – к делу и не к делу – всегда на мази. Весёлым считался Витюня парнем среди приятелей, своим в доску – с таким не прокиснешь.

Напарник его, квадратный Сева Дробот, наоборот, больше помалкивает да лыбится, пока Витюня что-то выдает, обожает крутить баранку своими лопатами-руками да слушать...

За окном мелькает заснеженный лес. Вечереет. Меж стволов опушек брызгает расплавленным золотом низкое, тяжёлое солнце, чиркает верхушки открытых бугров. «СуперМАЗ» натужно воеет на подъёмах, ошалело задыхается на спусках, сдерживая дизелем сорокатонный прицеп – дорога такая, не тормознуть: скользкая, плохо расчищенная. Машины встречные редки, расходились с ними осторожно, медленно, после разъезда скорость прибавляли понемногу, так, чтобы не смайнать с прицепом в кювет.

– Ну, холодина! – Витюня откинулся на спинку сиденья, потянулся всей своей длинной, худой фигурой. – Публика кругом приедета что надо: шубы, кацавейки, валенки, а мы – «гости с юга» – попёрли в курточках да джинсах.

– Кто ж знал, что такой морозище придавит! – Сева крутил баранку.

– «Знал, знал», – перекинул его Витюня. – Ты, мужик, откуда? Радио тебе зачем, телек? Слыхал: по всей территории сильные морозы, ветрюган... – Витюня нагнулся, включил приёмник. Полилась музыка.

– Да ну их! Сёдня одно, завтра другое тулят. С десяти раз в очко попадают. Слушай их после этого...

– Нет, ты слушай. Для того и коптишь двадцатый век, чтоб к радио ухо прикладывать да телек наблюдать. Цивилизэйшн! Страна борется с твоей дремучестью.

– А-а, – отмахнулся Сева.

Витюня помолчал. Достал сигареты.

– На.

– Не хочу.

– Не переживуй, – техника надёжная. – Витюня погладил приборный щиток машины. – Не подведёт! А на разгрузке как-нибудь перебегаем.

– Может, зря свернули на эту дорогу? Лучше бы по основной... – засомневался Сева.

– Сто двадцать километров экономии – это кое-что. Я эту трассу знаю, летом мы с Мишкой Вакулиным мотали здесь. Нечтак дорожка, вполне приличная. А по основной мы срок бы, наверняка, завалили, – сейчас нигде не разгонишься...

Стемнело.

Переехали через мост над засыпанной сугробами речкой, высветили фарами развилку, свернули на дремлющую в красноватом свете «кобр» заправку. Витюня – бегом с талонами, Сева – «пистолет» в бак и в танец. Солярка, тяжёлая, густая, лилась туго – пока заправились, задубели оба вконец.

Всё, поехали. «СуперМАЗ» жарко дышал печкой, но отогревались долго и как-то странно: вроде как и тепло снаружи, а внутри всё холодно и холодно. Душа застыла.

Ну вот, полегчало, согрелись малость. И снова Витюня за свою трепню:

– Смотрю я на ту кадру: плывёт по танцплощадке, походка деловая, взгляд – упаси боже! – а сама, ну прямо жердёла: тощая, маслятая и вся заджинсованная. Я к ей: «Девушка, и кто же это такой вислый зад и кривые ножки штанами обтягивает?» Она мне плюет: «Дур-рак!» – «И я так думаю», – покорно соглашаюсь и смотрю, как она косоротится, прямо зеленеет от злости, – попади ей сейчас в руки дыря, двинет по чердаку сдури, – не очухаешься! Ну, секу, сваливать пора, не на шутку взбеленилась – кругом же народ: уши развесил, зрачки раздвинул – слушает, смотрит, кое-кто уже зубы обнажил, похахатывает. И я ей так, с чувством, натрекиваю: «Красавица, ты не психуй, не надо, я же то просто шутнул маленько. Ну да зачем ставить из себя цацу – на пупок выше всех – когда сама, как вошь задрипанная, – я же просто потанцевать хотел, а тебе только Миша Боярский устраивает».

– Ты сам артист, – ухмыльнулся Сева.

– А чё-е? Бывают артисты народные, а бывают из народа. Я вот раньше пел без нот, по памяти, а теперь по нотам, да без памяти, что лучше?..

«СуперМАЗ» засбоил, задержался. Сева выматюкался, выжал сцепление, поддал газку. Двигатель взвыл и задышал спокойно, чуть сипловато, словно прокашлявшийся старик.

– Твою мать! – возмутился Витюня. – Всё замёрзло так, будто уже сто лет снег лежит...

– Куда спешить? – отозвался Сева. – Часам к одиннадцати прибудем в Сычаги, там и заночуем.

– Гостиница в этих Сычагах есть?

– Посмотри по атласу.

Витюня полистал атлас.

– Вот, Сычаги... Есть точно. Крупняк же городина – райцентр. Ничё, по-прем в гостиницу – надоело: кабина да кабина.

– Так тебе там места и приготовили. Держи карман шире...

– Прорвёмся! Натрепем что-нибудь, напустим дыму и прорвёмся...

– Ну, а дальше что?

– Спать будем.

– Не, я про ту кадру, что в джинсах.

– А-а, Верка – то. Я её чуток знаю. Обозлилась она, но свалила молчком. В конце танцев меня Валера Нельсон зовет: «Витюня, канай сюда!» Подхожу. «Здоровый ты парень, как сарай, – говорит, – но тёмный, как подвал. Ты ещё в коляске одним зубом погремушки грыз, когда я...» – «Когда ты, – перебиваю его и так это ехидненько улыбаюсь, – мордой на Коцебу булыжник чистил». Был такой случай, Валера попьане по мостовой на Коцебу рожей прошелся,

подровнял её маленько, красавец потом был – вся округа умытывалась. Оборзел Валера. «Ты чё, козел поганый, – говорит, – схватить хочешь?» – «Кончай, Валера, – говорю, – баки публике забивать. У тебя хочь и один глаз, а всё ж по сторонам позырить можно: детство-то наше давно проплыло, и с ним – то времечко, когда ты нам свои лишние пять лет на кулаке подносил, и на хилость твою давно те пять лет списались». Ну, вокруг Валеры псы всё ещё вертятся, он на них глазом покрутил, но стерпел, спрашивает вроде спокойно: «Верку ты зачем обидел?» – «Что, уже наквакала тебе? Слышь, ну что ты за неё горлом болеешь? Ходит, как коза некормленная, задом фигуры выписывает и чхает на всех с высоты своей телебашни. Не люблю таких!» – «А я – таких, как ты!» – «Что, глаз на неё положил? Да у неё на тебя...» Короче, вижу, драчка замастырявается, псы подступили, а Валере уже неважно перед ними, что какой-то Витюня Клочкин – для них сопля размазанная – его при них хает и, главное, не боится...

«СуперМАЗ» опять задёргался, зачхал.

– Ну чего ты, короста?! – выругался Сева, нагазовывая машину.

Витюня посмотрел в окно. Ночь, чистая и звездная, висела над придорожным лесом, ветерок рвал с гребней сугробов снежную пыль, гнал через дорогу желтые в свете фар пушистые змейки.

Двигатель опять забарахлил, подёргался, подёргался и вдруг затих.

– Вот падла! – снова выругался Сева, с трудом вырулил на заснеженную обочину. – Совсем сдох...

Он долго и безуспешно гонял мотор стартером, пока не подсадил аккумулятор. Ничего. Двигатель не подавал признаков жизни.

– Уже колотун! – зябко поежился Витюня. – Только печка заглохла и всё: прёт, как в решето.

– Счас будет колотун похуже, – отозвался Сева. – Вылазь, кабину подымать надо.

– У ты чё, вальты? Там задубеешь в минуту.

– А что делать? До утра и здесь сдохнешь. Вылазь. Фильтры топливные глянем, может, попало что...

Подняли кабину, Сева приложил ладонь к головке двигателя – уже чуть тёплая. Он покачал головой, начал отворачивать фильтры.

Моментально застывали руки, обжигалась, липла клочками к металлу кожа. Дышали на руки, крутили по очереди: пока один отворачивал гайки, другой прятал под куртку ладони, вытанцовывал рядом замысловатые фигуры, пытаясь хоть как-то согреться.

Наконец, Сева снял крышку. Фильтр был пуст.

– Странно, – сказал Сева. – Только же заправлялись...

– Может, трубопровод забился?

– Счас...

Сева отвинтил крышку бака, сунул туда большой гаечный ключ. Он быстро вытащил ключ из бака и оторопело уставился на него – ключ был покрыт толстым слоем мутной, студенистой массы.

– Всё, хана... – прошептал Сева.

– Чё?

– Хана, говорю! В баке летняя солярка.

- Давай лампу! – Витюня бросился за паяльной лампой.
- Не гоношись! Отогреешь на две минуты, и опять застынет.
- Нет, давай попробуем, – тащил Витюня из-под кабины паяльную лампу.
- Без пользы...
- Сейчас зажгу. Не отогреем, там поставим в кабину, сами греться будем.

Что, копыта отбрасывать здесь теперь, что ли?

Он накачивал лампу судорожно и торопливо, словно боялся, что Сева отнимет её, не даст разжигать. Ломались и крошились спички в задубелых пальцах, иногда вдруг засвечивался слабый огонек, но выплеснувшийся наружу стылый бензин никак не хотел загораться, и ветер моментально сдувал пламя.

– Сука! – Витюня с остервенением швырнул лампу в сугроб.

– При чем здесь лампа? – Сева уже с трудом стоял на месте, жесточно тер уши, нос.

– Да не лампа, – затанцевал рядом Витюня. – Та, сука, на заправке! Рожа наглая, размалеванная, ты к ней – словно займы брать или милостыню просить, а она через губу не плюнет. Аристократка районная. Заправила летней соляркой и со спокойной душой отправила в ночь. И ни одной машины на дороге, как по заказу...

– Да что ей? – устало и как-то вяло сказал Сева. – Таких, как мы, знаешь?..

– Во-во! С начальством небось вась-вась, обэхээсники у неё все на учёте, а мы для неё так, пустышки. Живут, падлы, по стольнику в месяц получают, в золоте ходят да на своих лайбах на работу катят.

– Она, может, и не знает, какая солярка, что привезли, то и льёт.

– Но кто-то же должен знать!

– Поди теперь, найди его...

– Конечно, у нас везде без крайнего. Отравился пирожками, так та, что их продавала: «Я при чём, – не готовила их, что привезли, то продаю». Тот, кто их жарил, – не торговал, не хранил, не перевозил, его днём с огнём не сыщешь, и он в стороне. И все ни при чем, кроме того, кто их схавал да ещё «бабки» за то удовольствие положил.

– Зря губами трясешь. Давай в кабину.

В кабине тише, но не теплее, выстыла она вконец. Да и танцевать здесь трудновато.

– Полярники мы сраные. – Сева ворохнулся на сиденье, чувствуя, что совсем замерзает. – Ни теплой одежды, ни огня. Хоть бы бутылку прихватили. Надо было позаботиться об огне, а после ковыряться в моторе.

– Да ты же блох гонял...

– Почём я знал?

– На Севере водилы вроде скаты палят.

– Ты лампу зажжёг?

– То-то...

– Ч-что ж-же делать? – уже клацал зубами Витюня. – Ждать здесь н-ничего...

– Без понятия...

– Ск-колько мы отмахали от эт-той з-заправки?

– Чёрт его знает – не засекал. Километров десять-двенадцать.

– Тогда р-рвем к-когти... Пр-рвались этот прицеп х-хоть в Б-бермудский треугольник. Это ж-же н-ненормально, это ж-же глупо так з-загибаться, не з-за понюх т-табака.

– Ты надеешься по такой холодине прошуровать десять километров?

– Д-да каких там д-десять, двадцать, пятьдесят! П-погнали, х-хоть теплее б-будет. М-может, встретим к-кого...

Они выпрыгнули в шевелящуюся, тёмную стужу, побежали по дороге. Назад...

Сева глянул на лес. Он стоял стеной, величавый и спокойный, на белой ска-терти снега четко проступали силуэты громадных сосен – стройных, могучих. Они замерли, как в почётном карауле, и, казалось, смотрели на бегущих, смотре-ли и сомневались: добегут – не добегут? Половинка жёлтой луны в мутнова-том небе прыгала с дерева на дерево, выкатывалась на открытые пространства – бежала вместе с ними...

Ну кроссик! Главное: ритм и темп, ритм и темп. Не потерять ни того, ни дру-гого. Не сбиться, не подскользнуться, не упасть. Ох как трудно будет подняться, если не гнутся ноги, если на каждый новый шаг надо прибавлять усилий.

Витюня вспомнил школьные кроссы: он не терпел их тогда, ненавидел сейчас. Вот футбольчик – другое дело, мячик бы сейчас на дорогу, и можно гнать... Только не останавливаться... Сколько уже отмантулили? Километр, два или больше? Ни хрена не поймешь – всё лес, да лес, да сугробы и ветер в правое ухо...

Сзади топал и сопел Сева, и Витюня радовался – тот тоже сопит через силу, но не отстаёт. Кажется, стало теплее. Вон, даже спина чуток взмокла. Ну, хоть мёрзнуть перестали, даже, как будто, и жарко становится...

Но в голове уже мутилось, пот лез в глаза красными и синими кругами, и только белая, с редкими серыми залысинами дорога чётко проступала в созна-нии, и ноги сами по себе: топ-топ, скрип-скрип...

Потом они перешли на шаг. Тяжёлый и какой-то прорезиненный. Они не заметили этого, они это почувствовали оба, но продолжали изображать бег: друг для друга и для себя.

Сева поскользнулся, упал. Ткнулся головой, руками в рыхлый, покачиваю-щийся сугроб, замер. Витюня вернулся, потянул его за куртку:

– Вставай...

– Счас... – ну хоть секунду полежать, отдохнуть, перевести дыхание.

– Вставай...

Медленно, словно никогда не пробовал передвигаться на ногах, Сева под-нялся, сделал осторожный шаг. Витюня подхватил его под руку, и так, дальше они двинулись вдвоём, рука под руку, уже не бежали, не шли, а просто брели в четыре ноги, спотыкаясь на снежных кочках.

Ага! Вон какие-то огоньки!

Неужели заправка? Сколько же ещё до неё? Только вот в балочку спуститься да подняться на ту сторону, а там и развилка на Корино, и светлая, тёплая зап-равочная станция возле неё... Но вряд ли можно так и столько бежать?

И они побежали. Неровно, пошатываясь, побежали под горку. На свет. Ин-стинкт: огонёк – это тепло.

Дотопали. Взмокшие, почти бесчувственные ввалились на пустынную зап-

равку. Ну, всё, кажется, кончилось, выдюжили... У окошка никого. Заколотили в дверь: ну давай, быстрее...

– Чего надо? – остановил их сонный, недовольный женский голос.

– Пусти погреться, сестра, – просипел Витюня, хватая загнанными лёгкими студёный воздух. – Пропадаем...

– Ещё чего? Шляетесь здесь по ночам! Бродяги! Проваливайте! – вчерашняя «сука» не показывалась, бубонила откуда-то из-за перегородки.

– Да замерзаем же мы, не понимаешь, что ли? – не выдержал Сева и снова заколотил в дверь.

– Нормальные люди в этот час дома сидят! Проваливайте, говорю, – завизжал голос, – а то звякну в милицию, мигом вас на нары определят!

– Давай, звони, пусть забирают! – завопил Витюня, чувствуя, как мокрый жар бега быстро меняется на острый, леденящий спину холод. – Замерзаем мы!..

– Знаю таких! Сначала пусти, потом чем-нибудь по башке – и вырубку в карман...

– У тебя же талоны!

– Ух ты, какой грамотный!

– Да подышаем мы... – прохрипел Сева.

– Ну и подыхай! – отбросил его от двери ответ.

– Давай стекла коцать, – сказал Витюня. – Хоть так в ментовку загребут.

– Телефона у неё нет, давно бы позвонила.

– Вот сейчас и проверим. – Витюня кинулся искать, чем можно побить толстенные витринные стекла. Только что найдешь в полуметровых сугробах?

– Руками! – закричал Сева и ударил по стеклу. Он не почувствовал ни удара, ни боли, лишь услышал какой-то ватный звук, словно бил он по стеклу тряпичной куклой.

Они тарабанили по стеклу кулаками, ладонями – ещё и ещё, ощущая его бронированную мощь и цепкие, жмущие тиски холода, как бы смазывающие удары. Замерзнуть здесь, у света, в десяти миллиметрах от спасительного тепла – нет, в это никак не верилось!

Голос за перегородкой молчал, но почему-то слышна была его настороженность... Что ты чувствуешь сейчас, Голос, о чём думаешь? Или от страха, перемешанного с вонючим безразличием, ты потерял великий дар природы – умение думать и понимать?

– Бежим в Корино, – судорожно бросая слова, предложил Сева. – Бежим! Всего пять километров! Как-нибудь дотелепаем...

– Да ну его к ...! – выматюкался Витюня. – Всё, не могу. Замерзну этой стерве назло, тут, у её дверей. Пусть все видят... – Он свалился в сугроб, лежал, не шевелясь. Ругань его получилась вялой и безвольной, словно пользовался он ею не из ярости или решительности, а так просто, по привычке.

– Вставай, – потрянул его Сева. – Ты что, спятил?

– Не-е... Хай она подавится моими костями...

– Вставай, тебе говорю!

– Отстань, – пошевелил губами Витюня. – Спать хочу...

– Ну-ка вставай, гад! Только прикидывался шустряком, а сам... – Сева рывком поставил Витюню на ноги и тут увидел на дороге пару жёлтых глаз.

– Машина! – заорал он, бросил Витюню опять в сугроб и, спотыкаясь, побежал на негнувшихся ногах к развилке. – Стой!

– Браток, – на ходу хрипел Сева, теряя последние силы, – браток, помоги...

Как ни боялся опоздать, но успел. Машина сворачивала на дорогу к Корино, и при повороте лучи фар ударили в Севу, пронизали его согнутую, замёрзшую фигуру, в слабом размахе руки. Юзанув, машина остановилась.

– Браток... браток... помоги...

Он не смог перелезть через сугроб, упал, утопив в сухой снежной пыли лицо, руки по локоть, медленно стал подниматься. Мыслей в голове не было – они вымерзли, выветрились, исчезли, была только одна цель – машина. Потом он почувствовал, как кто-то поволок его через дорогу, стал подсаживать на подножку.

– Витюня там... – прошептал он. В лицо, ноздри ударило душистое, накуренное тепло кабины. Дверца захлопнулась, он вытянулся на сиденье, закрыл глаза.

Через пару минут он почувствовал рядом Витюню.

– Откуда вы свалились в такой одежке? – поинтересовался шофер, и тут только, в свете приборного щитка, Сева рассмотрел его: молодой парень в полушубке и мохнатой шапке.

– Водилы мы... тоже... С юга... Солярка летняя... застыла... – ответил он и замолчал. Рассказывать не хотелось – всё было трудно, нудно и противно, сейчас бы только тепла, тепла и тепла. Сева расстегнул оттаявшую снаружи, вмиг отсыревшую куртку и снова закрыл глаза, а Витюня, кажется, спал.

– А что, на заправке никого?

Сева мотнул головой.

– Гля, не работают, что ля, ночью? – удивился шофёр и, подождав секунду, спросил:

– Куда же вас? Я сам только на хлебозавод и обратно.

– А-а, куда-нибудь, – слабо качнул рукой Сева. – Где теплее... Сколько время?

– Полчетвертого...

– Ух ты... – вроде как не поверил Сева, словно и не мог он представить такого времени, – заночевали...

– Рванем в гостиницу, – решил шофер.

– Давай...

Они не успели ещё толком согреться, как за окном поплыли первые дома городка. Попетляв немного по освещённым и тёмным улицам, парень остановил «газон» у нового трехэтажного здания с большими окнами. Хлопнула дверца, и парень исчез. Вернулся он не скоро, пробурчал, напустив холода в кабину:

– Ничего нет. Даже разговаривать не хочет... Что же мне с вами делать?..

Сева молчал, а Витюня покашливал и глядел в сторону, будто это всё его не касалось.

– Есть тут ещё одна гостинка, но то так – караван-сарай. Вряд ли что там будет, но попробуем, а?

– Попробуем, – покорно согласился Сева. Ему сейчас не хотелось ничего, лишь бы не двигаться, да, не переставая, гудела бы печка.

Они поехали ещё где-то. И снова парень куда-то ходил, опять его долго не было, но явился он довольный, сказал весело:

– Мест нет, но хозяйка пообещала затопить в пустой комнате, на пол даст матрасы, одеял – сколько угодно! Годится?

Сева пожал плечами, поежился. Это была пытка – выходить сейчас на улицу, но выходить было надо.

Вдвоём они вытащили из кабины дрожащего, сонно упирающегося Витюню, повели во двор какой-то большой деревянной избы. Если бы не табличка на парадной двери, Сева ни за что бы не поверил, что эта изба может служить гостиницей.

Длинный, узкий коридор, распахнутые двери в жарко натопленные комнаты (кажется, их было всего три) с рядами железных коек, какие-то спящие и не спящие мужчины, женщины. И хозяйка – пожилая тётка в тёплой ночной рубашке, с шерстяным платком на полных плечах и связкой ключей в руках. Ни привычной стойки, ни окошка с надписью «Администратор». Даже паспортов не спросила...

В полумраке плавал распаренный, духовитый воздух, всё как-то нереально и тягуче. Они не заметили, как исчез шофер с хлебовозки...

Тётка отпёрла последнюю дверь в коридоре, и на парней снова пахнуло холодом, но не тем, жгущим, сгибающим стылостью, что давил на улице, а застоявшимся, домовитым и даже мягким холодом давно нетопленной комнаты, приспособленной под склад. Комната маленькая, квадратов двенадцать, – это успел рассмотреть Сева в свете тусклой коридорной лампочки, на полу сложены матрасы, одеяла, стопки белья, в углу обыкновенная кирпичная печка с введенной в топку газовой трубой.

– Вот токо здесь, – зевнула тётка. – Будете?

– Х-холодно, – поёжился Витюня и забухикал. Тётка чиркнула спичкой, зажгла газ в печке.

– Ничаво, ничаво, милок, – сказала она. – Через час одеяла поскидывают...

А-а! Плевать! Скорее бы лечь, сбросить мёрзлую сырость, согреться и заснуть... Они раскатали матрасы у печки, навалили на себя одеял...

Утром Витюню забрала «скорая». С температурой и подозрением на воспаление легких да с мелочами: отморожено ухо, пальцы ног. Севе тоже перебинтовали кое-что, намазали чёрной, вонючей мазью, и вот такой, геройски перевязанный, проводив Витюню в больницу, отправился Сева в местное автохозяйство – просить машину и бочку с соляркой.

Начальник автохозяйства хмурый, с утра задёрганный. Не перебивая, выслушал Севу, бросил из-под лохматых бровей угрюмый взгляд, спросил резко:

– Деньги есть?

– Есть, есть, – поспешил заверить Сева, – я заплачу...

– Заплатишь!? – непонятно усмехнулся начальник. – Значь так, щяс возьмёшь машину, горючку и топи прямо в универмаг, купи себе самый толстый свитер и рукавицы. А лучше – полушубок, коли есть... Несерьёзно это, в такой мороз... Давай, валяй. Найдёшь Анохина, он даст машину. – Он черкнул несколько слов на клочке бумаги, протянул Севе. – Иди...

Когда подъезжали к трассе, Сева попросил водителя – улыбочатого, бело-

брысого паренька – подвернуть на заправку. Очень хотелось ему увидеть тот, страшный своим равнодушием, ночной голос, посмотреть в глаза его хозяйки. Нет, не сказать, не поскандальить, не в морду плюнуть, наконец, а просто посмотреть в глаза, хоть что-то увидеть в них.

Подошел к окошку. За стеклом чернявый парень тасовал талоны.

– Здесь женщина была... – тихо сказал Сева.

– А-а, Фаина, – не отрываясь от талонов, отозвался парень. – Сменилась она в семь утра. Может, передать что надо?

«Передай ей привет с того света!» – пёрла из Севы злость, но он сдержался, задавил в зубах слова.

– Нет, не стоит, – так же тихо ответил он и отошёл к машине. Парень долго и подозрительно смотрел ему вслед.

«Знает, – подумал Сева, чувствуя спиной его колючий взгляд, – что этой ночью два бродяги хотели ограбить и изнасиловать ту Фаину! Уже наклепала... Эх, Фаина... Сердце твое стылое...»

«СуперМАЗ» стоял на месте, замороженный и неживой, стоял вроде бы и не так далеко от заправки. Водитель помог разжечь лампу, которую Сева с трудом отыскал в сугробе, растопить и слить летнюю солярку. Болели отмороженные руки, мороз хватал за них, сжимал тиски свои каменные, но уже не пугал своей откровенной, безысходной силой.

Техника новая, вдвоём скоро сладили, и вот уже «СуперМАЗ» оттаял, ожил, урчит спокойно и ровно.

– Доедешь? – спросил водитель.

– Доеду, не бойсь. Как зовут-то тебя?

– Мишкой! – засветился улыбкой парень.

– Ну, белобрысый ты, полярный Мишка, спасибо тебе, век не забуду...

Сева забрался в кабину – тепло и привычно уютно, – воткнул передачу. Машина, медленно пробуксовывая, сползла на дорогу. Махнув рукой всё ещё стоящему Мишке, Сева придавил педаль газа. Потом потянулся к приёмнику, щёлкнул переключателем. Голос диктора монотонно-спокойный, такой домашний: «По области усиление морозов до минус тридцати пяти – тридцати восьми градусов, ветер восемнадцать-двадцать метров в секунду, снегопады. Напоминаем тем, кто в пути: товарищи водители, будьте особенно внимательны к техническому состоянию ваших транспортных средств – отказ автомобиля в дороге в такую погоду может привести к непоправимым последствиям...»

Сева выключил приёмник, шлёпнул ладонью по приборной доске.

– А ты у меня технически исправен, а? Исправен, конечно... Да что толку? Всегда найдётся какая-нибудь паскуда...

С грузом Сева опоздал. Влетело ему за это, как полагается, а заодно и за то, что напарник заболел. Но почему он опоздал и как заболел Витюня, Сева упёрся, не рассказывал никому – ещё добавят, да как следует, и за то, что бросили на дороге груз и машину, рванули спасать свои шкуры, не проявили героизма... Как раз того, которым часто оплачивают чью-то халатность или разгильдяйство...

На обратном пути Сева заехал к Витюне. Ничего, поправляется... Только языком теперь чешет мало да смотрит грустно как-то. Про Верку досказать не схотел. Подпортил его мороз маленько...

Ростов-на-Дону, 1981 г.

Новые имена... Новые имена...

Алексей Сазонов
член Союза писателей России
г. Белая Калитва
Ростовской области

Вот так!

***

Божественно свеча горит –
Ах, сколько лоска!
Но по плечу её скользит
Слеза из воска.

За слёзы можно пожалеть:
Истает тело...
Свеча не может не гореть –
И в этом дело.

Сгореть, но сумрак разогнать
Ночной порою.
Вот так! Иначе ей не стать
Самой собою.

Сирень

Ночь. Луна. Обманчивые тени.
Над землёй созвездия горят.
В темноте соцветия сирени
Источают тяжкий аромат...

Есть цветы изысканней и строже,
Я признать их первенство готов.
Только, для меня других дороже
Буйный цвет сиреневых кустов.

Вот они, как пена из бокала
(Варварская щедрость и размах!),
Лезут за ограды, будто мало
Места им в отеческих садах.

Лепестками годы опадают,
Вдаль меня уносят дни мои...

Всё пройдёт! Но пусть не пропадают
Звёзды, май, сирень и соловьи!

***

Волна набегала на камень –
Волна его целовала.
Не знала она, что в камне
Душа и не ночевала...

Советы в любви бесплодны,
Когда *он* – весь свет в оконце!
Но он оставался холодным
Под самым горячим солнцем.

А песня волны звучала
В июльский жар и морозы.
И радуга танцевала,
Ныряя сквозь брызги-слёзы.

Веками стояли горы,
Внимая и дни, и ночи,
Как жаркие уговоры
Сменялись на звук пощёчин.

Лишь ветер приморский знает,
Что это – не первый случай:
Она его потеряет,
Когда, наконец, получит.

Песня

Под небом полуденно-жарким
Вздых ветра – и не почувешь!
Негромко играет шарманка,
А ты – под неё – танцуешь.

Тягучие, хриплые звуки
Усилятся, приутихнут...
Простёртые к небу руки
Вот-вот, словно свечки, вспыхнут.

Три тополя у дороги,
Три слушателя – внимают...
Почти невесомые ноги
Горячую пыль вздымают.

Старинные звуки сладки,
А сердце полно истомы.

Жаль, чёрная тень от шляпки
Скрывает глаз водоёмы!

Вот так же на дне колодца
Бывает вода прозрачна,
И так же она смеётся,
И так же – неоднозначна.

***

Невозмутимо звёзды
Смотрят в моё окно,
А за окошком – поздно,
Холодно и темно.
Там, по своим дорожкам,
Ведомым ей одной,
Вольно гуляет кошка
В дикой траве ночной.
Там беспокойный ветер
Роется в темноте;
Холодно на планете,
Мчащейся в пустоте!

Вечер и осень – чувства
Ведомы наперёд...
Вдруг задохнусь от грусти,
Сладкой, как майский мёд.
Вдруг за закрытой дверью
Сумрачно зазвучат
И оживут поверья,
Древние, как закат.
И на совсем немножко
Я, вопреки всему,
Вдруг захочу быть кошкой,
Той, что бредёт во тьму.

Донные жители

Мы – на Дне Океана воздушного
И завидуем тем, кто плавает.
Жизнь внизу не сказать, что скучная,
Да пожалуй, что и не радует.
Мы отсюда немного видели,
А не наше – нас не касается!
Только слышали, что небожители
К нам на крыльях порой спускаются.

Этим слухом долины полнятся,
Он владеет сердцами – душами.
Мол, летают! А люди молятся
И надеются, что их слушают.

Так ли это – кому, что нравится;
В этом, право, немного важности!
Только видели: распрямляются
Чьи-то спины от вечной тяжести.

Только видели, как потухшие
Становились глаза прекрасными
От проснувшейся веры в лучшее
(Даже если она напрасная!)

***

Ветер, гоняющий дым во дворе...
Алое пламя чадит...
Прежняя жизнь догорает в костре,
Новая тоже сгорит.

Модные тряпки, восторг и позор,
Деньги, любовь и семья –
Кто-нибудь выбросит это в костёр,
Так же, как выбросил я.

Бессонница

Ночью спят, а не ищут повода
Размышлять о своей судьбе.
Ночью ветер курьерским поездом
Завывает в ночной трубе.

Ночью ставни скрипят простужено,
Постепенно сводя с ума...
Ночью дышит крещенской стужей
Молодая ещё зима.

Небо звёздное, время позднее,
Все дороги лежат во тьму –
В законную тьму морозную,
В никуда ведут, ни к кому...

Где обломится, чем отмерится?
Будет утро, а там – как знать!
Но с годами так трудно верится
В заплутавшую благодать!

Этот стих – ни к селу, ни к городу,
И не к карточной ворожке...
Ночью спят, а не ищут повода
Размышлять о своей судьбе.

***

Торжествуйте, кто ждать устали
Пробуждения от природы!
Этой ночью заклокотали,
Разливаясь талые воды.

Безоглядно и бесшабашно,
Расстоянья презрев и сроки,
В растревоженной тьме овражной
К океану спешат потоки.

Сокрушительны и проворны,
Порыжев от размытой глины, –
К океану, где бродят волны,
Исполинские выгнув спины.

Где солёная мгла вздыхает
(В белой пене – седые космы),
У которого отдыхает,
На ладонях качаясь, Космос...

***

Дым от костра – в вечерние поля,
Сиреневый – в оливковое царство,
И пахнет детством тёплая земля,
И солнцем остывающим – пространство.

Мне летние приятны вечера,
Когда ложатся тени, всё длиннее...
Спокойствие – до самого утра,
Что вечера, как будто, мудренее.

День кончился, и не о чем жалеть,
А с ним ушла печаль из были в небыль.
Я не спешу, мне хочется смотреть,
На пламя, подражающее небу...

Анатолий Рощупкин
член Союза писателей России
г. Ростов-на-Дону

...Тому, кто любил и был любим, счастьем есть и сама память о любви, тоска по ней и раздумья о том, что где-то есть человек, тоже о тебе думающий, и, может, в жизни этой суетной, трудной и ему становится легче среди серых будней, когда он вспомнит молодость свою – ведь в памяти друг дружки мы так навсегда и останемся молодыми и счастливыми. И никто никогда не повторит ни нашей молодости, ни нашего счастья...

Виктор АСТАФЬЕВ

Ночная беседа

рассказ

Лагутин проснулся внезапно, будто кто-то толкнул его в плечо. Открыв глаза, он ничего не увидел – была ночь. Рядом тихо дышала жена, за окном дробно и тяжело стучали колёса поезда – железнодорожные пути лежали всего лишь метрах в восьмидесяти от тётчиной хаты.

«Да, – подумал Лагутин, – стал подзабывать я эти стуки колёсных пар и этот свист локомотива – вот и проснулся от этого свиста...»

Когда-то их семья жила здесь, и грохот идущего поезда он почти не замечал. Но вот уже много лет Лагутины живут в далёком от этих мест миллионном городе. Теперь, на недельку-другую приезжая сюда во время отпуска, и Лагутин, и его жена Саша испытывают неудобства от близости железной дороги.

«Ладно, потерпим, пусть это будет самая большая беда в моей жизни», – успокаивает себя в темноте Лагутин и переворачивается на другой бок. Но сон не идёт.

В душевной комнате старой деревянной избы он вдруг начал вспоминать молодые годы, проведённые здесь. Много чего было хорошего, не все, конечно, сбылось, о чём мечталось. Одно время всё пошло как-то юзом. Не получилось стать начальником стройуправления. Потом – история с белозубой секретаршей Зиночкой, из-за которой пришлось Лагутину вместе семьёй уезжать из посёлка. Вот и старость уже начала придавливать, от прежних отношений с Сашей остались одни воспоминания, да и детям он не очень-то нужен...

Стараясь не разбудить жену, Лагутин осторожно встаёт и, накинув спортивную майку на худые, сутулые плечи, выходит на улицу. Палисадник залит ярким лунным светом. На старых искривленных яблонях тяжело висят яблоки, и одно из них срывается и гулко стучает по крыше лагутинского «фольксвагена». Жалобно взвизгнула сигнализация.

Лагутин подходит к забору и видит, как огни последнего вагона разбудившего его поезда скрываются за поворотом. Стихает стук колёс, становится тихо, слышно, как в сарае спросонья ворчит петух, в центре посёлка играет магнитола... Лагутин садится на скамью под яблоней и начинает опять вспоминать те далёкие годы, когда он, двадцатидвухлетний парень, приходил к этому дому.

Обычно он провожал Сашу из клуба. Они долго стояли у забора, задыхаясь от

поцелуев. Иногда Лагутин читал Саше стихи Блока, и она, запрокинув голову, слушала его с мягкой ироничной улыбкой. На щеке её с левой стороны появлялась ямочка, которую особенно любил целовать Лагутин.

Однажды вечером, когда уже вовсю светили звёзды, на порог вышел отец Саши, Спиридон Григорьевич, пьяно напевая «Ночь коротка, спят облака...», и, считая себя в полном одиночестве, начал облеγχаться прямо с высокого каменного порога. Саша спрятала голову в листьях черёмухи и, сгорая от стыда, беззвучно смеялась. На счастье пошёл поезд, заглушивший стуками колёс всё вокруг. Спиридона Григорьевича давно нет на белом свете. Допился. Хватанул какой-то гадости с мужиками и отдал Богу душу – один из всей компании... От этих воспоминаний, несмотря на духоту, Лагутин поёжился.

Возле забора под старой черёмухой остановились двое мужиков. Стали закуривать. Невидимый в тени яблонь Лагутин хорошо видел обоих. Один, высокий, худощавый, в соломенной шляпе, похожий по фигуре на Лагутина, другой – пониже, с брюшком и с всколоченной гривой волос.

– Здорово мы гульнули, а, Сень? – высокий икнул и, чуть покачнувшись, зажег спичку, прикурил.

– Нормально, – хрипловато отозвался приятель, – у Мишки всегда так: любит свой день рожденья отмечать – мёдом не корми.

– Слушай, Сень, а сколько ему стукнуло?

– Да вроде сорок пять или сорок шесть, – собеседник замаялся.

– Во мы даём, – гоготнул высокий, – завалились без подарка, да ещё и прошляпили, сколько лет он отмечает. Неудобно как-то получилось...

– Да ладно тебе переживать, – колыхнулась взлохмаченная голова. – Погудели и погудели. У Мишки не убудет, как-никак бизнесмен. Это не то, что мы с тобой – голь перекатная...

– Ну, это ты брось, – обиделся высокий, – я на маслозаводе первый слесарь, да и ты у шоферов в почёте...

– Так-то оно так, – согласился Семён, – да карман от этого тяжелее не становится, от того и пилит меня Манька, когда получку приношу...

– Эх, и у меня такая же история! Слушай, Сень, а ты это... боишься смерти? – вдруг невпопад спросил человек в соломенной шляпе.

– Ну, ты даёшь! – Семён нетвёрдо повернулся и хлопнул приятеля по плечу, – с чего это философию разводишь?

– Нет, ты скажи...

– Раньше боялся, а теперь не боюсь.

– Да ну? Это почему же? Ты что, Сень, переродился, что ли, аль в верующие подался?

– Причём тут переродился? И куда я не подался: кто нас с тобой, матерщинников, в веру возьмёт!

– Так чего ж тогда? – покачнулась соломенная шляпа, – ведь её, смерти, все боятся. И я боюсь, и Мишка, и тёща моя, Анна Евлампиевна, хоть ей сто лет в субботу. А ты нет? Лапшу на уши не вешай...

– А что мне её бояться? – Семён опёрся одной рукой о ствол черёмухи, а другую выбросил вверх, в сторону звёздного неба и раздумчиво продолжил:

– Там маманя моя с батькой, там – Василий Макарович Шукшин, Высоцкий, Валерка Харламов, хоккеист такой был, если помнишь... Там и любовь моя первая, Нюрка Хромченкова, которую муж прибил в позапрошлом году. Так вот, Семён вновь закурил и, с силой выдохнув струю дыма, продолжил:

– Думаю, раз они на небесах, то чего нам-то бояться? Ведь компания там хороша-я...

Семён замолчал, продолжая смотреть в небо. Потом кудлатая голова его дёрнулась – Лагутину показалось, что Семён смахнул слезу. Но тут же, взяв приятеля под руку, он сказал:

– Ладно, Коль, хватит ерунду молоть? Давай, лучше, споём!

– Только тихо, – нетрезво отозвался Коля, – а то спят все. Лады?

– Лады, давай тихо...

Они начали:

*По Дону гуляет,
По Дону гуляет,
По Дону гуляет
Казак молодой...*

Но, несмотря на уговор, голоса их вскоре окрепли, и мужики затянули от души. Обнявшись, пошли дальше по улице, голоса их становились всё глуше и глуше, а потом и совсем смолкли. В ночном палисаде осталась лишь гулкая лунная тишина.

Лагутин вернулся в хату и лёг рядом с Сашей. Она дышала ровно, чуть слышно и на миг в темноте ему показалось, что ей не шестой десяток, а, как прежде, – двенадцать лет...

«Господи, как хорошо, что она есть у меня!» – вдруг с нежностью подумал Лагутин и осторожно положил руку на плечо Саши.

Он стал думать о подслушанной беседе. А как бы он сам ответил на Колин вопрос, такой актуальный на закате жизни? Ответа не находилось.

Незаметно Лагутин уснул, и ему приснилась лукавая мордашка младшей внучки Поленьки, перемазанная вишнёвым вареньем...

Ничего не случилось...

рассказ

Утром прораб Венька Сорокин опять увидел эту лохматую черно-серую дворнягу. Она сидела рядом с большой алюминиевой цистерной для воды и неподвижно смотрела на стройку, где шла закладка фундамента под большой многоэтажный дом.

Вчера, перед вечером, проходящие мимо пацаны стали бросать в собаку камни, и она, взвизгнув и поджав хвост, убежала за пыльные кусты, разделявшие стройку от соседнего двора.

Сторож Баранов, пожилой человек с мясистым красноватым лицом и большими натруженными руками, отругал пацанов и, когда они стремглав убежали, сказал, обращаясь к Веньке:

– Вот подлецы! Что из них, только, выйдет? А собаку эту прогонять – бесполезно. Она сюда каждый день приходит – с тех пор, как строить начали.

– Вот как? – удивился Сорокин.

– Вот так, – в тон прорабу продолжил сторож. – Тут раньше частные дома стояли, а потом их снесли. Видимо, в одном из домов собака и жила...

Баранов прикрыл свою сторожку на маленький замок, похожий на спичечный коробок, и пошёл домой отдыхать после ночного дежурства.

Сегодня собака опять сидела на том же месте. На стройке ещё было тихо: не визжали краны, не матерился бригадир Петр Петрович, не гудели моторы самосвалов. Венька подошёл к собаке и, присев на корточки возле неё, протянул ей кусок колбасы – часть своего обеда, приготовленного Антониной.

Собака взглянула на Веньку слегка слезящимися выпуклыми карими глазами и

вдруг глухо, тоскливо заскулила. Сорокин положил колбасу на пожухлый кленовый лист у ног дворняги и погладил её по голове. Собака слегка вильнула лохматым пыльным хвостом, но есть не стала.

– Вот упрямое животное! – услышал Сорокин скрипучий старческий голос за спиной. Рядом с ним стояла старушка в пёстром цыганском платке с коричневой хозяйственной сумкой в руке.

– Вы знаете, что это за собака? – спросил Венька.

– Конечно, знаю. Это Джек, Ромки Зайцева кобель. Они тут жили в доме с крыльцом. Вот под крыльцом Джек и жил. Давно уж он у них. А как начали переселять, Ромка с женой и детьми съехали на новую квартиру, а Джека оставили. Куда его в городские условия-то?

– Значит, бросили пса?

– Да, так оно и вышло. Ромка его отвёз в лесопарковую зону и как бы забыл там. А кобель вот вернулся на старое место и ждёт хозяев. Эх, жизнь наша! Жалко собаку, кому она теперь нужна...

Старушка вздохнула, перекрестилась и, тяжело опираясь на посох, пошла по своим делам. Потом остановилась и, видя, что Венька всё ещё стоит возле собаки, со вздохом сказала:

– И я тут жила со стариком своим по соседству от Зайцевых. Почти полвека прожили. А теперь нету ни хаты нашей саманной, ни березки, что под окном с войны ещё росла, на старика моего – третий год как...

Вечером, когда затихла стройка, Венька вновь подошёл к собаке, поставил перед ней консервную банку с недоеденной килькой. Джек поднял голову и вни-мательно посмотрел на Веньку. «Может, он сравнивает меня с бывшим хозяином?» – невольно подумал Сорокин. Он положил руку на широкий загривок и слегка погладил собаку. Потом, когда Джек вылизал содержимое банки, Венька накинул ему на шею заранее приготовленную из строительного шпагата верёвку.

– Пойдём со мной, Джек. – Сорокин потянул за самодельный ошейник.

Пёс встал и пошёл рядом. Дома никого не было. Антонина, как всегда задерживалась в своей бухгалтерии, тёща, Лидия Сидоровна, вместе с Наташкой уехала к брату в деревню. Венька принёс с балкона в прихожую старый застиранный коврик и положил его у стены.

– Ну что, гость, ложись, отдыхай, – сказал Венька и отцепил верёвку от шеи Джека. – Вот сейчас пойдём в ванную купать тебя...

Пёс послушно сел на коврик, затем лёг, положив морду между лап.

– Нормально, – улыбнулся Венька, – кажется, жизнь налаживается...

Он прошёл в ванную и, закрыв пробкой отверстие, стал напускать воду.

В это время пришла жена, увешанная сумками, разгорячённая ходьбой.

– Это что за номер? – Антонина замерла на пороге, увидев Джека.

– Знакомся, Джек, – сказа из приоткрытой двери ванной Венька. – Между прочим, классный пёс, всё понимает, только что не говорит...

– Какой Джек? – Антонина, не снимая плаща, опустилась на табурет. – Зачем он нам?

– Жалко собаку, бросили её, – сказал Венька.

Он понял, что сейчас начнётся новый скандал, и остро ощутил, как бьется жилка на его правом виске, почти услышал, как она пульсирует, вот-вот готова лопнуть...

На душе стало тоскливо, как всегда перед большой, тяжелой ссорой с женой.

– Жалко? Тебе бродячую сучку жалко? – Антонина с силой оттолкнула от себя голубой пуфик, который отлетев, едва не ударил собаку.

Джек вскочил, прижался к стене и вдруг грозно зарычал.

– Вот! Она может бешенная, а ты её – в дом! Идиот!

– Это не сука, – крикнул Венька, отрицательно взмахнув рукой.

Он стоял шагах в трёх от Антонины, но она по-своему отреагировала на взмах:

– Ты что, на меня руку поднимаешь? Из-за собаки? Идиот! Неудачник! Послал же Господь на мою голову! Ох...

Антонина откинула своё большое всё ещё стройное тело на одежду, висящую на вешалке, и заплакала.

...Венька Сорокин медленно шёл по ночному городу. Рядом на поводке семенил Джек. Было уже поздно, и расположенный рядом проспект, наэлектризованный за день сумасшедшим потоком автомобилей, был пуст, почти безлюден. Пусто было и на душе у Сорокина...

В старом сквере, где Венька бегал пацаном, он присел на покосившуюся скамейку, продолжая держать Джека на поводке.

Где-то здесь он и жил с отцом и матерью. По соседству жили друг Серёга, перво-разрядник по боксу, и Марьяна, светловолосая, синеглазая, желанная...

Однажды отец собрался на выходные к деду в деревню, взял с собой и молодёжь. Венька навсегда запомнил ту поездку в синем отцовском «Москвиче», качку на неровной просёлочной дороге, тёплое колено Марьяны, сидящей рядом на заднем сидении, ранний свет утренней зари, ослепивший их, когда машина вылетела за город. На широком просторе виднелись лес, речка, а в воздухе висела осязаемая радость молодости и ощущение совсем близкой любви...

В деревне после обеда отец взял косу, со знаем дела отбил полотно на станке и, наточив его потёртым, выдавшим виды бруском, пошёл за огород накосить сена старой козе Бобылихе.

Дед Митроха, хозяин козы, ходил вокруг отца, охал, кряхтел, чертыхался по поводу своей немощности и с гордостью рассказывал молодым, что его сын сызмальства был способный к крестьянскому делу. Дед жил один, вспоминал войну, с которой вернулся с двумя орденами Славы и медалью «За отвагу», скучал по умершей жене, по близким, живущим в городе, и та встреча была для него большим праздником.

Запомнилось ритмичное пение отцовской косы, широко гуляющей по сыроватой после дождя траве, напевный смех Марьяны, убегающей в чащу вместе с высоким, гибким Серёгой... Когда скрылось её светлое в крапинку платье за деревьями, померкло в душе Веньки, будто окошко на солнечную сторону закрылось.

Сидя на лавке в сквере, Сорокин стал думать о своей жизни. Права Антонина, неудачник он. Уже с десятков годов пронеслось после института, а он всё в прорабах гуляет. Однокурсники давно управлениями командуют или в высоких кабинетах заседают. Дочку Наташку в детский садик не устроил, квартиру жена на своё имя получила, в этом году льготную путевку в санаторий опять проворонил...

В такие минуты обиды на судьбу, беспомощности, даже злобы Венька Сорокин сильно расстраивался, остро ощущал свою никчемность, нерешительность. Вспомнилась драка на рыбалке с соседом по лестничной площадке, несправедно обвинившим его в краже бутылки пива из авоськи, опущенной в речку. Вспомнилось грязное ругательство чиновника в администрации района, куда Венька пришёл просить место в детсаду для Наташки. Ни в первом, ни во втором случае он не дал отпора, не скрутил хилого соседа, не поставил на место чиновника-горлопана...

Венька вздохнул и закрыл глаза. Привалившись к спинке скамьи, он незаметно задремал. Ему снилось раннее утро в деревне, умерший пять лет назад дед Митроха в коричневых сатиновых штанах и стоптанных кирзовых сапогах, сутуло идущий по ковыльному полю. «Что же ты не приезжаешь, внучек? – спрашивал дед. – Некому мою могилку прополоть, вот ты бы приехал и прополот, а?» «Прополот, дедушка, прополот», – отвечал Венька, и протягивал руку, чтобы прикоснуться к дедовой белой бороде, словно флаг развивающейся на ветру. Но дотянуться никак не мог...

Венька заворочался и внезапно проснулся. В сквере было тихо, из-за высоких домов во двор заглянула луна и, осмотревшись в её свете, Венька не увидел рядом Джека. Его не было, он ушёл вместе с ошейником и верёвкой, выпавшей из руки заснувшего Сорокина.

Близился рассвет, город как бы застыл на старте в новый шумный день, в гвалт и суету улиц, визг автомобильных тормозов, в шарканье людских шагов по асфальту. В предрассветный час Веньке показалось, что он присутствует перед началом спектакля. Вот откроется занавес, и люди на сцене задвигаются, засуетятся.

Венька шёл и вспоминал всё плохое, что было в его жизни с Антониной. Он вспомнил, как нехорошо она отнеслась к его больной матери, как не пришла на её похороны, как неприветлива была с отцом, единственный раз захавшим к ним домой.

Эти мысли озлобили его сердце. «Сегодня я бы ей сказал! – зло думал Венька. – Ишь, собака ей не угодила! А я, может быть, всю жизнь о собаке мечтал...»

Незаметно Венька подошёл к стройке, где работал. Никого еще не было. Лишь в окне сторожки шевельнулась занавеска, и вскоре Баранов, неуклюжий, сонный, явно с похмелья, вылез из узкой фанерной двери.

– А, прораб, привет. Что-то нынче рановато. Выслуживаешься? – он трескуче засмеялся и присел на кирпичи, сложенные возле сторожки. – У нашего хозяина выслужишься, как же! Ему чихать на людей. Главное: давай-давай, вкальвай! Буржуй, одним словом. Правильно их в семнадцатом трягнули. Да мало, видно...

Баранов махнул глыбистой рукой и закурил. Потом сказал, глядя в сторону:

– Ну, ты смотри, опять он здесь!

Джек сидел на том же месте, где обычно. Венька подошёл, присел рядом и снял с собаки ошейник с длинной, уже размочаленной верёвкой.

– Ну, что ты убежал, обиделся что ли? – спросил Сорокин и осторожно погладил собаку по голове.

Джек грустно посмотрел на человека карими глазами и слегка шевельнул хвостом. Перекинул его слева направо и вновь замер.

– Ладно, сиди, – сказал Венька. – Вечером пойдём домой.

На душе вдруг стало спокойно. До этой утренней встречи с Джеком, он собирался наговорить Антонине много резких слов, упрекнуть и в том, и в этом. Но сейчас что-то повернулось в его душе, и Венька подумал о том, что Антонина прожила с ним без малого двенадцать лет и, наверное, проживёт ещё больше. Она разделяла с ним всё тяжелое, трудное, будет разделять и дальше. Он вспомнил, что у неё появилась ранняя седина в волосах. Было время, когда он гордился своей статной и умной женой, её делами на службе, радовался её воркованию над кроватью маленькой Наташки.

«А что случилось-то?» – мысленно сам себя спросил Венька и так же мысленно ответил: «Да ничего не случилось. Жизнь продолжается...» Он поднялся, подмигнул молчаливому псу и пошел к прорабской, где уже собирались рабочие. Они ждали его. И, понимая это, Сорокин всё ускорял и ускорял шаг.

Вечером, когда стройка вновь затихла, Венька собрался домой. Проходя мимо цистерны с водой, он не увидел Джека. Сорокин побродил по скверу соседнего двора, заглянул в подъезд старинного каменного дома. Собаки не было.

Веньке опять стало тоскливо, одиноко и, схлынувшая было тревога, вновь накатила на сердце. «Ничего не случилось», – мелькнула утренняя мысль. Да, ниче-го не случилось того, о чём мечталось. Ни белой стаи облаков под крылом его самолёта, ни Марьяниной любви, ни еще чего-то важного, ожидаемого. Вот и Джек от него ушёл...

В том, что Джек ушел именно от него, Венька был уверен, словно кто-то о том нашептал ему по секрету...

Кнарник Хартавакян
член Союза писателей России
с. Чалтырь Мясниковского района
Ростовской области

Не верь, что тебя обманули

Бабочки на соснах

...И было дивно: бабочки на соснах!
На высоте верхушечных ветвей
Мелькали невелички в бликах росных
В сверканье золотых апрельских дней.

Лимонные тельца порхали всюду,
Их необъятность синевы влекла,
И акварель, что грезила о чуде,
Их тенью лучезарной облеклась.

Тот быстрый промельк бабочек порхавших
Напомнил детство, аромат лугов...
И туча, в безмятежность грёз ворвавшись,
Не омрачила всплески вешних снов.

Но было явью: бабочки на соснах!
И это было чудом из чудес:
В сиянье капель – дождевых ли, росных –
Миг детской радости моей воскрес!

***

Эта девочка гибкая, что округляется в «мостик»,
Расправляет, как ласточка, крылья, готовясь в полёт,
И не чувствует в младенческой грации-гибкости кости, –
Неужель это я, в измождённых годах рифмоплёт?..

Грациозная девушка, нежность облекшая в трепет,
Столь стыдливо изящная, в танце плывя и летя...
Руки выгнуты лирой, струн волосы ветер ей треплет –
Неужель это я, эта юная грация – я?..

Полюбившая женщина, самозабвенная в чувстве,
Но познавшая цену избраннику, горечь разлук
И призванье нашедшая в горнем словесном искусстве, –
Неужель это я, воспринявшая стих дрожью рук?..

Столь усталая женщина с ноющей болью всё пишет.
Округлилась спина, но размах свой крыла не таят:
Отклик строчкам взлелеянным слышит, взмывает всё выше...
Неужель это я, Божьим даром сча-стли-ва-я – я?!

2011 г.

Немного о себе

(Откровения Стрельца)

Любимый цвет мой – ультрафиолет:
Предпочитаю вверх – по вехам лет.
Предпочитаю горние лучи...
Учитель, восхожденью научи!

Направь мои крыла, мои стопы
По завиткам спиральной тропы. –
Пускай закрутит полем торсион,
Поможет петь Вселенной в унисон.

Тебе я подголосок, вольный ветер,
Поющий тон и солнцезвёздный спектр.
Не счесть его оттенков, тонов,
И голос мой – неповторимо нов...

Конечно, он не ярок, слабоват:
В нём мало децибел и киловатт.
Но свой огоньшко я солью, отдам –
Хористкой – галактическим звездам!

Коль, разложив на спектр их долгий свет –
Пурпурно-красный ... ультрафиолет
(Хоть, выпранный, не всем он будет зрим),
Услышит кто-то через много лет
Мой голос, что домчит небес *гольфстрим*,
Мой светозов, что тьмой необорим, –
То, значит, я немножечко поэт...

Птицы-надежды

Облако крыльями словно взмахнуло,
Птицу летящую напоминая.
Вот оно снизилось к роще вплотную,
Страхи, сомнения все подминая...

Видно, за мной белоснежная чайка,
Лебедь, журавль – та волшебная птаха!
Шёпоты слышу я: «Гостью встречай-ка.
Блещут крыла в ожидании взмаха...

Слышишь, взойди и взлети вместе с птицей –
Белой, ласкаемой чудо-зарницей.
Слышишь, не верь, что тебя обманули:
Птицы-надежды крылами взмахнули!..»

***

*«Что скажешь, старче, городу и миру?»
Николай Скрёбов*

Не говорю ни городу, ни миру, –
Скажу тебе, моя родная весь.
В твоих ночах и днях настрою лиру.
А что скажу, пролепечу я днесь?..

О том пока не ведаю, не знаю,
Я лишь веду рукою по строкам.
Шумит Река Времён, душа – сквозная;
Все протечёт, всё станет по строфам.

А ночь блистает, звёзды – ярче, кольче.
Глаголет Свет, окно не занавесь.
Иных миров пленительному *дольче*,
Вселенной всей внимай, родная весь!

А утром мы вольны засеять пашню,
А к осени – убрать свой урожай.
Но стихотворца поступь черепашью
И сонный вид тогда не осуждай.

И я могла бы – городу да миру.
Могла бы на рассвете сладко спать...
Но я бужу в ночах бессонных лиру,
Чтоб о тебе Вселенной рассказать!

Ночной экспромт...

Уже сем-над-ца-то-е ок-тя-бря...
За грань «вчера» пролился день минувший.
Минул, истёк, – не может быть, чтоб зря.
Чем он наполнил ближний мир уснувший?

...А где-то далеко ещё светло,
А где-то уж и к зорьке ближе время.
Иль бьёт наотмашь ветер-дождь в стекло,
Иль солнце будит, скинув тягот бремя.

И между днями *Завтра* и *Вчера* –
Горящие окошки ноутбуков...
И полнят светом ночи-вечера,
Сияньем смысла полнят, множась, буквы.

Связуя с теми, кто читает нас,
Кого сей миг поэзия разбудит.
И будет ночь, и будет зорям час,
И будет Свет!.. И будет, и пребудет!!

***

*Никакая родина другая
Не вольёт мне в грудь мою теплынь.
Сергей Есенин*

Спит ковыль, в грёзах зимних волнуясь,
Спит, белёсая нынче, полынь...
Степь донская! Любя, повинуюсь,
И в мороз ощущая теплынь,
В грудь приемлю: вливай, содрогая,
Степь-равнина,
и ширь, и тепло;
Лей, пронзая до слёз, до-ро-га-я, –
Столь блаженно с тобой
и светло!

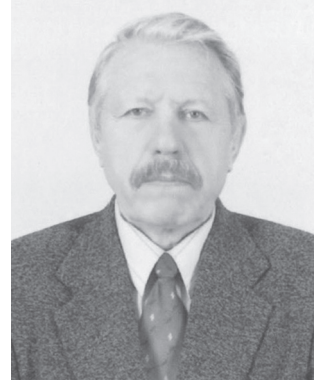
(отрывок из стихотворения «Полнолуние – не спится...»)

Фёдор Герман

член Союза писателей России
г. Ростов-на-Дону

Немчик

эссе

Уже несколько дней лютовал батюшка Тихий Дон. Волны, точно цепные волкодавы, набрасывались на утлую плоскодонку, ярились, цепляясь скользкими лапами за борт, брызгали липкой, холодной пеной. Низовка нагнала воды вровень с обрывом и, если бы не якорь, натянувший струной бечёву, лодку давно бы выбросило из русла, замотало бы между деревьями, разбило о стволы могучих карагачей. В Багаевской лопатину залило до самой плотины, – редкое дело, такая низовка осенью.

В ожидании непогоды и в непогоду Немчик ставит лодку в овраге, вымытом весенним паводком: большая волна до него не доходит. В тёплые июньские дни в нём мелькает столько мелочи, что даже тощая старая цапля брезгливо поджимает одну ногу и прячет под крыло чубатую голову: только рябит в глазах, а поживиться нечем. Ясным утром, когда упругие солнечные лучи, просачиваясь сквозь листву прибрежных деревьев, высвечивают тихую заводь до дна, сюда часто заходит погреться и попастьись пронырливый жерех. Врывается в стайку мелкоты и, оглушив хвостом рыбёшек, быстро подбирает добычу. Иногда Немчик наблюдает такую охоту. Обычно, когда несёт к Дону полоскать свои пожитки. Он ставит сапетку и беззвучно смеётся, а его неотступный телохранитель, крупный гладкошёрстный дворняга Ыр, тут же бросается в воду и прерывает пиршество речного разбойника.

Одно время повадился в заводь сомишка аршина на два. Подплывёт к самому берегу, высунет рыло, уставится своими нахальными глазёнками на что-нибудь и лежит свинья свиньёй, ждёт, когда гусята, щиплющие на берегу молодой спорыш, спустятся попить и поплавать. Глокает, словно хохол галушки. Немчик быстро свёл с ним счёты, – слава Богу, никакой твари не дано перехитрить человека. А поймать глупую рыбину человеку, выросшему на Дону, – дело нехитрое.

Всплесков Немчик не мог слышать, зато видел всё превосходно. В его роду все были остроглазыми. Отец по точке на горизонте мог определить турчак то скачет или калмык, и потому до самой старости был в походах в дозорных разъездах. В самую тёмную ночь – Бог знает, по каким признакам, – узнавал, чья филюга скользит по безмолвной водной глади. У Немчика глаз был куда слабей, но после того, как он оглох, кажется, тоже прояснился. Он уже чётко видел то, что раньше расплывалось контурами. Весь он как-то напругся. И если раньше какое-либо боковое движение, едва попадавшее в зону

его видимости, могло остаться незамеченным, то уж теперь он мгновенно оглядывался на него, вспыхивая готовностью к действию.

Зажигать бакены в такую непогоду он отправляется засветло. Отсидеться бы. Кто станет разгуливать по Дону в такой ветрюган? Ан нет. От самых Голых Бугров до Гранухи перелопачивай волны. И – каждый вечер. А не пойдёшь – не дай Бог, начальство наскочит или сядет на мель баржа какого-нибудь купца-бородача! По этапам погонят. Да ещё высекут в Багаевской на майдане у станичной церкви, прямо под десницей божьей.

Если пустовойтовская или самого Елпидифора Парамонова сядет, может и обойдётся. Больно богаты капиталами, с самой заграницей торгуют. Они, пожалуй, в большом убытке не будут. Баржа для них – песчинка, а ежели у кого поменьше мощностью, тот сразу страховщиков науськает, урядника подстегнёт, только держись, так закрутят хвоста – каюк тебе.

Немчик ставит в лодку керосин, прячет в ящик под скамейкой непромокаемый ларец с кресалом и пожелтевшей от керосина тряпкой, осеняет себя крестным знаменем (от всякой нечисти) – и на вёсла. На этот раз спутник его задержался возле выброшенной на берег рыбёшки. Долго нюхал и заскулил.

–Ы-ы-р!– позвал хозяин дворнягу. Пёс лениво притрусил к ерику, постоял, как будто о чём-то раздумывая, и нехотя прыгнул в лодку. Немчик приласкал его, пёс никак не отозвался: с немым хозяином и собака становится сдержанной, молчаливой. Единственный друг немого бакенщика. Самый близкий и самый преданный из живых существ. Когда кто навевывается к Немчику в заборки, он первый подаёт голос. Всегда возле хозяина. Даже весной, когда легкомысленная станичная собачня устраивает свои непристойные свадьбы, Ыр со двора не отлучается. Только иногда подолгу воет. Так горько, как будто близкую беду чуёт.

Вечером они зажигают бакены, идут по течению, Немчик на корме, пёс у носа, положит передние лапы на поперечную доску, как будто человек, стоит и воет. Сумно становится и страшно. Услышит добрый человек, перекрестится, у злого мурашки забегаят: не уйти от суда праведного. Девки поют, – притихнут, а парубки один перед другим выставляются: «Чи собака, чи Немчик на луну загляделися, с сатаной гуторят». Что с дураков взять? Немчик этих разговоров не знает, своё делает.

Поговаривали, что живёт в его доме нечистый. Казачка одна рассказывала, а после неё и дальше понеслось. «Припозднилась я как-то, – говорит, – теля не пришло до дому, ну я и айда искать. Обходила всё кругом. К своим зашла, в Белянин. Засиделась. Иду в станицу. Дай, думаю, гляну, можа у Дона, в кушерах де застрял или к Немчику прибился? Подхожу к плетню, глядь в загорожу (не загнал ли он себе) – женщина. Вся в белом, корову доит. Эге, думаю, брехню люди носили, что его Стешка пропала. Таит он её от людей. Зачем это ему, дурьей башке, надо? Сглазу, что ль боится? Загляделась и не заметила, куды женщина делась. Только смотрю: корова стоит, доёнка, а её нет. Слышу, сзади кто-то чешется и дышит тяжело, как при болячке, вот-вот закашляет. Поворачиваю голову – обмерла: здоровенная, кудлатая собачара усталилась на меня исподлобья и ждёт. Шерсть длинная, аж до земли кусками

висит. А глаза: ну точно с того света на меня глядят – зелёные, и в каждом луна горит. Хочу крикнуть, язык присох. Наложить крест – рука отнялась. Стою и жду, чё буде. Потом молитву вспомнила. Живой помощь про себя читаю, ангела-хранителя призываю. Чувствую, тепло у меня за спиной разрастается и она (Господи, спаси и помилуй, святая Богородица – заступница наша!) сникла вся, искарёжилась. Потом повернулась и к ерику затрусилась. Не тронула... Не посмела, значит, греха, видать, на мне не было. А то бы и всё: забрал бы *он* мою душу».

Долго по станице всякие байки ходили, когда Стеша его пропала. Чего только не плели охочие до слухов языки. Суров Немчик с виду, всё можно подумать. Шуток никогда ни с кем не шутил, и с собой не позволял. В молодости, когда ещё не было недуга, веселился с годками. Зимой бегали колядовать, а в ночи перед пасхой и перед троицей трубу затыкали в летней кухне какой-нибудь вредной бабы. Растопит она утром печь, весь дым – тут. Скорей, баба, туши, чтоб никто не увидел. Разнесут по округе: ведьма. Это уж верная примета. На такие праздники только у ведьмы печь не затопится. Чего доброго, муж заметит, что с нечистыми связана, выпорет. И никто не заступится. Ясное дело: лукавому продалась... Ну, а если поймают молодняк за этим занятием, – родительской порки не миновать.

Тихой была Стеша, робкой, тем и присушила его. А запоёт, будто душу твою в руки возьмёт. И песни её все печальными были. Словно чувствовала, что не будет ей радости в жизни. Прядёт длинными зимними вечерами пред лучиной и занимает себя песней:

*Во ту пору, во то времячко
 Меня мать родила,
 Ой, да десять лет я у родной матушки,
 Десять лет не была...*

Он снасти чинит (что ещё зимой делать?), бросит и замрёт. Только чувствует, как весь он чем-то добрым и светлым наполняется, наполняется и уже больше нет никого на всём белом свете. Только он и она, его жизнь, его судьба, его сокровище. Сколько лет унесла стремительная донская волна... До сих пор в стенах её голос хранится. С ней советуется, ей жалуется на свою боль-тоску, её слушает бессонными одинокими ночами постаревший Немчик. Всё-таки не обошёл и его Бог счастьем. Любил он свою Стешу, да так любил, что без неё и себя потерял. А тогда, молодыми, сокрушались, что Бог дитя не даёт. Так ей хотелось малыша. Матерью, стало быть, кортелось. Да и что человек без продолжения? Трава – травой... Налетит студёный ветер старости, сомнёт тебя, поломает – и ничего от тебя не осталось. Разве что, промелькнёшь неприметной тенью в рассказе какого-нибудь зажившегося станичника. И то так, мимоходом: старики любят больше о себе говорить, каждому своя жизнь – Евангелие.

За паромом едва не столкнулся с какой-то плоскодонкой. Пёс вовремя узрел опасность и несколько раз беззлобно тьякнул встречному. Тот, обдав себя и Немчика колючими брызгами, ударил табанить сразу двумя вёслами. Лодка клонула волну и начала отходить по течению.

– Ишь ты, – удивился чужой, – обученный. Ты погля, как на дозоре. Во, собачья псина!

Немчик безразлично скользнул глазом по незнакомому и взял ближе к берегу. Кажись, так путь длиннее, но зато меньше сносит: течение у берега куда слабее. В большую волну не следует выходить на быстрину. Когда-то он уже поплатился за свою удаль: рискнул в такой вот ветер пройти по середине Дона. И силы было поболее, да Дон оказался посильнее: опрокинул лодку со всем его бакенным скарбом. Всё, что было в лодке, пошло на дно, едва и сам бакенщик не угодил следом. Вовремя ухватился за борт. А то бы – всё. Судоргой свело ноги, никак не удержаться на воде. Так его скрюченного и выловил паромщик аж возле станицы Манычской. Почти к берегу прибило лодку, вот и заметил. А то кормить бы бакенщику донских раков.

В тот год рано похолодало. В конце сентября ударил первый мороз. Выкрасил листья на деревьях, покрыл серебром разнотравье, засыпал лужицы хрустальной крошкой. Но берега не тронул, Дон по-прежнему неутомимо гнал свою быструю воду к морю. В ожидании холодов, заторопились торговцы с товарами к большим городам. В Таганрог, в Ростов, в Воронеж. Всяк старался поскорее доставить грузы к главным рынкам. Реже стали к нему заходить словоохотливые капитаны-речники. Мотался и Немчик. Подвозил из задонья сено. Продавал в Новочеркасске дешёвого вяленого рыбца. К вечеру – керосин в лодку и – на реку. Уже и к бакену подошёл. Собрался верёвкой привязаться. Да сноровка не та видать была. Когда прилаживался верёвку на крюк набросить, на борт навалился. Тут-то волна и поддела его лодчонку, словно момент поджидала.

Больше месяца провалялся Немчик в горячке. Какими, только, снадобьями не поила его кроткая супружница. Какие, только, мази не привозила ему речная братия. В ожидании попутного ветра днями простаивали у его подворья дубы, чайки и барки. Каждый старался чем-нибудь помочь. Даже ларец оставил кто-то вместо утонувшего. До сих пор служит ещё.

Сдюжил он хворь. Да только не совсем. Оглух после простуды. Будто воды в уши налилось. Постоянный шум. Кажись, попрыгай на одной ноге и всё пройдёт. Не прошло. Отнял у него Дон живые голоса. Только во сне по-прежнему слышит и разговаривает... Убивался. До того убивался из-за глухоты. Стеша видит это, успокаивает: «Бог даст, наладится,.. а не наладится – и так проживём».

А на что надеяться неимущему человеку? Городские лекари не станут на него тратить время, – только на милость Господнюю. Смилостивится, вернёт оглохшему бакенщику утраченный слух. Ан нет – его воля. Каждое утро носилась Стеша к заутренней службе, молилась, свечу ставила. Ни одну церковь в округе не забывала посетить на престольный праздник. Разве что, – Бессергеновскую. Да и то, потому что на ней лежал гнев Господень. Немчик каждый раз смотрел на неё, проезжая мимо станицы, когда приходилось по какой-нибудь надобности бывать в Новочеркасске. Как только открывалась раненная стена церкви и пока не заливало от напряжения глаза слезой – смотрел и замирал в каком-то непонятном рабском благоговении: какой же грех нужно было совершить прихожанам, чтобы заслужить такую кару?

Это место в излуине стародонья и сейчас ещё можно узнать. Раньше станичные атаманы устанавливали здесь разъезды из ещё не служивших

казаков. Когда-то эти разъезды имели большой смысл, а в последние полтора века таким образом приучали молодёжь к ратной дисциплине: они не должны были отлучаться с места и смотреть в оба, чтобы, не дай Бог, какой-нибудь еврей или армянин не посмел со своим обозом проехать через святыни казачества, его столицы – Старочеркасскую или Новочеркасск... Сейчас уже нет тех верб, что стояли здесь когда-то. Река промыла другое русло, вода ушла, место высохло. Умерли вербы. До этого места провожали бессергеновцы патриарха, приехавшего освятить и отслужить первый молебен в только что отстроенной красавице-церкви. Здесь он рассерженный и назвал бессергеновцев тем словом, которое потом, что мурзихинская глина, прилипла к станичникам, их детям и внукам. «Гужеды!» И с того дня все окрестные станицы и хутора подхватили эту кличку. Не за пустяк, за дело патриарх дал её. Кто-то из воровитых станичников обрезал с коней его экипажа отделанные серебряными бляхами постромки. Вора нашли, выпороли, постромки вернули. Но неслыханное хамство привело главного священнослужителя в ярость... Не за это, конечно, покарал Всевышний бессергеновцев. Поговаривали, что ночами шалили они на дорогах. Скорей всего, – за это. За невинно пострадавших православных Господня рука метнула в станичную святыню испепеляющую молнию. Как предупреждение грешным: «Опомнитесь! Не ждите большей кары!» Устояла церковь. Глубокий желоб остался в восточной стене. Словно куски застывшего теста, свисают по краям обрывки запёкшейся кирпичной массы. Точно красавица со шрамом на щеке, гордая и величественная, показывает она восходящему солнцу израненную стену.

Эту церковь Стеша не жаловала. На что уж Немчик, не такой набожный, и то, проезжая мимо, крестился, а Стеша даже в её сторону смотреть избегала.

За что же Господь наказал Стешу? Уже, казалось, большей послушницы нет. Все посты, все церковные праздники соблюдала. Дурного слова никто не слыживал. А после наступления его глухоты совсем редко разговаривала. Да и с кем? В станицу ходила, чтоб только помолиться в церкви возле майдана. Да нет, скорее *он* его, Немчика, наказал. А её только избавил от тяжести жить с таким человеком. Но уж без неё что за жизнь у него стала. Думал даже наложить на себя руки – нельзя! И так, видно, немалый грех на нём, а то и вовсе – геенна огненная. Грех-то, понятно дело, на нём. Кубыть не на нём – его бы призвал. Точно! Он вспомнил, как они ещё молодыми ходили на пасхальную всенощную в Благовскую церковь. Жили ещё в Грибовоухе. Пасха была ранняя в тот год. Грязь ещё стояла непролазная: свороти чуть в сторонку от натоптанной тропки и увязнешь по колени. На службу собирались под вечер. Только вышли на пригорок: Благовку видно и всё далеко видно, аж почти до Бирючего. Клунников видно, ну и Рясные курганы тоже. Смотрит, а на одном из них огонёк тлеет. «Золото, – смекнул он. – В ночь перед Пасхой на поверхность поднимается, если на крови». Святое дело – забрать такой клад, в церковь его занести, пусть даже и не сказать батюшке, что там золото. Пусть перекрестит кошёлку, а то, ещё лучше, освятит: окропит святой водой. И, само собой, на нужды храма что-то пожертвовать. Эх, жизнь пойдёт! Будет его Стеша барыней ходить. Только надо всё это в полночь... И чтоб никто не знал, иначе ничего не получится.

– Стеш, – обратился он к ненаглядной своей спутнице, – ты иди, возьми вот узелок. Освятишь. А мне надо... Я, можа, догоню. Но ты не жди...

– Али забыл что? – спросила она. И тут же присоединилась к группе идущих ко всенощной. В пасхальную ночь все дороги ведут в церковь.

Взял лопаты, лом – его тоже надо. А то рассказывали, когда-то Драбенковы вот так тоже на Ветряном кургане увидели огонёк, пошли все, кто увидел: отец и три сына. Метра два вырыли – камень. Пытались обрыть, найти край. Никак. Только земля осыпается. Слишком широкий камень, лом нужен. Не смогли, не взяли. Пошли на следующий вечер: всё затянулось. Дорыли до камня. Только ударили ломом несколько раз о камень – откуда не возьмись, белый конь с громадной гривой. Бьёт копытом, ржёт. Сердится, прогоняет. Страшно им, бросают всё и убегают. Он следом их гонит до скели, так грибоваховцы называют крутой обрыв у правой стороны реки. Кажется, вот-вот настигнет убегающих – нет, даёт убежать. И так три ночи к ряду ходили они за кладом. И с каждым разом конь становился всё сердитее.

– Нет на то божьей воли, чтоб отдать нам клад, – сказал отец.

И они оставили эту затею. Но как-то же узнали хуторяне об их раскопках.

Только вышел из двора – туман, да такой густой – перед собой ничего не видно. Места исхоженные, направление он знал хорошо. Пошёл по-над балкой. Возле Платоновки перешёл кладку по хрящу, по буграм (Клунников остаётся справа) – идти-то вёрст семь, вот, только, грязь. Тяжело её месить. Но ничего: будет золото, отличных дончаков себе купит. Только бы успеть до полуночи. Одно время он даже почувствовал сквозь туман, что он на месте. И впрямь: подъём, подъём, откуда взялись силы. Наверх почти бегом поднялся. И остановился. Прямо перед ним была калитка их подворья. А вскоре и рассвело. Значит всю ночь водил его Нечистый по буеракам. Не отдал! Да дары Нечистого ему и не нужны. И вспомнил: не принял молитву он перед иконой Богородицы прежде, чем идти. А так, наспех перекрестился, дескать, – с Богом! А этого, наверное, мало. Да и Стеше не следовало рассказывать... С того времени, должно быть, и пошла их жизнь под закат. Грех, должно быть, допустил. Возалкал чужого. Вот его Нечистый и выследил, стал у него постепенно отнимать всё дорогое его сердцу.

Нет! Скорей всего, она утонула. Что-то всё же с нею случилось. Какое-то несчастье. Сама на себя она – Боже упаси! Слишком набожная. Украсть не могли. Чужого человека станичники ревностно провожают взглядами аж до самого некуда. И сбежать не могла ни с кем: больно гнева Господнего боялась. Может, сом какой затянул. Стирала бельё, а он и напал. Их на Дону таких много. Другого не могло быть. А теперь он приходит в церковь и не знает, ставить свечу за здоровье или за упокой. Ставит и туда, и туда. Давно уже она не являлась к нему в снах, а недавно приснилось, зовёт его: «Иди ко мне, – говорит, – хватит тебе одному горе мыкать. Ты там никому не нужен. А со мной тебе будет хорошо...»

Сидит она на пригорке. Трава зелёная, невысокая и густая-густая, как бархат какой кругом. Улыбается и зовёт. Между ними ручеёк: перешагнуть легко можно. Вода такая чистая – дно видно. И небо синее-синее. Только во сне бывают такие чистые и яркие краски. Немчик видел ещё такие в Ростове,

когда персюки на рынок привозили свои дорогие ковры. Обрадовался он ей, потянулся навстречу, хотел сказать, что все его мысли только о ней, и проснулся. Возблагодарил молитвой Создателя за то, что дал свидеться. И несколько дней ходил счастливым. Всё ладилось. Вот только погода испортилась. Ну, да Бог с ней, не впервой...

Прошёл Багаевку... Немчик всегда начинал с Гранухи. На повороте его бакен. Дальше – вниз по течению. Выше, за Гранухой уже не его Дон. В станице «лапшевники» то там, то здесь стали зажигать каганцы. Сколько он помнит, у багаевцев всегда была кличка «лапшевники». Было или не было, кто знает, но молва осталась. Вроде бы, дежурившие в атаманской управе казаки украли у жившего рядом атамана козла. Освежевали и приготовили в казане прямо во дворе управы лапшу. Угостили приятелей. Неизвестно, чем бы оно закончилось, и когда бы кинулся атаман, да писарь пошёл вниз куреня и обнаружил спрятанную шкуру. Казаков выпороли принародно на кругу, – тех, кто приготовил лапшу, а не тех, кто угощался.

История эта рассказывалась да пересказывалась. А кличка прилипла ко всем станичникам. На казачьих сборах иначе багаевцев и не величают, как «лапшевники». Это не диво, – на Дону казаки каждой станицы имеют свои клички. Ольгинские – «индюки», кривяньские – «раки», манычские – «селезни». На клички не обижаются. Забавляется народ...

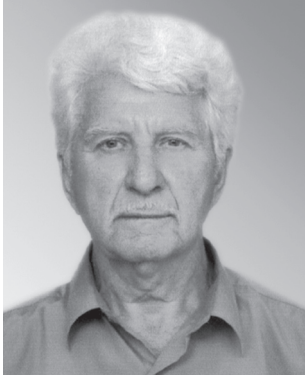
Немчик подошёл к бакену справа, забросил верёвку, завязал петлю. Можно готовить кресало, каганец. Ветер набирал силу. Низовка гнала и гнала воду. И тут он почувствовал, как лодка чего-то коснулось – мягкого, но большого. Он перегнулся за борт: громадная рыбина. Дохлая, оглушенная, или сонная? Сом или белуга, сразу не определить, да и некогда: ветром гонит. Острый штырь для таких случаев у него всегда находился на дне лодки. Даже привязан к кормовому крюку: на Дону такие подарки не редки. Немчик, держась рукой за поперечную доску, что есть силы ударил в тело рыбины самодельным гарпуном (даже поросётам достанется подкрепиться), и в это время громадный столб воды поднялся над поверхностью и опустился на Немчика и его плоскодонку. Хвостом его ударило о борт лодки. Она перевернулась...

***

Больше Немчика не видели. Из водной управы вскоре прислали нового бакенщика. А то место, где жил немой бакенщик стали называть его именем. Несмотря на то, что прошло уже больше века, память о нём жива. Я помню времена, когда по Дону ходили суда, много судов. И каждый капитан, поравнявшись с урочищем Немчика, издавал длинный и печальный гудок. И эта традиция передавалась из поколения в поколение. Она и сейчас сохранилась. Только парходы, да баржи-самоходки стали редкостью. А Немчик ушёл из жизни так же, как и его несравненная Стеша – пропал бесследно...

Ст. Багаевская, 1981 г.

Поэзия... Поэзия... Поэзия...

Леонид Дьяков
член Союза писателей России
г. Ростов-на-Дону

Солнце тонет в Золотой реке

Отзвенели капли

Отошли, отзвенели капли.
И земля, оживая, парит...
Мне теперь
Больше снятся апрели,
А проснусь – на душе сентябрит...

Ветры хмурые бродят в обнимку
И разбойно ночами свистят.
И трясут обнаженную липку,
Словно душу отнять норовят...

Словно мстят, – что зима отгуляла,
Что пришла ей на смену
Весна,
Что скворец ей поет разудало
От зари до заката, до сна...

А потом – соловьиные трели...
А потом, в голубом,
Сизари...
Мне теперь больше снятся апрели.
А проснусь – на душе сентябрит...

Любовь

Никак не согреется
Продрогшее лето:
То ливни бушуют,
То ветры гудят...
Но песня моя до конца не допета,
И очи твои так любовью горят!..

Ты рядом, и я
Целым миром владею,
И звездною ночью,
И ласковым днем...
И все, что прошло, – ни о чем не жалею,
Когда ты со мною, когда мы вдвоем...

Нас время пытало,
И било, и мяло,

Баркас наш швыряло
С волны на волну.
Но наша любовь нас всегда выручала:
Горела и пела, сливаясь в одну.

Гудите, ветра,
Пойте, белые вьюги!
Весна к нам придёт половодьем цветов...
Лишь верьте, земляне,
Друзья и подруги,
В великое Божье на свете – любовь!..

***

Пой, душенька, моя душа,
О райских куцах
Света и печали,
Где ты, застенчива и хороша,
Меня ласкала знойными ночами...

И было так отраднo и светло
От рук твоих, от шепота,
От страсти,
Что верил я – мне в жизни повезло,
И нет на свете женщины прекрасней!.

Мы сад растили, поднимали дом
На белом свете милom
И родном,
Где птицы неуёмные звенели,

К нам ехали из города друзья,
И мы их принимали,
Как князья,
И песни удивительные пели!..

Возвращусь я в свой дом

Возвращусь я в свой дом,
Где щеглы да синицы...
Где мне сон
О былом
Не забудет присниться...

Я приеду домой
К тополям белоствольным,
Где родился дед мой
Казачурою вольным.

Где любил я и пел
И под лёд
Ставил сети,
Где я друга успел
Потерять на рассвете...

Все дорожки пройду,
Все тропинки
Обшарю,
Но следов не найду
Я друзей моих старых.

Средь осенних равнин
Тяжко вспомню о лете.
Неужели один
Я остался на свете?..

***

Ну что сказать тебе, мой друг,
Пока живу на этой грешной,
Где рядом искрометный луг
Утрами и поёт, и блещет,

И тальники, к воде склоняясь,
О чём-то думают упорно...
А во дворе из бликов вязь
Пересветляется задорно.

Направо гляну – свет-река.
А прямо – реченька поменьше,
До ней дотянется рука.
Там караси,
Как в праздник, плещут...

Я на жарёху их ловлю –
Когда захочется, конечно.
Или на лодку – и «греблю»
Туда, где ерик Поперечный.

Просторно! Хватит на века,
С оглядкой если на природу...
Дыши и в штиль, и в непогоду
И на «ура» бери свободу,
Которая не так легка...

Которая гудит в крови
Тревожно, молодо,
Красиво, –
Как песня вечная любви,
Как вещей колокол России...

***

За речушкой, за бурьянами,
Что усыпаны росной крупой,
Всходит солнце
Янтарно-кудрявое
В дымке розово-голубой.

Пробивается к каждой травинке,
Входит в рощу,
В проснувшийся дом.
И мерцают, смеются росинки
На зелёном, на голубом...

Ветку трогаю – сыплются капли,
Словно бисером
Землю кропя...
И взлетают над речкою цапли,
Солнце крыльями теребя.

Май

Весёлый май блистает и поёт
Скворцами днем,
А ночью – соловьями...
И жаворонок звонкий
Над полями
От этих заводил не отстаёт...

Лучом мерцая, сверлит небеса
И, как ручей, звенит
На всю округу!..
А может, он зовёт свою подругу,
Такую же певунью, как и сам?..

А солнце тонет в золотой реке.
Ему на смену
Лунный диск всплывает
И бледным светом землю обнимает,
Задумавшись на звёздном потолке...

И я, печальный, сяду на порог
И окунусь в сиянье
Колдовское...
Приедет Галя, душу успокоит
И сладкий к чаю испечет пирог...

***

Горячий дует «астраханец»,
И солнца плавится костёр...
А день, как редкий постоялец,
Над твердью душу распростёр.

Слепит, купается в затоне,
Как будто первый раз в году.
И на лугу шальные кони
Всё ищут павшую звезду...

Она вчера, прошедшей ночью,
Слетела в неба, как искра.
И на какое-то пророчье
Трава светилась до утра.

И месяц опускался в талки,
Вздыхал, ворочался во рву.
И две красавицы-русалки
Здесь собирали трын-траву.

И лаяли тревожно свиньи,
И в роще раздавался хруст...
Об этом байка и поныне
У хуторян не сходит с уст.
А я хожу и улыбаюсь,
И глажу по головке пса,
И как бы перед всеми каюсь –
О трепе больше не писать...

***

Февраль – а на улице дождь.
Февраль –
А за окнами слякоть...
Зима,
Ты когда к нам придёшь?
Когда перестанешь плакать?..

Я рос на снегурках-коньках,
В сугробах копал тоннели,
В рогожкинских камышах
Меня заметали метели.

Я эту любил карусель –
Из вьюги, мороза и смеха!..
Февраль,
Постели мне постель
Весёлого русского снега...

РОДНИК

Альманах в альманахе

*Люблю я степь польминую
С приправой чарфеца
И стая твою былинную
Без края и конца...»*

Анатолій Сафронів

Победителями №3 (13) за 2011 год альманаха «Дон и Кубань»
в рубрике «Родник» признаны Л. Авксентьев (Петрозаводск)
и Ю. Иванов (Краснодар)

Леонид Авксентьев
г. Петрозаводск,
республика Карелия

Ничуть не жаль

Цветаевскому костру

Наше лето коротко и быстро,
Как сгоревший в небе фейерверк.
Гаснут, на углях мерцая, искры –
Догорает август на костре.
Догорает месяц ливней звёздных,
Поздних поцелуев, поздних роз, –
Этот месяц жизни самый поздний...
Дальше – лишь елабужский погост.
К вечеру – остыл костёр Марины.
Но, в себя вобрав его тепло,
Жарко тлеют ягоды рябины...
Август. Тридцать первое число.

***

Разогрев две монетки в ладонях своих,
Мы швырнули их в гребень кипящей волны...
Две железки – не лучше, не хуже других, –
Как залог, что сюда мы вернуться должны.
И лежат два кусочка тепла наших тел,
Как два солнечных зайчика, в синей тиши...
Мы вернёмся сюда, оторвавшись от дел, –
Только, море, монетки студить не спеши!

Дождь времени

(отрывок)

На пыльных стёклах пережитых лет,
Дождь времени наводит свой узор.
Он смыл следы от застарелых бед
И растворил лукавый наговор.

И по-другому смотрится совсем
В намытых стёклах мутная печаль...
Что радовало, и гордился чем,
Дождём размыло и – ничуть не жаль.

Юрий Иванов

г. Краснодар

Понаехало тут...

День в офисе

«Ожидайте и Вас позовут»,
«Подождите, про Вас не забудут»,
«Будьте здесь, не сочтите за труд»...
«Потерпите – от Вас не убудет».
    «Не засните – осталось чуть-чуть»,
    «Не храпите – мешает работе!»
    «Не рыдайте – отправим к врачу»,
    «Не визжите – на понт не возьмёте».
«Не орите – какое хамло!»
«Много вас – я одна разрываюсь»,
«Понаехало тут, понашло...»
«Я бесплатно не всем улыбаюсь».
    Так и время работы прошло,
    И покинули офис чиновный
    «Психопат», «Идиот» и «Хамло», –
    Оборачиваясь удручённо...

***

Я живу в середине тоннеля
И не знаю – где выход, где вход...
Здесь по радио мелют и мелют,
Зазывают в какой-то там фронт.
    Формируют полки и бригады,
    АКаэМы уже раздают:
    Это значит, какие-то гады
    На Отчизну войною пойдут.
Но не знают враги-супостаты
До чего мы упрямый народ!
Да и сам я, наверно, ребята,
Запишусь в истребительный взвод.
    Чтоб ни дна им уже, ни покрышки,
    Если «Фронт» нас на фронт позовёт, –
    Буду в небе летать, как Покрышкин,
    Как Матросов – бросаться на дзот.
Только, я не смикитил покуда
(Видно, слабым умом не понять!):
Объясните мне, добрые люди –
С кем же нам предстоит воевать?..

Проза... Проза...Проза...

Михаил Серопоршнев
ЛТО «Логос»
г. Туапсе Краснодарского края

Наглец

рассказ

У нас тут вечером наметилась чисто мужская компания. Я и решил позвонить жене, сказать, что задержусь на собрании. Набрал номер своего телефона, и грубый мужской голос мне ответил:

– Да!

Я подумал, что ошибся, и снова позвонил домой.

– Да! – раздался тот же грубый голос.

– Это квартира Петрова? – догадался я спросить.

– Она самая. Что надо? – Мой собеседник уже не скрывал раздражения.

– Скажите, – продолжал я, – Марья Ивановна дома?

Марья Ивановна – моя жена.

– Дома, – отвечает. – Только, она не может подойти к телефону.

Хорошенькое дельце: собственная жена в собственной квартире не может подойти к телефону, чтобы поговорить с собственным мужем.

– Почему не может? – возмущаюсь я уже по-серьезному.

– Потому, что она в ванной.

– В ванной?

– Да, в ванной, черт бы вас побрал! Вы что, не знаете, что в квартире имеется ванная?

– Я знаю, что в квартире имеется ванная, – растерянно бормочу я. – Но как же мне быть? Передайте ей, пожалуйста, что ее муж задержится сегодня на собрании.

– Хорошо, – говорит, – передам. – А потом добавляет:

– Только ты, старый хрыч, постарайся не возвращаться с собрания рано.

– Как это? – опешил я.

– Ну, затяни прения, что ли, – советует мой собеседник.

Каков наглец, а? «Затяни прения...» Он ведь совсем не знает, что я терпеть не могу выступать на собраниях.

Надо быть мудрым

рассказ

Я человек склонный. Сидишь иной раз, смотришь на улицу, смотришь и – задумаешься. И начинает тогда мир перед тобой разворачиваться во всей своей беспредельности и соразмерности. Нужно только, чтобы мысль заце-

пилась за какое-нибудь явление скоротечной действительности.

Вот, например, гляжу я в окно и вижу, как малый ребенок, на миг освободившись от попечения родительницы, кинулся было бежать, да, споткнувшись, упал.

И не столько от боли, сколько от обиды, из его глаз выкатились две большие слезинки. С досады мать шлепнула малыша, и тут уж он по-настоящему пустился в рев.

«Бедное дитя! – начинаю настраиваться я. – Для него все мысли сконцентрировались на вот этой минуте страдания. А надо знать, что мир не замыкается на одном человеке, что ничтожна мала наша слеза перед океаном вечности.

Взять хотя бы меня. Ты думаешь, почему у меня на голове – как в пустыне после самума? Потому, что я не хочу пользоваться расческой? Или потому, что решил принимать солнечный загар на макушку?

Увы, мой мальчик! (Хорошо, однако, разгон беру.) Жизнь прожить – не поле перейти. Впереди у тебя длинная и долгая дорога. И много раз – ох, как много! – тебе придется падать, сбивать коленки и локти. И много раз получать незаслуженные шлепки. Такова жизнь, ничего не поделаешь!

Надо научиться терпеть, надо уметь подниматься, надо быть мудрым. (Отличную высоту, черт возьми, набрал!)

Только мудростью преодолеваются все невзгоды на жизненном пути. И совсем неважно, что у тебя в детстве был лишний синяк, и что я рано лишился своей пышной шевелюры. Важно не впадать в уныние, не отдаваться во власть его течения...»

Я почувствовал, что забрался в такие выси, где от заполнившего душу восторга мне уже стало не хватать кислорода. От избытка эмоций кружилась голова.

«А все-таки каков подлец наш начальник – лишил меня квартальной премии», – вдруг без всякой связи с предшествовавшим вспомнил я и снова ощутил, что твёрдо стою на земле.

– Надо лучше смотреть за ребенком, а не ляды с соседками точить! – крикнул я в окно матери упавшего мальчишки.

Голова больше не кружилась, кислорода вполне хватало.

Роза Агоева

ЛТО «Созвучие» г. Ростов-на-Дону

Соавтор этих стихок... (переводы)

Созаев Ахмат

перевод с балкарского

***

Заболел я тяжело в Терсколе.
Я прошу вас, горы в вышине:
Донесите просьбу эхом скорым –
Позовите мать мою ко мне!

Пчёлы, что летят над головою,
Пламенем объят я – весь в огне...
Обращаюсь я и к вам с мольбою:
Позовите мать мою ко мне!

Облака над Минги-Таом, знайте,
Нет на свете для меня важней:
Никаких лекарств других не надо –
Позовите мать мою ко мне!

Адам Ахматукаев

перевод с чеченского

***

Довольно вам рассказывать при ней
О детях и о внуках с упоением! –
Весельем неуместным всё сильнеей
Её вы подвергаете мученьям.

Как все, жила надеждами она,
Познать мечтала радость материнства.
Увы, была Всевышним лишена
С ребёнком неродившимся единства...

Зачем же заставлять её страдать
И не давать на миг забыться боли?

Довольно! Хватит женщину терзать –
Она и так обделена судьбою.

***

Садись и ты ко мне,
Поедем в тишине –
В арбе своей я предоставлю место.
Но надо всё терпеть,

И приготовься петь
Ту песнь, что заведу, со мною вместе!
Я вытерплю тогда,
За всё простив тебя,

Но только забывать одно негоже:
Повозка-то моя,
Её не продал я –
Что толку, что в руках ты держишь вожжи?!

Кали Джегутанов

перевод с абазинского

Когда к тебе приду...

Когда заманит красотою небо,
Я наслаждаюсь этой красотой.
Когда б могло, оно сказала мне бы:

«Спасибо, друг, любуйся вдоволь мной!»
Когда смотрю я на седые горы,
От восхищенья замирает взгляд...
«Взаимно, человек, – с улыбкой гордой, –
Любуйся нами вдоволь», – говорят.

Когда родник найду, томимый жаждой,
Он светлым взглядом смотрит на меня:
Когда прильну к нему губами жадно,
«Пей вдоволь», – скажет, песенкой маня.

Когда я в неге от молчанья леса,
Он за любовь меня благодарит
Шуршанием листвы и словом лестным,
Что в перепевах птиц лесных звучит.

Насущный хлеб даёт родное поле,
Святое солнце дарит мне тепло.
За то, что сердце к ним любовью полно,
Меня обходит стороною зло.

Своё богатство – красоту! – природа
Нам преподносит щедрою рукой
И, нежно окружая нас заботой,
Оберегает жизненный покой.

И ты, родная, знай её законы:
Из искры возгорается огонь.
И тем огнём является в короне
Любовь двоих, воссевшая на трон!

Как жизни нет без воздуха и солнца,
Как не прожить без неба и воды,
Так без любви моё не может сердце
Огонь зажечь: вот так нужна мне ты!

Попала в плен любви моя свобода,
Но этот плен – счастливейший билет...
Когда тебе «люблю» скажу сегодня,
В ответ, прошу, не говори мне «нет»!

Биджиев Мусса

перевод с карачаевского

***

Погладь мою голову, мама,
Что стала до срока седой!
Весь путь до семейного храма
Мечтал я о встрече с тобой!

Погладь меня, мама... Руками
Тревоги ты сводишь на нет,
Снимаешь с души моей камень,
Даруешь спасительный свет...

Спой песню, которую часто
Отец мой любил напевать!
Мы поровну беды-несчастья
Разделим, присев на кровать.

Твоим убеждениям страстным
Я в детстве поверил тогда:
Что летом отец мой из странствий
С подарком вернётся сюда...

Нет-нет! Не прощу я судьбине
Гонений отца-сироты!
По воле её, на чужбине
Он жил в ожиданье беды.

Останется в памяти ангел,
Сказавший мне, пряча глаза:
«Отец не в безвестие канул –
Он умер... Дай волю слезам!»

О как несмышлённым ребёнком
Хочу оказаться на миг,
Который в рыдании громком
К груди материнской приник, –

Вернуться ребёнком тем самым
В тот горестный вечер с тобой...
Погладь мою голову, мама,
Что стала до срока седой...

Бегиев Абдуллах

перевод с балкарского

***

В зелёной шёлковой одежде
(Открыта белая спина)
Приходишь светлую надеждой –
Не удержать тебя, весна!

Играя и звеня ручьями,
Со смехом за собой маня,
Ты песней наделяешь камень.
Поводья отпустив коня,

Бежишь, от суеты свободна, –
То заберёшь души покой,
То сразу из *вчера* в *сегодня*
Мальчишкой трепетным домой,
Через порог с хорошей вестью
Шагнёшь ты радостно, весна!
В свой срок на самом нужном месте
Любви ты бросишь семена. –

Весна-красна! В твоей лишь власти
Улыбкой распустить цветок.
И оттого я горд и счастлив,
Что ты – соавтор этих строк...

Проза... Проза...Проза...

Татьяна Биньковская

г. Ростов-на-Дону

Разговор с капризной сеньорой

рассказ

Николай никогда не обсуждал с женой своих планов. Это касалось не только его сумасбродных поступков, но и приобретения вещей совершенно не нужных в хозяйстве. Так же не обсуждал он с ней и их совместные планы на день, а просто говорил утром жене Элле:

– Собирайся, мы вечером уезжаем... – Либо, придя вечером с работы и усевшись у телевизора, он сообщал ей, что утром самолет.

Элла злилась, пыталась разговаривать и даже ругаться, хотя по характеру была спокойной женщиной, но всё было бесполезно.

Её доводы и упреки он, вероятно, слышал, но обращал внимания на них не более чем на шум машин на улицах города.

И вот как то летом, после работы Николай сообщил Элле, что утром они уезжают. И добавил:

– В деревню...

Расспросы были бесполезны, и Элле оставалось лишь собрать сумку с необходимыми вещами и продуктами.

В шесть утра они уже выезжали из города. Николай громко включил музыку, как бы гоая этим, что всякие разговоры в дороге излишни, и все два часа дороги Элла могла лишь предполагать, куда они едут.

Муж свернул с трассы и выехал на грунтовую дорогу. Впереди показалась деревенька с домами, далеко разбросанными друг от друга. Машина въехала на пригорок и остановилась.

Николай вышел из машины.

– Ну, что расселась? Выходи! – скомандовал он. – Вот я дом купил...

Элла вышла из машины, огляделась. Перед ней стоял небольшой домик. Старенький, с трещиной на фасаде, вокруг него в зарослях бурьяна торчало несколько хилых деревьев.

Николай открыл висячий замок, и Элле ударил в нос запах давно покинутого жилья.

Она вошла внутрь и увидела разбросанные повсюду домашний хлам, битую посуду и какие-то тряпки. Сквозь мутные стёкла окон едва проглядывало солнце. На полу слой пыли, следы грязи от чьих-то ботинок.

– Нравится? – спросил Николай.

Как всегда, не дожидаясь ответа, он взял удочки и отправился на реку.

Элла только вздохнула и пошла к колодцу за водой...

День пролетел, как будто его и не было. Поздно ночью Элла, как была одетая, свалилась на кровать и уснула.

Утром она открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Очнувшись от сна, Элла встала, налила себе чай из термоса. Выпив его, она решила, во что бы то ни стало закончить сегодня с уборкой. К обеду ей это удалось.

Элла взяла купальник, полотенце, мыло и на негнущихся от усталости ногах побрела к реке. Поодаль Николай снова удил рыбу. На другом берегу компания жарила шашлыки, на мелководье плескались детишки.

Элла отошла дальше по течению реки, где не было людей. Она подумала, что надо бы надеть купальник, но ощущение грязного, усталого тела были настолько неприятными, что она в майке и спортивных брюках плюхнулась в воду. Окунулась несколько раз с головой и вдруг увидела на небе яркое летнее солнце, зелёные кроны деревьев, ощутила под ногами плотное печанное дно, погоняла ладошками маленьких рыбок, плавающих в прозрачной воде.

Прохладная вода освежила Эллу. Подумав, что пора ипереодеться, она вышла на берег за купальником и мылом.

И вновь зашла глубоко в воду, стала раздеваться.

Вначале сняла спортивные брюки, намылила их и ближе к берегу придавила камнем – откисать, то же проделала с майкой и бельём. Зайдя на глубину, чтобы не было видно её ноготы, Элла тщательно вымыла тело и голову. С удовольствием ещё несколько раз окунулась, надела купальник, и чистая и освежившаяся вышла на берег.

Выполоскала и выжала вещи, вновь посмотрела на Николая, занятого рыбалкой и пошла к дому. Приготовив нехитрый ужин, слегка перекусила и с удовольствием растянулась на кровати...

– Вставай, домой пора ехать, – тормошил её за плечо Николай.

Элла открыла глаза и увидела, что уже темнеет.

Пока она собиралась, Николай сложил удочки и ждал её в машине.

Обратная дорога мало отличалась от дороги в деревню. Громко играла музыка, исключая возможность разговора.

Дома Элла снова увидела на кухне гору грязной посуды, которую оставил после себя их сын, – взрослый парень, во всем подражавший отцу, особенно в том, что касалось домашнего хозяйства.

Элла попыталась возмутиться, что не обязана все время убирать за ними. На что Николай ответил:

– Кто на что учился! – И удалился в другую комнату, засел за компьютер.

Элла осталась стоять среди кухонного беспорядка. Она думала о том, что сама виновата в таком отношении к себе мужа и сына. Ведь с первых дней их супружеской жизни она старалась угодить Николаю. Готовила, убирала, наглаживала ему рубашки и брюки. Даже машину мыла. Казалось бы все правильно, по-человечески. А в итоге?

Сначала он радовался такой жене, хвалил. Потом её забота о нём стала привычкой. Иначе, как прислугу, Николай Эллу уже не воспринимал.

Элла открыла кран, чтобы вымыть посуду, но отдёрнула руку. На секунду задумалась и выключила воду.

Она пошла в ванную. Приняла душ и стала руться на полочке косметикой.

«Вот то, что мне нужно», – подумала она.

Элла взяла баночку с кремом и толстым слоем, будто количество крема могло сразу решить проблему омоложения, нанесла его на лицо.

Нашла хлопчатобумажные перчатки. Так же толстым слоем крема намазала руки и надела перчатки.

В спальне сменила халат на пижаму, и удобно устроилась на кровати, прихватив с собою журнал мод.

Через некоторое время из кухни послышался крик Николая.

– Элла, в чем дело? Где ужин? Почему посуду не помыла? Элла, ты где?

«Ты посмотри, какой многословный стал!» – подумала Элла.

Николай вошёл в спальню и замер. Никогда ему не приходилось видеть такого диковинного зрелища. Его жена в белых перчатках листает журнал мод, а лицо измазано толстым слоем какой-то гадости. Он замер с открытым ртом. С минуту длился его ступор, потом он робко спросил:

– Элла, а ужин?

Она подняла глаза от журнала, посмотрела на Николая чуть отстраненно и спокойно сказала:

– В холодильнике всё есть. Надеюсь, ты сумеешь разогреть и положить на тарелку?

И повернулась на бок, продолжая листать журнал.

Николай молча постоял и пошёл на кухню. Через некоторое время он вернулся в спальню.

Элла уже выключила настенное бра и дремала.

Николай лёг с нею рядом и вдруг обнял её, поцеловал в шею. Элла еле сдержалась, чтобы не подскочить от неожиданности.

Таких нежностей мужа она не видела уже лет двадцать.

– Элла, – позвал Николай. – Элла, ты уже спишь?

– Почти, – ответила она.

– Элуня, скажи, ты меня разлюбила? – всё крепче прижимая её к себе, спросил Николай. – Ты прости меня. Я такой эгоистичный дурак.

«Это я все эти годы была покладистой дурой», – подумала Элла и, повернувшись к мужу, ответила на его поцелуй.

Леонид Север

Новое Литературное Объединение
г. Таганрог Ростовской области

*Куплю,
поедем,
подожду...*

Только ты...

Живу в раю, хотя бывает – устаю,
Но тем и счастлив, и иного мне не надо.
Тебя одну благодарю,
Тебя одну боготворю
И рифмы звонкие пою, когда ты рядом.

Твоей улыбки яркий свет манит не угасая!
С тобой я лирик и поэт, а без тебя – прозаик.

С огнём ищу твои: «Нам надо...» и «Хочу...»,
Я даже рядом по тебе всегда скучаю,
Когда ты рада, улыбаюсь,
Улыбаюсь и молчу,
И нежным взглядом всё и сразу обещаю.

Навечно, много лет назад, нас повенчал Всевышний!
С тобой я сказочно богат, а без тебя я нищий.

Бываю вреден и ворчлив невмоготу,
А ты мечтаешь без обид, и безумолку...

Куплю,
поедем,
подожду,

Ну, а захочешь – украду
И новогоднюю звезду с кремлёвской ёлки!
С тобой я вечный хулиган и в том прилюдно каюсь.
Ты – мой пленительный дурман...
Трезветь не собираюсь!

Первые цветы

Рисковый парнишка сбежал с надоевших уроков –
«Об стенку горохом» всё то, что твердил педсовет.
С весенней мечтой,
с необычным волненьем глубоким,
Он мчался домой – пока мамы с сестрёнкою нет.

У младшей сестры много денег звенело в копилке,
И мысли быстры у познавшей нужду бедноты...
Открыта копилка...
«Пусть знает Степанова Нинка!
У всех *валентинки*, а я подарю ей... цветы!»

Цветочный базар золотится пахучей мимозой,
Щемящий азарт веселится в лихом торжестве...
– Нет, нет! Не мимозы.
Мне дайте, пожалуйста, розы!..
На столько монет!?!..
Ну, ладно, давайте хоть две.

«Степанова Нинка! Сегодня увидит, узнает...
Степанова Нинка, хочу я быть рядом с тобой.
И пусть пацаны после школы тебя провожают,
Они хвастуны...
Ты узнаешь, я – самый «крутой»!

Заветный подъезд...
Звук шагов...
На ресницах снежинки...
Во взгляде протест и насмешки скупые огни:
– Прогульщик, привет!
Ты, наверно, идёшь на поминки?..
Ах, это *презент*?.. Необычно... Спасибо. Звони.

Школьный урок

За окном паутинки осенние –
Ночи длинные, а дни коротки...
Скорость ветра и силу течения
Я «ищу» возле школьной доски.

В пункте А вижу встречу вчерашнюю,
В пункте Б – как тебя проводил...
– Ты задание делал домашнее? –
Безнадёжно учитель спросил.

Я язык «проглотил» от волнения,
«Эс – на Тэ...» – глухо выдохнул класс...
Скорость ветра и силу течения
Ты вчера объясняла не раз!

Не учил я заветную формулу,
Только хвастался: «Знаю, смогу!..»
Паутинки за рамой оконною,
Не поможете вы пареньку!

И учитель ещё раз по полочкам
«Эс – на Тэ» для меня «разложил»...
Ты обиделась...
Плачущей полночью
Я учебники дома открыл...

Я нашёл в них простое решение:
Чтобы дружбу с тобой не терять,
Против ветра и против течения
Нужно мне – так и так! – выплывать.

Орловка – родина моя...

посёлку Орловскому

Овеяны славой и ветром
Родные просторы полей...
Люблю я тебя беззаветно,
Опора всей жизни моей! –
Весенних садов многоцветье,
Клин птичий в дали голубой,
А утром,
на самом рассвете,
Росу под босою ногой.
Осенних небес колыханье,
Дым поздних костров – по земле,
И жгучих морозов дыханье
На тёплом домашнем стекле...
А главное –
добрые лица!
Мой милый посёлок, родной,
Отчизны великой частица,
Я сердцем, где б ни был, – с тобой.

*Проза... Проза...Проза...***Вячеслав Зименко**

г. Ростов-на-Дону

Фееричность черешен*рассказы***НЛО**

На левом берегу Дона, где-то в середине пути от мегаполиса Ростова до его города-спутника Батальска лежит озеро «Солёное». Почему оно так называется, я не знаю, – вода в нём пресная. Когда-то здесь был песчаный карьер, и теперь глубина водоема составляет двадцать пять-тридцать метров. Возможно, по этой причине озеро освоила ростовская мафия. Говорят, что спускавшиеся на дно водолазы видели там не одного утопленника, стоящего в тазике с бетоном или привязанного проводом к чему-нибудь железному. Конечно, это не правда, а домыслы людей с богатым воображением. Какие бы цели сплетни не преследовали, но они оказались не в силах отпугнуть народ от отдыха в красивом месте, пользующемся у ростовчан огромной популярностью. Если условно поделить берег на четыре части, то на одной его стороне поселился прекрасный пляж, на второй вырос городок коттеджей ростовской элиты – «сиротские» домики VIP-персон отгорожены от пляжа высоченным бетонным забором и серией шлагбаумов с бдительной охраной. а оставшиеся четвертинки на много километров заросли девственными камышовыми джунглями.

Вот в этом экзотическом месте как-то решила собраться моя учебная группа, спустя тридцать лет после окончания института. Идейным вдохновителем встречи был всеобщий заводила Мишка, которому здесь судьба «нечаянно» подарила кусочек берега в пару гектаров, а заодно и трехэтажную «хижину» из дикого камня, окруженную фруктовым садиком. Хижина, на своем первом (техническом) этаже имела встроенные лодочный, автомобильный гаражи, сауну с бассейном и бильярдную. Маковка строения вишнево сверкала металлической черепичной крышей, а непреступные стены верхних этажей взирали на окружающий пейзаж панорамными (во всю ширину комнат) стеклопакетами. Каменный забор в три человеческих роста гарантировал уединение отдыхающим и полную их изоляцию от остального мира.

Чтобы встрече «однокашников» придать истинно донскую окраску, оргкомитет решил накануне наловить и сварить раков. Благо, в «Соленом» их водилось предостаточно! Наверное, кормовая база для обитателей сумеречных глубин была хорошей, а значит, домыслы о мафии, скорее всего, имели под собой какую-то почву.

В раколовную бригаду вошли трое: я, Мишка и его компаньон по бизнесу – Виктор. Мне, как почетному гостю, тяжелой работы поручать не стали, но,

чтобы не обиделся, занятие придумали. В нужный момент требовалось включить мощный электрический фонарь. Виктор без разговоров сел за весла¹, а обслуживание рачевень взял на себя «хозяин» озера.

Наш загребной поражал своей физической мощью: высокий, кося сажень в плечах, он без устали греб всю ночь и был готов работать еще столько же, если бы это потребовалось. За всю рыбалку мы сделали четыре круга по акватории и «намотали» не менее десятка километров, а «лодочный двигатель» был весел и энергичен. О том, что у него нет ноги, я узнал только утром, когда, переодеваясь, Виктор отстегнул для гигиенической обработки свой протез.

Ещё на берегу мы зарядили рыбой и хлебом три десятка рачевень. Дождавшись, когда пляж опустеет, небо потухнет, дачники уgomонятся, а вечернюю полумглу озарит серебристым ртутным блеском молодая луна, мы отчалили. Поскольку мои компаньоны занимались таким промыслом не в первый раз, то всё шло по заранее установленному порядку. Над нужным местом лодку останавливали, в воду запускали рачевню с подобранной длиной веревки. Шаманскими подергиваниями снасти Мишка мастерски находил «апечек»², привязывал к шнуру и отправлял за борт поплавков из куска пенопласта – снасть установлена! Можно ехать по кругу дальше, ставя и проверяя орудия лова.

Ночь выдалась удивительная! На озере полный штиль. Острым килем, как ножом, лодка режет тугую гладь дремлющей воды. Подняв со дна и освободив от цепкой тины очередную рачевню, выбираем из неё чёрно-зеленых, закованных в панцырь существ и складываем их в глубокий пластиковый таз. Пленники, кажется, не проявляют особого беспокойства, только потрескивают жабрами, будто под их «кольчугой» лопаются сотни воздушных пузырьков.

После прохождения очередного круга причаливаем, перегружаем улов на берег, балуемся кофейком и снова «в бой».

Во второй половине ночи, когда лодка в третий раз добралась до камышовых джунглей, случилось невероятное. В трофейном тазу вдруг поменялись тональность и ритм «музыки». Она стала громче и как-то синхронизировалась, словно у исполнителей «пузырьковой мелодии» появился единый дирижер. Озёрные отшельники как, по команде, встали на выпрямленные, будто деревянные ноги-клешни, поджали веера хвостового оперения под брюхо, и, раскачиваясь из стороны в сторону то умолкали, то дули воздух с новой силой.

– Смотрите! – сдавленно сказал Мишка, – и указал дрожащей рукой на висевший над камышами сигарообразный объект. Расстояние до «сигары» и её примерные размеры было трудно определить, но позже все согласились, что она была огромной. Центральная часть аппарата затемнялась и просматривалась не отчетливо, а концевые его отделы ярко светились желто-оранжевым

---

¹ Необходимо заметить, что лодка у нас была не легкая деревянная, а большая дюралева, предполагающая наличие бензинового двигателя, которого, как раз и не было

² Последние сантиметры ровного дна перед крутым обрывом

светом. Вокруг объекта кольцами сияла ночная радуга. Повисев несколько секунд неподвижно, «сигара» стремительно и беззвучно прыгнула параллельно горизонту километра на полтора-два вправо, мгновенно, «как вкопанная», остановилась, повращалась вокруг своей оси и растворилась в ночи. Наш концертировавший тазик тут же затих.

– Что это было? – глядя друг на друга, спросили мы одновременно. Потом ещё долго, чуть не свернув шеи, мы всматривались в ночное небо, но больше ничего необычного не увидели.

Последний круг по озеру дается нам не так легко, как предыдущий. В бледном предрассветном сумраке клубится и прячет от взоров водное стекло утренний невесомый туман. Несмотря на свежий, молодой и бодрящий ветерок, меня и Мишку убаюкивают тихий всплеск весел и ровный, размеренный стук уключин. Затекли от вынужденной позы спина и шея. Веки налились свинцом. Декорации ночи уже не впечатляют, азарт ловца улетучился, хочется лечь и вытянуть ноги. Кажется, что с весел каплет не вода, а вечность. Каждая клеточка организма просится «баиньки». Вылавливаем последнюю снасть и берем курс на «хижину».

Вместо эпилога нашего рассказа позвольте сообщить, что задумка организаторов встречи удалась. В час икс на столах внушительными алыми пирамидами возвышались, источающие головокружительный укропный запах вареные раки. Гости были в восторге не только от вида блюда, но и от его вкуса. Когда история с НЛО стала предметом застольной беседы, конечно, первый вопрос однокурсников звучал так: «Ребятки, признайтесь честно, сколько же вы «употребили», отправляясь за раками?»

Мишка успешно все превратил в шутку и наше приключение тут же забыли. Говорили «за жизнь», вспоминали институт. Было весело, шумно и интересно. Но следующей ночью «сигара» почему-то приснилась всем без исключения очевидцам загадочного полёта!

Халява

Стоял июнь – месяц, когда магия лета преобразует природу, когда кружится голова от запахов разнотравья, солнечные мелодии звучат в очарованном сознании, а время и пространство становятся пустыми словами.

На берегу полноводной степной реки Маныч расположился небольшой поселок городского типа Мухотопск. Под сенью тишины и тени раскидистых верб сидят двое. Нет, это не влюбленная молодежь, это местные аборигены: дед Фома и поселковый каламбурщик Боря Пиндык. Они пытаются ловить рыбу. Настроение у них прескверное. Во-первых, рыба не ловится, а во-вторых, и это главное, головы раскалываются «после вчерашнего». «Золотого запаса» у забулдыг нет. Была надежда поправить здоровье за счет улова, но с мечтами, похоже, придется расстаться из-за жадности Водяного – совершенно не клюет! Почему планида повернулась к рыбакам своим задним лицом, они не догадываются, – раньше всегда ловили неплохо.

– Парит и суставы выворачивает, – жалуется дед, – быть дождю!

– Поэтому и не клюёт, – делает вывод Боря.

Словно в подтверждение дедовского пророчества, от горизонта, в направлении поселка, громадным монолитом начинает расти и пухнуть черная, лохматая по краям туча. Свободная от тучи часть небосвода и вся поверхность реки тут же окрашиваются в серо-розовый цвет; землю окутывает сиреневый мрак. Продолговатые, с небольшими боковыми ответвлениями светлые облака, контрастно выделяясь на чернильном фоне тучи, кажутся белыми драконоподобными существами с перепончатыми крыльями и узкими телами.

Духота.

Хмурая, похожая на ночь туча ширится и беззвучно давит притихшую землю. Вдруг, в самом «сердце» мрачной гостьи все озаряется желто-зеленым светом. Затем еще и еще! Зарницы следуют одна за другой, сопровождаясь далеким гулом. Кажется, что они мирно беседуют меж собой где-то за горизонтом. Постепенно туча густеет и заполняет все небо. И вот черноту небосвода, совсем близко от рыбаков прорезает сухим огнем первый бело-фиолетовый зигзаг молнии. Воздух взорвался, будто кто-то всемогущий переломил огромное дерево и потащил по булыжной мостовой пустые жестяные баки.

– Пора храбро уносить ноги, – предлагает дед, – а то Илья-пророк вонзит в мягкое место электрическую змейку, – мало не покажется!

Но Боря в это время почему-то начинает интенсивно полоскать и при-тапливать камнями пустой садок, левым глазом внимательно отслеживая приближающуюся к рыбакам бабульку.

– Ну, горе-рыбаки, где же ваша рыба? Как говорится «Рыбаки рыбачили, а рыбы не бачили!» – язвительно интересуется бабуля.

– Почему? – искренне удивляется Боря. – Сегодня грех жаловаться, улов достойный, даже думаем часть рыбы продать!

– Ой, а что же поймали? Небось один ротан?

– Обижаетесь! Есть и судачок, и сазан, и лещ, а деду даже метровый осётр попался, – бессовестно врёт и незаметно подмигивает компаньону Боря.

– Чё, правда, што ли?

– Чистая правда, – авторитетно подтверждает дед, ухмыляясь в бурые от дыма «козых ножек» усы.

– Почём же будете продавать? – не унимается, почуяв халяву, бабка.

– Тащи пару пузырей, и вся рыба твоя, – обещает Боря.

Второго предложения не потребовалось. Словно смерч пронесся по крутой и длинной, уходящей в гору к магазину, лестнице. Бабка обернулась за тридцать секунд, выставила на землю две бутылки самой недорогой водки и без дополнительного приглашения ринулась к заветному садку, на ходу доставая огромный мешок.

Первые капли дождя робко упали на воду, на берег и на вмиг опустевшую алкогольную тару.

– А где же рыба? – недоумевает шустрая покупательница, осматривая вымокшие в садке камни.

Боря перелил в себя из бутылки последние остатки водки, не торопясь занюхал рукавом, подошел к бабуле, взял её за локоток и, показывая рукой, объяснил: «Смотри, в-о-о-он от того бакена и до этого вся река твоя! И вся

рыба в ней тоже твоя! Мы с дедом не возражаем, правда, дед?» Но хитрого деда уже и след простыл.

Грянула буря! Всё закружилось и смешалось. Захлестал ливень. Завизжал ветер. Задрожала земля. В сплошном месиве из потоков воды, молний, шума и водяной пыли невозможно было разобрать, что делает щуплая бабулька с обманувшим её детиной.

Многие жители Мухотопска на следующий день спрашивали друг друга о каких-то странных, нечеловеческих звуках, доносившихся с Маныча в самый разгар ненастья.

Боря Пиндык, после столь «успешной» продажи «улова», бюллетенил целый месяц. Больничный лист ему выписал травматолог.

День рождения

– Не-е-е-т! Что вы делаете?! Со мной так нельзя! Пойдите! Я же ещё жив!

Сидоров с силой оттолкнул чьи-то руки, державшие его за плечи, вскочил, пытаясь выпрыгнуть из гроба, и... проснулся. Его только что хотели похоронить заживо! Холодный пот струйкой стекал между лопаток, руки «бил» тремор, зубы выстукивали морзянку. В мозгу явственно ощущался запах свежеструганных досок «домовины» и сырой могильной земли. Где-то в подсознании еще толпились скорбные люди в чёрном с бесформенными лицами.

Постепенно страшная картинка уплывала и, размываясь, терялась «за горизонтом».

– Это ж надо? – почти проснувшись, возмутился Сидоров. – Приснится же такая хренотень и именно в день рождения.

– Стоп, да у меня же сегодня юбилей! – теперь уже радостно констатировал не состоявшийся покойник.

Яркие всполохи зари растворили за окном остатки ночи, окончательно вернув именинника из холодного царства сна в теплую и добрую реальность, сделали сон совсем не актуальным и даже смешным.

День предстоял хлопотный. На вечер уже приглашены многочисленные гости. Холодильник заполнен деликатесами. Банкет запланирован «на природе» с шашлыком и обильным возлиянием. В качестве «основного блюда» ожидается Лёха, друг детства, а теперь – крупный чиновник областного масштаба, интересный собеседник и прирожденный тамада. Вспомнилось то самое босоное детство и постоянное, большее, чем у термита или саранчи, стремление Лёхи съесть всё на своем пути. Неоднократно он был пойман и бит за непонятные многим поступки. То заберётся в кормушку для коровы и съест её «пайку» дерди, или оставит без наживки своих друзей-рыболовов, «втихоря» уничтожив все тесто и макуху, а однажды «бомбанул» улей своего соседа, разорив и съев вместе с сотами и возмущенными пчелами пару рамок майского меда. Разнообразная диета пошла Лёхе на пользу: теперь Леонид Николаевич выглядел, как известный всем Арнольд, – статный, под два метра ростом, широкоплечий, представительный, с саркастической улыбкой «мэн». Вот только живот! Он явно был не от Шварценеггера, а скорее – от ярого

любителя пива, каковым Лёха и являлся. Но этот «клубок нервов» был даже к месту и придавал солидности.

– Да-а-а, полвека пролетело, как миг, – глядя на свой живот, заключил Сидоров.

– Что же, будем жить! – решил он и весело поскакал в ванную.

Затем он готовил дрова для костра. Именно для костра. Мангал, это для всеядных и не искушенных туристов, а у него должен быть костер. С ямой, кирпичными стенками и непременно на дровах из фруктовых деревьев! Дым от таких дров – это что-то! В нем клубятся терпкость груши и фееричность черешни, нирвана абрикоса и хмельная густота сливы. Только такой дым способен сделать из куска обычной маринованной свинины божественную пищу.

В 18.00 спадающую июльскую жару гости «проводили» в «раю», возле- жа в позах римских патрициев. Луговую траву на берегу пруда примяли и застелили брезентом. Разбросали подушки и накрыли «стол». Живая изгородь высокого камыша обнимала поляну, создавая иллюзию уединения. Мягкий бриз плескался волной о глиняный берег, позвякивая охлаждающимися в воде бутылками.

До первой рюмки за гостями интересно наблюдать. На их лицах цветет сразу целый букет эмоций: и терзающее душу ожидание, и радость встречи с чревоугодием, и умеренная жадность, и напускной снобизм.

Началось! Звучали (как водится) тосты за виновника торжества и его долголетие, за дружбу, любовь и здоровье. Пили за успешных, состоявшихся, выдающихся и просто хороших людей. Восторгались столом, «природой» и не самым плохим качеством жизни.

Когда, точно по теории дедушки Фрейда у присутствующих «Сверх –Я» и «Я» утонули на дне бокалов, уступив свое место «Оно» — начались занимательные эксперименты. Вспомнили рецепт коктейля азовских браконьеров и учинили соревнование «кто больше выпьет чудо-напитка и дольше других продержится на ногах». Выясняли «кому слабо три раза переплыть пруд туда и обратно». Играли в крабов. Это когда взрослые, солидные люди, стоя на четвереньках, пытаются боком «на перегонки» добраться от линии старта до воды.

Лёха, после четырех коктейлей, с грацией беременного пингвина за- чем-то подошел к костру, тупо посмотрел на чуть тлеющие угли и бревном упал, подняв в дремлющую мглу сноп золотистых искр. Ожогов победитель конкурса получить не успел, а только испортил свой шикарный гардероб от Гучи. Пловцов, на заключительном этапе соревнования, дружно спасали от утопления. «Крабы» толкались, сбивая друг друга и смешно падали в пруд. В общем, было весело!

Уже за полночь, когда звездной россыпью заблестело царство сна, и на чернеющий трон ночи взгромоздилась великая тишина, а сил, чтобы есть пить и шевелиться уже не осталось, гостей стали развозить по домам.

Доставка тел прошла удачно, как говорят космонавты и военные: «Все штатно». Праздник удался на славу! Разве только Лёха опять упал, но на этот

раз в кусты колючих роз и стал похож на опухшего дикобраза, да юбиляр Сидоров на утро так и не проснулся. С ним случился обширный инфаркт. Сон оказался «в руку».

Алтайские зарисовки

Президент страны говорил с телеэкрана, показывая рукой вокруг себя, о национальном природном богатстве, о российских «Куршавелях», «Дубайях» и «Пхукетах». О том, что у нас не хуже, чем у них! За его спиной красовался удивительный пейзаж: парящие над кручей вензеля кованного чугунного ограждения, перспектива подвесного пешеходного моста, теряющегося на скалистом острове, а вокруг – горы, сосны и две «глубины» – небо и вода.

Оратор быстро меня убедил – как-то остро захотелось побывать в этой сказке, именуемой горным Алтаем. И вот моя семья уже дремлет в междугороднем автобусе, сквозь ночь мчащем нас в загадочный туристический комплекс «Манжерок»!

«Чуйский тракт» – транспортная артерия Алтая, на которой, если верить экскурсоводам, впервые был изобретен светофор. Случилось это задолго до появления автомобилей. Едет, бывало, по своим неотложным делам алтайский хан и встречает участок, где слева – отвесная скала, а справа – бездонное ущелье. Ширина дороги такая, что двум повозкам никак не разъехаться. Что прикажете делать? Встает хан с саней и топает вперед версты 3-4, пока не закончится «узкость». Кладет на дорогу свою соболью шапку и аллюром назад к своему транспорту. Теперь все встречные, увидев «запретный красный», будут знать – дорога занята и подождут, пока шапку не уберут, т.е. пока «не включится зелёный». Сбегав вперед, встречный путник тоже со значением положит своих соболей или куниц на дорогу. Так «светофор» и работал. В наше время шапку, конечно же, сразу бы «сперли», а мешающую проезду телегу сбросили бы в пропасть, снабдив «на дорожку» идиоматическими сопутствиями. Что поделаешь, раньше были дикие нравы: народ ничего не знал о «мигалках», «спецсигналах» и «специдостоверениях», был темен, не воспитан и не образован!

«Расскажи-ка мне дружок, что такое Манжерок?» Эта просьба из известной песни Эдиты Пьехи стала вторым (после агитации президента) побудительным мотивом к нашей поездке. На древне-алтайском «Манжерок» означает «Сердце большого животного». Озеро с одноименным названием, оказывается, находится не в том месте, куда мы едем. Там сейчас идет стройка, и «нет ничего интересного».

А вот и туристический комплекс. Зависшая на сосне (видимо с лёту врезавшаяся в дерево) современная Баба-Яга, охватившая ствол коленями, встречает автобус плакатом на русском и английском: «В пьяном виде не летай!!!». Почему современная? Судите сами: туфли на высоком каблуке, мини-юбка, яркая «дутая» куртка, маникюр, пластиковая метла. Не понятно, какое отношение эта дама имеет к сердцу большого животного!

Выходим из автобуса и ежимся от холода. По кустам, деревьям и метал-

лическим крышам домиков, лениво перешептываясь, моросит дождь. Не очень радостное начало отдыха! А ведь «на дворе» август! Пахнет речной сыростью, прелью, мокрыми досками и шашлычным дымком, выдающим местоположение местного кафе. В настороженной утренней тишине туристический городок спит. Невольно завидуем тем, кто приехал сюда раньше нас и теперь нежится в теплых постелях. Нам же предстоит нудное оформление в администрации, процедура заселения, завтрак и, несмотря на непогоду, ознакомительное путешествие по окрестностям.

Сонная администратор помогает нам разместиться в бревенчатом, похожем на сказочный теремок, коттедже со странным названием «Грегори». У соседних домиков имена тоже не совсем алтайские: «Актру», «Фрегат» и «Александра». Наспех завтракаем и, вырядившись в дождевики, берегом реки по узкой тропинке движемся в сопровождении экскурсовода к ближайшей достопримечательности – Катуньским порогам. Осторожно переступая через змееподобные корни сосен, прыгая с камня на камень, слушаем древнюю легенду о реке и саму реку.

Шум и вид стремительной воды трудно описать. Это одновременно тяжёлый гул и легкий плеск, умиротворение и скорость, демонстрация мощи, приглашение к испытанию и к созерцанию вечности. Движущаяся вода завораживает, убаюкивает и ворует у нас время: хочется просто стоять, смотреть, слушать и ничего не делать!

На некоторых горных речушках есть пороги, которые можно перейти вброд. Пороги на Катунь – это другое. Здесь перейти на другой берег не получится. Десяток словно специально собранных в одном месте русла скалистых островков тщетно пытаются остановить реку. От этого Катунь злится, яростно пенится, бурлит водоворотами и ворчит. Ускоряясь на стремнинах, обрушивается с высоты каменных перекатов, как пушинки швыряет и кружит лодки любителей рафтинга, возмущенно ревет, заглушая все звуки на сотни метров, и, заполнив атмосферу брызгами, соединяется с водянистым небом, размывая границы реальности.

Права древняя легенда: не смогут остановить сбежавшую царевну посланные в погоню ее отцом – правителем Алтая солдаты. Все они окаменеют, превратившись в острова, а царевна, став рекой, убежит со своим принцем!

Нафотографировавшись и впечатлившись, возвращаемся в коттедж. После обеда запланирована поездка в пещеры. Погода быстро меняется. Словно сжалившись над нами – возвращается лето.

Тавдинские пещеры. У подножья горы начинается крутая и длинная лестница, теряющаяся за облаками и ведущая к входу в подземелье. На уровне первой ступеньки – огромный транспарант с Правилами поведения для туристов. Глядя на этот «опус», понимаешь: чиновник, придумавший «Это», – тупиковая ветвь человечества. Оказывается, в пещерах нельзя рисовать и писать на стенах, распивать спиртные напитки, жечь костры, сорить, бросать вниз камни и плевать. Человек с богатым воображением мог бы продолжить этот список запретов: нельзя «ходить в туалет» на тех, кто еще не поднялся

на вершину, прыгать вниз, отколупывать сталактиты, сталагмиты и т.д. и т.п. Как будто, турист покупал билет и полчаса «работал альпинистом» только ради того, чтобы, забравшись наверх и захлебнувшись от восторга, начать делать все глупости по указанному списку!

Группами, под палящим солнцем, долго поднимаемся на вершину. Некоторым такая физическая нагрузка не под силу, и они останавливаются в пролетах лестницы, чтобы восстановить дыхание и сердцебиение. Небольшая каменная площадка предваряет вход в пещеры. Из темной пасти входа веет холодом и сыростью.

Гуськом входим. Гулким эхом заполняют пространство отразившиеся от стен и сводов, сделавшиеся сразу неразборчивыми, приглушенные голоса людей. Кажется, что это возмущается сам потревоженный Дух пещеры. Бесцеремонно разбуженный, он, потоптавшись и повздыхав, нечленораздельно и зловеще бормоча что-то длинное, уползает в дальние, непроглядные, таинственные лабиринты. Наши шаги гасятся, и, растворяясь в густых сумерках, исчезают в боковых ответвлениях коридора, лишая человека ощущения телесности.

Постепенно коридор сужается. Сначала мы просто наклоняем головы, но наступает момент, когда, чтобы продвинуться дальше, приходится становиться на четвереньки. При касании спиной «потолка», каждой клеточкой организма ощущаются сотни и тысячи тонн монолита, нависающие над хрупким лазом, готовые опуститься в любую минуту и поглотить непрощенных гостей. Где-то в подсознании появляется предательское чувство клаустрофобии, хочется повернуть назад, но обратной дороги нет – проход занят телами туристов, ползущих следом. Наконец коридор ширится, уже можно пройти согнувшись, а потом и в полный рост. Попадаем в огромный зал. Не смотря на электрическое освещение плохо видны его своды. Почему-то подумалось, что под этими сводами обязательно должны висеть вниз головой жуткие гроздя летучих мышей. Но их нет, и только воображаемые фантомы первобытных людей, в доисторический период населявшие пещеру, все еще толпятся вокруг останков большого кострища, зола и копоть которого не подвластны времени.

Несколько десятков шагов и вдруг, за поворотом, сумрак подземелья гигантским мечом откуда-то сверху пронзает ослепительный солнечный луч. Свет наполняет тронный зал подземного царства теплом, высвечивает причудливые узоры доисторических окаменелостей и первобытную красоту породы, играет десятками бликов, отразившись от груды металлических монет, оставленных туристами у «алтаря Духа пещеры». Ожившая вековая пыль безмолвно клубится в луче, золотыми мотыльками порхает по нему вверх и вниз, неожиданно и таинственно исчезает на границе светотени.

Из подземных катакомб потусторонней реальности выбираемся на «свет Божий» по двум параллельным, разделенным тонкой скальной перегородкой, коридорам. Экскурсовод обращает наше внимание на геометрические формы выхода из пещеры – два овальных отверстия и объясняет, что это место

называется ноздрями дракона. Среди туристов тут же находятся остряки, которые, загадочно хихикая, задают вопрос: «А как в таком случае называется противоположное ноздрям отверстие, через которое мы входили в чрево дракона?!» Все смеются.

– Сегодня после обеда по плану экскурсия на остров Патмос, – буднично сообщает гид после нашего возвращения в туркомплекс. Сразу несколько «просвещенных» застывают в недоумении.

– Как Патмос? Мы не ослышались? Ведь он расположен в Эгейском море!

Ещё во времена римского императора Домициана эти пустынные, выжженные солнцем скалы острова были тюрьмой. В его пещерах апостол Иоанн девятнадцать веков назад написал свое Евангелие «Апокалипсис», самую загадочную и таинственную книгу Нового Завета.

– Нет, что вы! – ретировалась гид, – у нас свой, алтайский остров. Он такой же скалистый и на нём тоже есть действующая церковь.

Нагужно преодолевая горные подъемы, автобус медленно ползет вдоль многочисленных придорожных базаров и базарчиков. У россиян принято восторгаться восточными, а в последнее время и юго-восточными базарами, однако алтайский их собрат тоже поражает своим ассортиментом. Здесь вам предложат душистый, вкуснейший горячий «курник» и домашние пироги с разнообразными, самыми невероятными начинками! Длинными рядами выстроились мясо и рыба удивительных рецептов; отварной, белый или цвета топленого масла, присыпанный зеленым укропом, «дымящийся» картофель и, конечно, грибы! Крупные, блюдцеобразные, аппетитные шляпки солёных груздей и рыжиков черепично разложены на широких подносах. В сотнях стеклянных банок и баночек плавают в лаврово-гвоздичном маринаде желто-зеленые кусочки белых грибов, ядреные, с ноготок опята, золотистые моховики и чёрно-фиолетовые козляки, беленькие маслята. Бусами развешены сушеные «белые» и «черные» (подберезовики и подосиновики).

Знаменитые горные меда! Ещё на подступах к медовым рядам чувствуется головокружительный цветочный запах. Мёд повсюду: в банках, баночках, бочках, рамках и флягах. «Чистый» и с добавками кедровых орешков; с семечками и фундуком. Прозрачный, зеленовато-опалесцирующий и темный. Жидкий, с пергой и пчелиными крылышками, засахарившийся и на сотах. «Батарей» пластиковых бутылок с пузырящейся сладкой, резкой и хмельной медовухой, и подозрительно весёлые её продавцы.

Отдельно торгуют кумысом, топленым и сквашенным молоком, твердыми алтайскими сырами.

Невозможно бродить по такому базару и не закупить даже то, чего изначально не собирался покупать!

К конечной точке нашего маршрута автобус не идёт. Нужно пройти пешком через парк с пасущимися на лужайках газелями, овцебыками и пятнистыми оленями. Навстречу туристам часто попадаются молчаливые стайки монахинь в чёрных одеждах.

Вот и монастырское подворье. Слышится иностранная речь. Это туристы из Англии возвращаются с острова и эмоционально делятся впечатлениями от увиденного. Обходим их по выстланной досками дороге, спускаемся куда-то вниз по такой же деревянной лестнице и в изумлении замираем! Здесь обрывается земля, и там, далеко внизу, из необычно густой фишашкового цвета воды вырастают величественные скалистые утесы. Основное русло стремительной, шумной Катуня огибает остров слева, а перед нами, под хрупкой ниткой подвесного моста и справа от Патмоса вода неподвижна, бирюзово-непрозрачна и пугающе бездонна. В этой воде почему-то ничего не отражается! На левом берегу реки, сразу за островом непривычно ровные для Алтая желтоватые, чисто выкошенные луга, а дальше – изумрудные горы.

Отвесно вырастая из воды, островок кажется маленьким и не очень прочным. Укутавшись горными травами, кустарником и единичными деревцами, он ослепительно поблескивает конусообразными цинковыми крышами церковного ансамбля. Традиционных каплевидных золоченых куполов с сияющими крестами на церкви нет, и от этого она воспринимается как-то буднично. «Колонной по одному» с замиранием сердца долго идём по колышущемуся под ногами мосту и входим в бревенчатую обитель.

Русь со времен Крещения являлась ковчегом своих святынь, их хранильницей и усердной защитницей. Здесь, на изначально не православной территории государства, христианство нашло свое место, проросло, впитало местные обычаи, ассимилировало буддистские нравы и теперь привлекает к себе множество паломников, богомольцев и туристов.

От поглотившего нас песнопения церковного хора, запаха ладана и особой ауры службы, от чудотворной иконы, вдруг проступившей на старой доске, кажется, что твой ум, обремененный житейскими заботами, светлеет и делается восприимчивее к тихим веяниям Веры. А убежденные атеисты в таком месте, возможно, впервые задумываются о смысле и скоротечности жизни, о непостижимости и бесконечности Универсума.

Цепочкой, ловя амплитуду качающегося моста, молча возвращаемся на «Большую землю». Внизу, видимо из-за поменявшегося освещения, неподвижная вода стала молочной и укрылась такими же неподвижными с асфальтовым отливом тенями от скал.

Если вам доведется побывать на Алтае, то обязательно посетите Чамальскую ГЭС, где в глубоком каньоне на протяжении многих километров текут, не смешиваясь, воды двух рек – Чамала и Катуня. Там, в реве водопада, вы непременно станете синэстетом, ощутив привкусы звуков и запахи цвета. Отойдя пару сотен метров от плотины, можно напиться из «мертвого» (с высоким содержанием железа) и «живого» (действительно целебного серебряного) источников, над которыми, цепenea от высоты и скорости, народ с визгом летает на многочисленных инженерных «тарзанках».

На обратном пути автобус останавливается у деревянной поселковой столовой, где в стародавние времена Василий Шукшин снимал фильм «Живёт такой парень», а по улицам самостоятельно, неторопливо и нагло, подчеркивая

провинциальность и своё право на эту территорию, ходят разнокалиберные стаи домашних, но уже одичавших свиней.

Короткий отпуск пролетел незаметно, пора домой. Возвращаясь из поездки, мы жалеем о том, что не побывали на озерах: Каракольских, Соленом и Телецком. По рассказам экскурсоводов, каждое из семи Каракольских озер отличается от остальных тем, что, располагаясь на различной высоте над уровнем моря, имеет уникальные климатические характеристики и особый рекреационный пейзаж. Туда можно добраться, только заказав недельную конную экскурсию. Возможно, в следующем году нам это удастся. А может быть, и доведется в дрожащей утренней тишине посидеть на берегу Телецкого, знаменитого своей удивительной рыбалкой!

Поэзия... Поэзия... Поэзия...

Игорь Антонов
ЛТО «Созвучие» г. Ростов-на-Дону

Поэты подлежат участию

***

Сереет за окном
Февральская страница –
Всё те же, день за днём,
Желания и лица.

И те же голоса,
И то же настроенье...
И света полоса
Напоминает тленье,
Где тусклая звезда
Не плачет, не смеётся –
Как мёртвая вода
В заброшенном колодце.

***

Всем страждущим, всем изгнанным из рая
Нет места на измученной земле.
Куда выводит страшная кривая? –
Туда, где бродят призраки во мгле.

А плод запретный был до жути сладок,
Змей-искуситель – откровенно прост...
Прошли века, и рай пришёл в упадок:
Там яблоки на небе вместо звёзд.

Похвальное слово старости

У старости свои права,
Свои законы и понятия. –
Уже негромкие слова,
Увы, не жаркие объятия.

В садах неяркая листва,
И соловьи гораздо строже...
У старости свои права,
Их отменить никто не может.

А старость тем и хороша,
Что не спешит к воротам рая!
И улыбается душа,
Земное счастье принимая.

Тебе одной

Р. А.

I
В разлуке закаляется душа,
И сердце обретает понемногу
Уменье ждать и прогонять тревогу,
Любимым воспоминанием дыша.
И свет её, встречаясь с Божьим светом,
Восходит над притихшею землёй,
Где так легко быть другом и поэтом
И всё, что есть, дарить тебе одной.

II
Я так люблю, когда слова
Звучат негромко и радушно –
Когда желанью послушна
Стихов неброская канва,
Где свет сердечный – потайной,
Соседствуя с небесным светом,
Несёт признание поэта.
Тебе, любимая, одной.

***

Меня согревают – участие людское
И вера, что время уходит не зря;
И гулкая песня морского прибоя,
И шелест листвы, и огонь фонаря.
И свет над распахнутой мудрой страницей,
И россыпи звёзд в безымянной дали...
И та, что сегодня сумеет присниться, –
Обычное чудо любимой земли.

***

Поэты подлежат забвению,
Когда в чистилище ночей
Теряют свет стихотворенья,
Сжигая тысячи свечей...

Поэты подлежат участью,
Когда негромко и светло
С улыбкой говорят о счастье,
Открыв рассветное окно.

Тамара Привалова
Новое Литературное Объединение
г. Таганрог Ростовской области

Родники

эссе

Въехав на бугор, спешила. Избавив Печенега от узды, и сняв с седла кожаное ведёрко с голышами, отпускаю его на все четыре стороны. Конь стоит в раздумье, решая для себя важную задачу, – куда податься. Наконец, он приходит к простому решению: остаться на месте. Но что-то его беспокоит, и он снова переминается с ноги на ногу, легонько пофыркивает, даже толкает меня в плечо, старается обратить на себя моё внимание. Видя, что я не реагирую, наклоняется, и, захватив край ведёрка зубами, слегка встряхивает его.

– Горишь желанием помочь? Спасибо, сама донесу. Тебе там делать нечего. От твоей помощи один вред будет. А если хочешь, чтобы я седло сняла, подожди чуть-чуть, глазки строить не надо.

Снимаю седло. Печенег встряхивается, и, фыркнув, тянет свои губы к моим волосам.

– Ну-ну, давай без телячьих нежностей, – я отталкиваю рукою его морду, – топай куда собрался, но далеко не уходи, чтоб я тебя не искала.

Конь в знак согласия кивает головой, разворачивается, и бойко идёт на другую сторону бугра.

Этот бугор особенный, других таких в округе нет. Я называю его Двудликим. Он негласно делится на две половины. На одной стороне трава высокая, густая, разбавленная цветами до такой степени, что её даже не заготавливают в зиму для скота. Зато по ней охотно бродят козы и овцы, они пропальвают цветы, ювелирно выедавая травку. Эту сторону бугра я называю Радужной. Другая сторона – противоположность первой. Растительность на ней низенькая, чахоточная, повсюду разбросаны пухлые бородавки-кочки, на них растёт противная трава с твёрдыми, узкими листьями, о края которых можно сильно порезать ноги. Этот склон я зову Темницей.

В его подземельях томятся в неволе крохотные роднички, те, что самостоятельно не могут выбраться на божий свет. Я помогаю им. Уже двадцать девять пленников выпущены мною на волю. С каждым разом находить очередного «узника» всё труднее и труднее.

Бугор тщательно маскирует «камеры» их заточения. Вот и сегодня, прежде чем отыскать «несчастливого», мне пришлось обследовать чуть ли не треть склона. Возле бородавки-кочки я заметила сильно увлажнённое пятно земли. Взяв детскую лопаточку, начинаю осторожно снимать тощий дёрн, под которым земля перемешана с жёлтыми камешками, чем-то похожими на

дроблёную древесину. Осторожно разгребая землю, я, к своей радости, замечаю, что начинает обильно сочиться вода. Убрал лишний грунт и камешки, обнаруживаю ключ родника, который, всхлипнув, выбрасывает на поверхность мутный фонтанчик воды. От радости она начинает бурлить, и кажется, что родник кипит. Обозначив начало русла, я достаю из ведра плоские гольши, и аккуратно выкладываю камнями края родничка.

Постепенно он очищается. Вода в нём становится похожей на девичью слезу на заре. На самом дне – лёгкое движение песчинок. Они роятся вокруг ключа, подпрыгивая, рассыпаются вокруг него златом, чтобы уже в следующее мгновение вновь быть поднятыми со дна нетерпеливыми водами. Это – Танец Жизни. Как он прекрасен!

В воздухе раздаётся громкое жужжание. Над родником, словно бомбардировщик, начинает кружиться толстый шмель. Пикирует, и садится на краешек гольша. Подёргивая крылышками, он осторожно подползает к воде и начинает то ли пить, то ли лапки мыть... Ладно, делай что хочешь, только не кусай. Из стебелька травинки я делаю трубочку и, наклоняясь над родником, начинаю пить мягкую, холодную воду. Вкусная! Шмель тоже напился, немного поползав по камешку, натужно взлетел.

Я продолжаю наблюдать за родником. Ему предстоит нелёгкая задача – отыскать дорогу к реке. Пройдя намеченное мною русло, он сталкивается с первой преградой на своём пути – камешком. Уткнулся родничок в него своим носиком и поняв – не сдвинуть! Нечего свои силы растрачивать, лучше обойти его стороной. Не успел обогнуть камень, как снова препятствие, – небольшой плотный пяточок стелящейся травки. Побродил по ней родничок, потыкался во все стороны, словно слепой котёнок, взял, да и свернул в сторону. Не успел обрадоваться, как натолкнулся на кочку. Постучал о неё, видит, та не хочет с места насиженного уходить. «Ну, и стой, где стоишь, нет времени дожидаться.» – Дальше побежал родничок. По пути заполнил собой маленькую выемку в земле, а, перебравшись через её край, спрыгнул прямо на голову своего собрата. От неожиданности тот шархнул в сторону, но спустя мгновение уже радостно обнимал своего нового друга. Ну, теперь я за тебя, новорождённый, спокойна!

В этот день мне удалось вызволить из неволи ещё два родника, один из которых оказался довольно большим. Почему сам не смог выбраться на Божий свет, непонятно. Может, предпочитал отсиживаться в подземелье? Кто его знает... Камни кончились, искать следующего узника смысла нет, да и солнышко припекает.

Поднимаюсь на бугор. Печенег нигде не видеть. Куда же он запропастился? На разнотравье нет, возле перелеска тоже нет. Стоп, кажется, догадываюсь, где он. Ввалив на спину седло, и захватив ведро с уздою, я отправляюсь к своей любимице-иве. Эта роскошная красавица, со стволом необъятного размера, росла возле самой речки. Её основной ствол, на высоте полутора метров, расходится в разные стороны пятью толстыми ветками. Прямо – кисть руки, да и только!

Как я люблю здесь отдыхать! Гамак, кресло, кровать – всё в одном! Только

надо знать, на какую ветку нужно опереться. Длинные тоненькие прутики ивы, словно волосы, свисают до самой земли, касаясь быстрых вод речки.

Так и есть! Печенег под деревом. Прохладно, не надо мух хвостом отгонять, – за него это делает ивушка. Качаются веточки, приятно скользят по бокам, мух отгоняют и доставляют моему другу несказанное удовольствие.

– Я что тебе, лошадь? Почему должна таскать седло вместо тебя? – ворчу я, сбрасывая наземь свою ношу.

Печенег даже ухом не повёл, будто не к нему обратилась.

Забираюсь на ладонь ивы и, выбрав «кресло» устраиваюсь поудобнее. Сижу и балдею. Вдруг, откуда не возьмись, с громким криком на меня спикировала иволга. И тут же, над самой головой взмыла вверх, только для того, чтобы наброситься снова. Господи, да чем же я ей не угодила? От громких криков птицы даже Печенег ожил, смотрит на меня в недоумении, словно спросить хочет: «Чего она к тебе прицепилась? Что натворила, сознавайся!» Ничего я не натворила, сама в недоумении... Того и гляди, в волосы вцепится. С чего бы это она так разошлась. Вдруг, на боковой ветке, рядом с наростом замечаю гнездо. Странно, почему птица раньше на меня не нападала? Может, у неё уже птенцы появились? Интересно, сколько их в гнезде?

Удовлетворять своё любопытство не стала: а то мамашу «кондрашка хватит». Спрыгнув на землю, я пытаюсь оседлать коня. Именно, – пытаюсь. К такому повороту событий он не готов. Пятится от меня, фыркает.

– Да что же это такое!?! – в сердцах выговариваю своему другу. – Совсем обнаглел! Больше никогда тебя рассёдлывать не буду, хоть умри!

Наконец, Печенег нехотя даётся в руки. Затягивая подпругу, я иду на мировую.

– Ладно, везти меня не будешь, рядышком пойду.

А иволга продолжает нас донимать. Уже не только на меня бросается, но и на Печенега.

– Пойдём отсюда, – говорю я коню, – как видишь, нас упорно прогоняют самым наглým образом. Причём, заметь, с нашего законного места. Но мы с тобою порядочные, и связываться с этой хулиганкой не будем. Тем более, что она многодетная мать, а матерей не обижают. Нет, ты только на неё посмотри, совсем распоясалась!

Раздвинув распущенные волосы ивы, мы с Печенегом выходим из-под их сени, а вслед нам продолжают доноситься боевые угрозы возмущённой иволги...

Елена Чудакова (Запатрина)

ЛТО «Логос»

г. Туапсе Краснодарского края

Однажды весной

эссе

Много лет росло во дворе вечнозелёное дерево «Лавр благородный». Много лет подряд его безжалостно спиливали почти под корень, чтобы он не бросал тень на помидоры, огурцы, петрушку. И много лет жизнерадостный лавр, вопреки стараниям людей, выбрасывал молодые побеги с красновато-коричневыми блестящими листьями, которые быстро грубели и приобретали тёмно-зелёный цвет.

И на этот ежегодный процесс обновления лавр-куст расходовал все свои жизненные силы.

В соседнем дворе рос его брат, который уже давно выглядел солидным деревом. Его не касались пила и топор.

Однажды весной первые лучи тёплого солнышка разбудили землю, и лавр-куст по обыкновению помахал молодыми побегами лавру-дереву: «Доброе утро, брат!» И вдруг заметил, что с тем произошло нечто удивительное. Весь он, от макушки до нижних ветвей, был осыпан миниатюрными звёздочками. Нежные золотистые цветки превратили обычное дерево в сказочное. Оно встречало утро в счастливом оцепенении. Прилетела сойка, покачалась на ветке, пококотничала, красуясь ярким оперением. Заметила звёздочки-цветы, закрутила головкой: «Диво, диво!»

А лавр-куст тяжело вздохнул и впервые загрустил. Все силы его уходили на то, чтобы восстанавливать утраченные ветви.

И потому он не мог цвести...

Песня зимнего города

эссе

Январский город был уныл и наг. Дома смотрели на грязную улицу угрюмо: ничто на ней не радовало. И в окнах-глазах домов не ликовало солнце. Люди шли по мокрому асфальту осторожно, и на лицах их лежал отпечаток забот будничного дня. Дня, в котором было много суеты и мало света. Гудели и фырчали машины.

Вдруг в обычные звуки вплелся звук посторонний, знакомый, но полузабытый, обещавший какое-то чудо. Унылому городу был брошен вызов. Отрицающая будничность, серость и грязь, по улице неторопливо трусила лошадь. Нет, в самом этом факте не было чуда. Здесь иногда пробегали лошади,

проезжали повозки. Но эта была не такая, как все: на упряжи красовалась звезда. Седло утопало в пышной рамке из искусственных цветов, которые были с любовью подобраны. Вились разноцветные атласные ленты. Пели, заливались колокольчики...

И всё изменилось. Как будто на обыкновенную площадь пришла сияющая огнями пахучая ёлка. Как будто в позднем декабре распустилась вишня.

Лошадь стала центром улицы. Возница-чудак восседал на козлах, как король. Он знал, что нужно пасмурному городу: немного любви и мечты.

– У-у-у! – угрожающе зарычали и зашипели машины. – Мы созданы, чтобы уничтожить тебя!

– Динь-динь, – струились звуками колокольчики. – Мы – пестрые ленты, мы – яркие розы, мы – весёлые колокольчики. Вы – жалкая проза дня. Мы не боимся вас...

Неторопливая лошадь теснила машины, рассекала надвое улицу, город, мир.

Витрины магазинов оживились скольльзящим отражением цветочных гирлянд. Изменились лица людей. Заботы дня толкались уже на задворках сознания. День стал светлее.

И вот диковинная повозка исчезла в суете улицы. Осиротели витрины. Сомкнулись в плотный ряд машины. Но лица людей оставались мечтательными...

Там, впереди, ещё лилась, ещё летела незатейливая песня бубенцов...

Тамара Иванченко

ЛТО «Логос»

г. Туапсе Краснодарского края

Удачная рыбалка

рассказ

Рыбалка сегодня заладилась на славу. Шурка то и дело таскал из воды рыбёшку. Только насадит червя, забросит удочку, а рыбка уже тут как тут – клюёт. Рыбы он наловил, хоть и мелкой, зато много. Штук двадцать плескалось в воде на кукуане.

Удочка, сделанная из ветки раkitника, была легкая и гибкая. Сплошное удовольствие ею рыбачить. Один поплавок чего стоил. Шурка сделал его сам. В чулане среди хлама нашел пробку, которой когда-то закрывали бутылку с самогоном. В эту пробку вставил белое куриное перо. Вот и вся премудрость. Поплавок хорошо видно на ряби воды, – когда клевала рыба, он дрожал или качался из стороны в сторону. Тут уже зевать нельзя. Чуть замешкаешься, – считай, рыбу проворонил. А если пёрышко потонет или поплывет в сторону, нужно немедленно дергать удочку, – подсечь рыбу. И тогда она уже точно будет на крючке.

Шурка был очень доволен собой. Такой удачной рыбалки у него давно не было. Сегодня он проснулся, когда за окном было ещё совсем темно. Ему приснился сон, будто плывёт он широкой полноводной и незнакомой рекой, а не по деревенской узкой и мелкой речке Холоднушке. Гребёт, изнемогая от усталости. Его пугает холодная, чёрная и бездонная глубина. Руки и ноги уже ооченели от холода, совсем не слушаются, и Шурка уже начинает тонуть... Он судорожно пытается за что-нибудь ухватиться, но на поверхности реки нет ничего, что могло бы спасти его. Ужас сковал всё тело, и он из последних сил заорал: «Мамака-а-а...» От своего же громкого крика Шурка проснулся. Увидев вокруг знакомую обстановку, он с облегчением вздохнул и снова закрыл глаза. Была ещё ночь, и все в доме спали, а рядом с ним на печке, всхлипывая во сне, спал брат Витька. Шурка с закрытыми глазами пошарил рукой в поисках одеяла, чтобы укрыть замерзшее тело. Но рука постоянно натывалась на что-то холодное и мокрое. Он искал тёплое и сухое местечко, но бесполезно. Всё вокруг было мокрым и противно липким. Спать расхотелось. Окончательно сбивый с толку, он размышлял, почему страшная река из сна перебралась на печку. Сон смешался с явью. Голова спросонок плохо соображала. Наверное, Витька написал, догадался Шурка, но почему так много? А Витька по-прежнему безмятежно спал в этой липкой жиже, не подзревая о переживаниях брата. Так и не разгадав причины потопа, Шурка тихонько позвал: «Мамака-а-а».

Мать сразу проснулась, будто и не спала вовсе.

– Что, Шура?

– На печке мокро, Витька, наверное, описался.

– Ну, подвинься на сухое, – зевая, проговорила мать, поворачиваясь на другой бок и скрипя пружинами кровати.

– Мамак, так он много написал, тут нет сухого места.

– Господи Иисусе Христе, да что же ужо у вас тама случилось? – запричитала мать, нехотя поднимаясь с кровати. Вдруг её как ветром подхватило.

– Вот окаянные, вот ироды! Да что же это деется-то, Господи? Цельную флягу бражки вылили на печку. Кто крантик-то открыл? – бурчала мать, снимая с печки пустую флягу, которая стояла у Витьки в ногах.

– Я не знаю, мамак, наверное, Витька во сне ногой зацепился.

– Ногой зацепился... Заквасила, называется, брагу... Ужо вот проснётесь утром, я вам обоим дам по задницам и не буду разбираться, кто зацепился. Намедни с мужиком договорилась, придёт дрова колоть. Чем таперича буду расплачиваться с ним? Вот окаянные... Ремня на вас нету....

Ворча, мать перестилала сухую постель на печке. Она перекатила спящего Витьку на сухое место и накрыла сыновей своим одеялом.

– Мамака, а ты чем будешь укрываться? – виновато-заботливо спросил Шурка.

– Какой там сон, – уже миролюбиво ответила мать, – пойду корову доить, скоро ужо будет светать.

Мать ушла, а Шурка лежал на печи, переворачиваясь с боку на бок. Сна не было. Да и обещанного утреннего наказания не хотелось дожидаться. И он решил идти на рыбалку. На рассвете самый клев. Да заодно и мамку рыбкой задобрить. Она давно просила наловить рыбы на уху. Он тихонько слез с печки, в сенях взял рыболовные снасти и, незаметно проскочив мимо хлева, где мать доила корову, огородами побежал на речку Холоднушку. У Шурки было своё любимое место – перекат, мелководье. Здесь вода хорошо прогревалась и всегда водилась рыба.

Над рекой клубился густой туман. На противоположном берегу деревья и кусты едва угадывались в темноте. И только на востоке небо становилось всё светлее и светлее.

Было по-утреннему прохладно, к тому же штаны по колено вымокли в росе и теперь липли к ногам холодными, противными жабами. По телу пробежала дрожь. Но Шурка старался не обращать на это внимания, радуясь тому, что место ещё было не занято другими рыбаками. Это уже было хорошим началом.

Он деловито разложил снасти и тут только вспомнил, что не накопал червей. «Такое хорошее начало и такой плохой конец», – подумал Шурка. Он ругал себя за поспешность, с которой убежал из дома. Что делать на рыбалке без червей? Настроение испортилось. Рыбачить без червей было невозможно, но домой идти не хотелось, – вдруг мамака и вправду отлупит за загубленную брагу. И тут он вспомнил: иногда рыбаки оставляли в тени под кустом оставшихся червей в консервной банке. Он стал заглядывать под все ближайшие кусты: а вдруг повезет? Разгребая влажную от росы траву,

он ждал, что вот сейчас блеснёт жестяным боком заветная баночка. И чудо произошло. Он нашёл банку с хорошими червями.

Настроение поднялось. Шурка забубонил под нос песню, нанизал червя на крючок, плюнул на него. Так делают заядлые рыбаки, чтобы клевало. Забросил удочку и, не отрываясь, смотрел на изобретённый им поплавок, который медленно покачивался из стороны в сторону.

Между тем, солнечные лучи уже начали пробиваться между ветвей деревьев, сверкая в капельках росы на траве и листьях. Яркими бликами они вспыхивали на поверхности воды, ослепляя и веселя Шурку. Он был очень доволен сегодняшним днём и даже забыл, что почти не спал ночью и что ушел из дома, не позавтракав. Он забыл про холод и мокрые штаны. С появлением солнца, рыбалка стала совсем замечательной. Иногда рыба играла на поверхности воды, выпрыгивая и шлёпаясь в воду, вздымала фонтанчики брызг. То там, то здесь на водной глади появлялись ровные, будто очерченные циркулем, круги. Клёв был так хорош, что Шурка даже вспотел. Червей в банке становилось всё меньше, а кукан с рыбой всё тяжелее. Рыбалка складывалась очень удачно. Он представлял себе, как его похвалит мамака за такой улов. А какая уха будет вкусная!

Солнце поднималось всё выше. Штаны уже давно высохли, а вот голодный желудок всё сильнее напоминал о себе. Шурка изрядно проголодался, хотел пить. Он пожалел, что не взял хотя бы кусочек хлеба и бутылку воды.

Становилось всё жарче, и рыба ловилась уже хуже. Он смотрел на куриное пёрышко, которое чуть-чуть колыхалось на зяби и медленно двигалось вниз по течению. За движущимся по воде поплавком вниз по течению шёл и Шурка. И довольно далеко ушёл от прежнего места. Так хотелось поймать ещё хоть немного!

Но вот клёв совсем прекратился. Он вытащил из воды крючок с нетронутым червем, смотал удочку и пошел к оставленному им кукану.

Шурка устал, «нажарился» на солнце, но испытывал огромное удовлетворение. Он бодро шагал к кукану, представляя, как мамака сварит пахучую, наваристую уху. Запах этой ухи уже щекотал ноздри, когда перед ним предстало ужасающее зрелище. Руки и ноги стали каменными. Удочка выпала из рук. Он не мог вымолвить ни слова, язык словно прилип к небу. Одним словом, Шурка остолбенел. Его широко открытые глаза ничего не видели вокруг, кроме одного существа. Это был – огромный, откормленный рыжий кот местного священника, отца Феодора.

Этот рыжий нахальный кот сидел на кукане и доедал последнего пескаря. И тут Шурку прорвало:

– Ах, ты скотина! Ах, ты антихрист! Чтоб тебя черти съели на том свете, чтоб тебя телега переехала!.. Ах, ты змей жирный, ненасытная утроба, чтоб тебя...

Шурка задыхался от злости, слова застревали у него в горле, вырываясь наружу отдельными фразами:

– Поповское ...! Нечисть проклятая! Зверюга!..

От досады он пнул кота ногой. Тот зашипел и оскалил зубы. Шурка снова хотел ударить кота, но тот прыгнул на занесенную над ним ногу, вцепился

в неё когтями и при этом пронзительно заверещал дурным голосом. Шурка выл от боли, тряс ногой, пытаясь скинуть с неё «разбойника», но тот будто приклеился. Наконец кот, отпрыгнул в сторону.

Шурка поднял с земли кукан, на котором болталось несколько обглоданных рыбных голов. Он широко размахнулся и швырнул кукан далеко в речку. Его тело, как подстреленное, упало на песок. Он лежал и плакал, размазывая по щекам слёзы вперемешку с песком и грязью. Всё его худенькое и маленькое тело содрогалось от рыданий. Он плакал, а кот сидел недалеко – довольный и сытый. Наплакавшись, Шурка вытер руками мокрые щёки и сердито посмотрел на кота, который с довольным видом облизывал свою лоснящуюся рыжую шерсть. И вдруг кот замурлыкал, подошёл и стал ласково тереться об Шуркины ноги, заглядывая в глаза и как бы спрашивая: «Ну чего ты сердиться?» И подставлял голову под Шуркину руку, предлагая погладить себя. То с одной стороны зайдет, то с другой...

– Вот пройдоха! – наконец-то выговорил Шурка, широко улыбнувшись.

Шерсть у кота была пушистая, мягкая и под Шуркиными пальцами скользила, как шелк.

В деревню они шли вдвоем – голодный Шурка и сытый кот.

А в воскресенье мамака пришла из церкви со службы и принесла Шурке сахарного петуха на палочке.

– Это тебе батюшка Феодор передал гостинец...

**Татьяна
Константиности-Морозова**
ЛТО «Логос»
г. Туапсе Краснодарского края

Что за чудо!..

Маме

В день рождения милой маме
Я в подарок подарю
Все ромашки на поляне
И весеннюю зарю,

Серебристых звезд сиянье,
Солнца лучик золотой...
Все, что есть,
Всё – милой маме,
Самой нежной и родной!

Светлячок

Что за чудо светлячок –
Маленький лесной жучок!
Он в моём саду летает,
Словно звёздочка сверкает...

Я поймала эту крошку,
Посадила на ладошку:
– Ты гори, мой светлячок,
Мне совсем не жарко!

Весёлая считалка

Раз, два, три, четыре, пять –
Научился я считать!
Цифры все на свете знаю,
Всех теперь пересчитаю:
И овечек на лугу,
И лошадок на бегу,
Все ромашки на поляне,
Всех дельфинов в океане...

Раз, два, три, четыре, пять...
Очень весело считать!
Научу своей считалке
Всех, кто хочет, – мне не жалко!

Татьяна Сечищева
ТО «Союз писателей Дона»
г. Ростов-на-Дону

Сила любви

сказка

Погода стояла ясная и солнечная. Птицы весело щебетали, и в саду расцветали вишни.

Молодой шустрый Воробей очень любил летать над клумбами, вдыхать чудесный цветочный аромат, и, раскачиваясь на ветках деревьев, слушать пение соловьев. Сам он петь не умел, но слушать любил. Он вообще больше помалкивал и чирикал лишь изредка, по делу.

Однажды, он, как всегда, прилетел в сад и присел отдохнуть на веточку вишневого дерева. Недалеко от себя он заметил нежно-розовую Вишенку, которая, как ему показалось, совсем не была похожа на других. Воробей глянул на Вишенку и сразу в неё влюбился. Он стал прилетать в сад по нескольку раз в день и всегда садился на веточку недалеко от своей Вишенки и любовался ею.

Как-то раз, чтобы сделать Вишенке приятное, он попросил Соловья спеть для своей любимой. Соловей пел, а Вишенка не отводила влюблённых глаз от Воробья. Никто и никогда в жизни не был так внимателен к ней. Воробей не знал, что его обыкновенное чириканье Вишенке было намного приятнее слушать, чем залиvistые трели Соловья.

Когда шёл дождь или падал град, что тоже иногда случалось, Воробей садился на ветку рядом с Вишенкой и закрывал её от холодных капель и ударов градин своими крылышками. Многие вишни не выдерживали сильных порывов ветра и падали на землю. И только одной Вишенке эти удары были не страшны, – её охраняла сила любви.

И вот однажды Воробей проснулся среди ночи от страшного предчувствия. Тревога не давала ему уснуть. Он полетел на знакомую ветку и увидел, что к его Вишенке ползёт огромный и страшный червяк. Ползёт и облизывается в предвкушении вкусного завтрака, а Вишенка испугано трепещет на ветру не в силах изменить свою судьбу. Воробей тут же слетел с ветки и склевал страшного червяка. Вишенка благодарно ему улыбнулась и покачала яркой головкой.

Время шло...

Приближалась осень. На дереве уже давно не было ни одной вишни, и только наша героиня всё ещё качалась на своей веточке, а рядом всегда сидел Воробей.

– Почему она так долго не падает? – удивлялось румяное Яблоко с соседней яблони.

– Потому что её любят, потому что она знает, что кому-то очень нужна, и кому-то без неё будет очень плохо, – ответила с другого дерева Груша.

Но однажды налетел такой сильный ветер, что оторвал Вишенку от ветки, бросил её на землю, и она разбилась. Воробей не смог её спасти и горько плакал, сидя на любимой веточке...

А следующей весной на том месте, куда упала Вишенка, появился маленький росток, он очень быстро рос, и вскоре в саду стояла молодая раскидистая Вишня. И Воробей никогда не покидал ветвей молодого дерева. Но теперь уже Вишня защищала сидящего Воробья от дождя и града, дарила ему прохладу в знойный жаркий день, и в тихом шелесте листвы Воробью слышалась дивная песня любви. Он был самым счастливым Воробьём на свете, потому что снова был со своей любимой Вишенкой...

Конкурс!

Начиная с №2 (15) редколлегия альманаха «Дон и Кубань» объявляет еженемерный конкурс для молодых авторов (до 35 лет). Победители конкурса получают право бесплатной публикации в текущем номере.

Светлана Супрунова
член Союза писателей России
г. Калининград

Я пока осталась...

народии

Умереть послезавтра

*И всё-таки в борьбе за Слово
Не важно, как я назовусь,
Но важно, что воскресну снова
И воскресну с собою Русь.*

...

*Не умру ни сегодня, ни завтра, –
Ещё долго я буду любить.*

(Иван Переверзин)

Не умру ни сегодня, ни завтра –
Календарной страничкой шурушу.
Я, пожалуй, умру послезавтра,
Только, эти стихи допишу.

Умереть мне нисколько не страшно,
Ну, подумаешь, жил среди людей!
Слёзы, сопли – всё это не важно,
Что воскресну – вот это важней.

Как положено, шапки снимите,
Помяните меня среди берёз.
Называйте меня, как хотите,
Можно ласково: Ваня Христос.

Дай Бог

*Дай бог не вляпаться во власть
И не геройствовать подложно,
И быть богатым, – но не красть,
Конечно, если так возможно.*

(Евгений Евтушенко)

Дай Бог не обижать жену,
Прощенья всем, кого обидел;
И, если что-то умыкну,
Дай Бог, чтоб кто-то не увидел.

Дай Бог судье на лапу дать
И верить: всё в суде уладят,
И дальше книги издавать –
Конечно, если не посадят.

Дай Бог, чтоб срок был небольшой
И впрок тюремная котлета;
Чтоб быть поэтом, – но с душой,
Достойной звания поэта.

Злая мобила

*Зима. Что делать мне в вагоне? Я встречаю
Проводника, несущего мне чаю,
Словами: «Мы опаздываем? нет?
И не найдётся ль свеженьких газет,
Чтоб, в новостях пошарив хорошенько,
Узнать, что стало с Юлей Тимошенко,
Не взорван ли иракцами Багдад
И что в Москве – дожди иль снегопад?..»
(Николай Перяеслов)*

*Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
(Александр Пушкин)*

Зима. Что делать мне на даче? Я скучаю,
Друзьям мобильными звонками докупаю:
Цела ль Москва? проснулся ли Мадрид?
Что Абрамович нынче? – ходит иль сидит?
Всё значимее тут я задаю вопросы:
Как Тимошенко Юля? не остригла ль косы?
А Вова Путин? в будущем году
Займётся ли он танцами на льду?
И почему моя фальшивит лира?
Где вы, певцы любви, свободы, мира?..!
И тут мобила начала басить:
«Кончай, дружок, под классиков косить!..»

Об ударении и рифмовании

*Возратившись в избу с мезонином,
С пристанью и замёрзшей рекой,*

*Стану спирт рифмовать с магазином,
А гранёный стакан – с полыньёй.
(Игорь Тюленев)*

Отдышался я в кои-то веки,
Вот вернулся домой и пою
О замёрзшей за рощицей реке,
С опустевшей зимой пристанью.

Я к мышленью пространному склонен
И с ударными звуками лих,
Я с избою рифмую мезонин,
Со славой – ненаписанный стих,

Чей-то трепетный взгляд – с пуповиной,
И с колхозницей – тяжкий молот,
Дядьку в Киеве – с этой бузиной,
Что в моём огороде растёт.

Пью ночами от нервов микстуру...
Поглобальнее надобно брать:
Нашу родную литературу
Да с собою бы зарифмовать!

Начитавшись классиков

*Я бы мог, наверно, жить иначе.
Будто лёд, кремнистый путь блестит.
Не жалею, не зову, не плачу –
И звезда с звездой говорит.*

(Лев Котюков)

Выхожу один я на дорогу –
Пишется неплохо при луне...
Допишусь до книги понемногу.
Дай же, Джим, на счастье лапу мне!

Вроде бы зима, а – дождь и слякоть,
Прячу шею в тёплое кашне.
Ох, февраль!.. Достать чернил и – плакать,
Вспомнив Гюльчатай и Шаганэ.

Молния ударила, сверкая,
Но её в стихах не восхваляю.
Я люблю грозу в начале мая,
А зимой, поверьте, не люблю.

А ещё, друзья, люблю культуру,
Только книг приличных не достать.
То-то и печатают халтуру,
Что умом Россию не понять.

Превосходство

*Когда, раздвинув остриём поленья,
Наружу выйдет лезвие огня,
И наваждение стихосложенья
Издали накатит на меня...
Я вспоминаю лепет Пастернака.*

(Сергей Гандлевский)

Когда свой томик трепетно беру
И с ним ложусь в тенёк под куст малины,
То вспоминаю всякую муру –
Сюсюканье Цветаевой Марины.

Когда автограф с важностью даю
И еду на побывку в Комарово,
То вспоминаю, как галиматью,
Сухое бормотанье Льва Толстого.

Когда на свадьбе через тёмный сад
До ветру будем бегать мы, слабея,
То мы поймём, что пили суррогат...
И вспомним стих Гандлевского Сергея.

Неожиданность

*Благодаря гашишу
Я всё прекрасно вижу:
И Дельвига во фраке, и Гоголя в плаще,
И Царскую деревню,
И Анну-свет-Андревну,
И маленьких каких-то, бесцветных вообще.*

(Виктор Брюховецкий)

Как накурюсь гашишу,
Такое, братцы, вижу! –
Вон Кушнер в панталонах и в чепчике Эсхил,
Мережка без корсета...
На поприще поэта
Державин, в камилавке², меня благословил.

А книг моих-то – тыщи,
И не тома – томищи!
Ни критики, ни бури мне не страшны теперь.

Иду уже смелее,
Передо мной, в ливрее,
Сам Александр Сергеич распахивает дверь.

Наутро я в тревоге:
Стою в трусах, без тоги,
И со шприцом подходит какой-то изувер.
Где фраки и манишки? –
Всё странные людишки,
И вывеска огромная: «Наркодиспансер»...

Русская чаша

*Чаша русская горя полна,
А иудушки усмеваются:
Не добитая ложью страна
«Демократами» чингисханится!*
(Владимир Скворцов)

Ой, России любимой хана,
Небо выцвело, даль туманится!
Не добитая ложью страна
То гайдарится, то зюганится.

Мир в агонии перед концом,
И на Марье Иван не женится,
А поэзия, с бледным лицом,
Всё-то пыжится, евушенится.

Чаша наша полна чепухи,
И слова тяжелее становятся,
Если даже такие стихи
Пародистами супруновятся.

Вдохновлённый весной

*Расцеловал бы первого встречного!
В рожу бы плюнул! а всё зачем? –
Чтобы припомнить лицо, а нечего:
Что-то такое на букву «эм».*
(Олег Чухонцев)

Вот и весна, соловьи за стенкою,
Не усидеть за столом уже.
Этого встречного – да коленкою
Пнуть бы под что-то на букву «же»!

Я ароматом сражён и красками,
Эта брюнетка, как дама трэф...

Врезать бы ей, засветить под глазками
Что-то такое на букву «эф»!

Долы родные, речушка узкая, –
Радостно мне по земле идти.
Сила ты, силушка, удаль русская!
Кто попадётся мне на пути?

Плюнуть бы нынче в любого встречного!
Дальше, в словесной кружа пурге,
Зарифмовать бы чего – а нечего! –
Что-то такое на букву «ге».

Провидица

*Лет через двести, максимум – через триста
Мир на Земле изменится несказанно:
Переведутся лётчики, машинисты,
Звёзды уйдут на небо с телеэкранов.
(Вероника Сенькина)*

Я подсчитала: через триста лет
Не будет ни тарелок, ни стаканов,
Маразм рекламы, ну, и прочий бред
Исчезнут навсегда с телеэкранов.

Колдуньи, маги улетят во мрак,
Как будто ввысь, но главное не это –
От «Дома-2» и Ксении Собчак
Вот отдохнёт уставшая планета!

Сквозь дырку в шаре вытечет вода,
И росы испарятся, и туманы.
Поэтов бестолковая орда
Переведётся, словно тараканы.

О, времена великие грядут! –
Земля по тишине истосковалась.
Но, если пародисты не уйдут,
То это значит – я пока осталась.

---

¹ из стихотворения. Н. А. Некрасова

² Головной убор священника

Симон Нерсисян

член Союза российских писателей
г. Туапсе Краснодарского края

Цвет моих воспоминаний (Перевод с армянского Георгия Кубатьяна)

***

Что утрачу я, если утрачу тебя?
– Так, безделку, любовь...
Что утрачу я, если утрачу любовь?
– Так, безделицу, веру...
Что утрачу я, если и веру утрачу?
– Кое-что посушественней: жизнь...
Ну, а если и – жизнь?
– Потеряешь навеки меня.

***

Ты появилась передо мной,
Словно жар-птица...
Фата-морганюю неземной
Сердце томится.
Стиснуто сердце, точно в тисках, –
Больше нет мочи!
Жаль, что виденье коротко, как
Летние ночи...

***

Только горечь в душе и тревога:
Я от сказок устал и от грёз.
Лишь покоя прошу я у Бога. –
Точка. Хватит. Исчерпан вопрос.

Свет (уж это – наверное!) клином
На тебе не сойдётся, и всё ж
Ни хандрой, ни печалью, ни сплином,
Ни любовью меня не тревожь.

Словно ветер дудел на свирели,
Ты играла на струнах моих –
Слабых, сильных... Они отсырели.
Ты уже не сыграешь на них.

***

Да, я временами люблю тебя так,
Что ты не желаешь, как вражьих атак,
Признаний моих откровенных!

Но как языку прикажу я молчать,
Как сердце заставлю потише стучать
И кровь как застопорю в венах?..

Письма

1
Сегодня получил письмо я,
твоё письмо из бездны лет, –
немногословное, прямое
и ласковое, словно свет.

Ты пишешь то, чего изустно
веки б не произнесла, –
что школьные твои безумства
любовь иная унесла.

Но наше детство, нашу юность
не позабудешь ты. А мне
так сладко, так легко взгрустнулось
с письмом твоим наедине...

2
В письме от мамы различаю
слезу, прервавшую строку,
и многократное «скучаю»,
а в нём и горечь, и тоску.

Там сказано уже вначале
и сызнава повторено
о том, как я ей снюсь ночами,
но это, мол, немудрено.

О том, как перелётной стае
она наказывала вслед,
чтоб, надо мною пролетая,
передавала мне привет.

О том, что деревцо, которым
я любовался, подросло

и дышит волей и простором,
как богатырь, поправший зло.

«Запомни, сын, – внушает мама, –
чего б вдали ты не достиг,
нет горше и чернее срама,
чем позабыть родной язык!»

Я повертел конверт, знакомым
пером подписанный, и вновь
почувствовал, как горло комом
перехватила мне любовь...

3

Мой тихий свет, моя родная,
не плачь, не надо, – я здоров.
Я сам пока ещё не знаю,
когда вернусь под отчий кров.

Но, с детства памятный до боли,
будь радость или же беда,
твой голос летом ли, зимой ли
живёт в душе моей всегда.

Ты не одна, ты не в пустыне,
кругом соседи и родня. –
Моё отсутствие прости мне,
не плачь и не кори меня.

Коль скоро не тебе, кому же
смогу поведать я о том,
что неудач петля всё туже
на горле сходится моём?

Любимая не захотела
понять меня и, холодна,
совсем ушла... Такое дело.
Ты, мама, у меня одна.

***

Город детства моего,
каменная песня храмин. –
В памяти родней всего
Отчий дом и голос мамин.

Я стою перед тобой,
видя, словно на экране,
неизбывно-голубой
цвет моих воспоминаний.

Ты начало всех начал
и бесценное наследство!
Мою душу по ночам
ты баюкал, город детства...

Уз исконных не крушу,
нам с тобой не разминуться,
и по свету я кружу,
чтобы вновь к тебе вернуться.

***

Заблудился я нынче в полночь.
Приходите, звёзды, на помощь –
вашим светом, светлым вдвойне,
начертайте дорогу мне.

Мне хотелось бы среди созвездий
стать звездой и быть с вами вместе
и мерцать, и мерцать, как вы,
над землею из синевы...

***

Детства сказочная лошадка,
мне живётся ни валко ни шатко,
мне тебя бы, лошадка, вернуть
и с тобой до мечты доскакнуть, –
долететь до Карса, до Вана,
до родимого Еревана,
прогуляться с тобой на пару
по тифлисскому Авлабару,
где наш дом был, и, как с причала,
жизнь оттуда начать сначала...
Но, конёк, постарайся не дать
моей боли тебя взнуздать.

***

Молилась бабушка Тирун:
– Моих детей и внуков, Боже,
всех близких и всех дальних тоже
храни от нечисти и зла,
чтоб не в слезах их жизнь текла, –

храни их всех твоя десница,
а я тебе раба-должница.

Молилась бабушка Тирун:
– О всеблагой и всемогущий,
пусть всякий на земле живущий,
кто юн и здоров, кто стар и сир,
не знает бойни – знает мир;
храни армян твоя десница,
а я тебе раба-должница.

Молилась бабушка Тирун:
– Дай, Господи, мне напоследок
увидеть Карс не так, так эдак,
а мне не дашь – родимый край
хоть правнукам увидеть дай,
храни мой край твоя десница.

Молилась бабушка Тирун,
Молилась бабушка Тирун...

***

Слышите, горы, вас я зову
с верою неистребимой?
Знаете сами, кем я живу. –
Нет ли вестей от любимой?

Долгим был путь скитальческий мой,
это расскажешь не скоро.
Блудный ваш сын вернулся домой –
сына порадуйте, горы!

Секрет жизни

(Перевод с армянского Анаит Татевосян)

Самозабвенно ветер лижет травы,
Кусты тюльпанов поглощает жадно
И с чёрным сердцем на безумных крыльях
Безжалостно стучит в моё окно...
Он жизни мне секрет принёс в подарок?
Под окнами моими аист – ранен,
И кровь течёт по белоснежным крыльям,
И из застывших глаз уходит свет.
И окликает он меня печально:
Птенцов пропавших ты не видел, нет?..

Людмила Малюкова
 член Союза писателей России
 г. Таганрог Ростовской области

О времени и о себе

*Критические заметки о книге Елены Джичоевой
 «Вспоминать и жить». Ростов-на-Дону. 2011 г.*

Эта книга очень откровенная и своевременная. В нее вошли очерки воспоминаний о 60-х годах минувшего века, уже опубликованные когда-то, и те, что были написаны в более позднее время, еще не знакомые читателю, и потому с полным правом можно сказать: «Она о времени и о себе». Впрочем, то, что «переносилось» в новую книгу, корректировалось и передумывалось заново в процессе течения жизни. С первых страниц чувствуется, что память всю эту пору не остывающим «углем» жгла автора. Ведь речь идет зачастую о личностях очень известных, с которыми Елене Джичоевой приходилось встречаться, вести любопытные разговоры, подключаться к их замыслам и творческим планам. Среди них – А. Солженицын, В. Шукшин, К. Воробьев, В. Семин, П. Шестаков, Г. Колесников, Н. Султан-Гирей. Есть писатели менее известные широкому читателю, или это просто люди, случайно встретившиеся и заинтересовавшие своей судьбой, сквозь которую подчас реминисцируют знакомые магические имена (например, писателя-эмигранта Бориса Зайцева), или автор, перечитывая классику, вновь встречается с ее героями, включая их в современную среду и размышляя над участью. Словом, Е. Джичоева постоянно находится в поле притяжения своих «персонажей». Через них она передает ритмы времени, его своеобразный бег. Ее объектив останавливается на личностях неординарных, на которых лежит свет вдохновения (очерк о великольном поэте и человеке Д. Долинском так и называется: «Человек-праздник»), а еще на тех, для кого пушкинский девиз: «Самостоянье человека – залог величия его».

Заметим также, что книга полемична уже по своему названию: «Вспоминать и жить» – вопреки тем, кто живет по принципу: «Надо жить, не надо вспоминать». Для нее память – своего рода аналог живой воды, требующий постоянного участия. Один из персонажей, написав в 93 года воспоминания, вдруг замечает: «Мне стало неинтересно жить, почти не осталось людей, с которыми у меня были общие воспоминания». А поэт Д. Долинский, на полках которого сохранились книги от встреч с Р. Ивневым, Б. Окуджавой, С. Наровчатовым, Е. Рейном, скажет: «Воспоминания – это то, без чего жить нельзя. Надо из них извлекать уроки, которые дает жизнь».

Но что запомнилось в очерках Е. Джичоевой, и какие уроки извлекли ее герои из прошлого, оставив нам «память» от своих многотрудных судеб?

Впечатляют портреты, яркие, выразительные, нередко психологические. У каждого из них свой приоритет: у Н.М. Султан-Гирей – «родовая аристократичность», позволяющая вести себя «естественно в любой ситуации», Г. Колесникова – «торжество духа победившего», П. Амадуни – великолепная манера рассказчика, которая переходит в его книги так, что и «в них ты чувствуешь его голос и интонации, так счастливо и полно воплотившиеся в слове». Или портрет В. Шукшина, «схваченный» на съемках фильма «Они сражались за Родину»: «Он работал каждую минуту: если не снимался, то пристроившись на бревне или стуле, писал, если не снимался, не

писал, а похаживал, все равно работал: такое сосредоточенное лицо было у него». И еще подмечено: «Он был разным, как и его герои, которые несли что-то от автора: лукавство, подвох, хитрецу и мудрость». Где-то на этой «волне» автор улавливает истоки не только открытого В. Шукшиным оригинального типа – «чудика», не похожего на других и стремящегося выйти за границы обыденного, но и той беспокойной мысли, которая постоянно тревожила писателя: снять фильм о трагедии большого художника, осознанной, как следствие самой страшной в мире платы – благодарностью. В итоге: «И хотел бы дать себе волю сказать в полный голос, что думает, да платить надо, уже не свободен».

Вероятно, традиционная проблема о свободе выбора художника, которая никогда не уходит с поля зрения нашей критики, «осевая» и для Е. Джичоевой. В книге ей уделено особое место, потому как идея: «истину может «глаголить» только свободный человек», лейтмотивом проходит через сознание и многих ее «персонажей». На вопрос: «Какую существенную мысль вынесли вы из жизни?» В. Семин, писатель «стойческой» судьбы, ответил: «Человек не имеет права забывать, что на всех поворотах истории свобода выбора, а, следовательно, и ответственность – за ним». Чувствуется, что автору книги особенно импонируют характеры сильные: В. Семин, Г. Колесников,

К. Воробьев, с которым разворачивается целый эпистолярный роман: полемичный и элегически безнадежный, но такой захватывающий, покоряющий своей открытостью и внутренним благородством. А. Солженицын... С ним у Е. Джичоевой связаны «живые» страницы легендарного Дона. Жизнь и учеба писателя в университете, посещение им памятных мест далекой юности, и особенно последнее выступление в Публичной библиотеке Ростова-на-Дону, оставившем жгучий след в памяти, потому как в своих речах нобелевский лауреат говорил о том, что и сегодня весьма тревожит нас: о школе, переживающей тяжелый кризис, об истинном направлении народной жизни, растущей только «снизу» и «никогда не определяющейся государственными властями», об утрате и возрождении культурных ценностей и о многом другом насущном и тревожном. Примечательно, что при этом акцентировано внимание и на «впечатлении» аудитории от выступления: на многих – «ошеломляющее», даже с «оттенком испуга». Но таков был «выбор писателя»: говорить истину и «жить не по лжи», чего бы это ему не стоило. В этом отношении для Е. Джичоевой критика – понятие нравственное. И дело не только в самом «содержании», но и в поступке как таковом. Когда четырнадцатилетняя девочка выносит в газете «Вечерний Ростов» свой подсудный вердикт великому писателю, для автора естественно возникает вопрос: «Имеет ли право девочка, которой внушили обличать человека, несоизмеримого с ней ни по жизненному, ни по нравственному опыту»? Ответ заложен в самой постановке вопроса, который звучит как приговор не только безответственности тем, кто стоит за этой девочкой, но и преступлению перед новыми поколениями. Между тем, у «права выбора» есть свой «итог», утвержденный «по праву» той ценности, что остается людям. У А. Солженицына – главное: остался его «титанический труд», книги, которые не уходят из памяти, и его слова – истинного гражданина своей страны: «Россию жалко... Зачем-то надо, чтобы ей не перешибли хребет».

В книге очень сильна философская направленность. Как правило, она обращена к современности, в то время, как беседы автором могли вестись три-четыре десятилетия назад, и речь – идти о писателях-классиках. Но в том-то и дело, что в этой беседе классика, переводимая с латинского как «совершенство», живет нашими днями. Характерен в этом отношении диалог о Гоголе с П. Шестаковым, написавшем весьма неординарное исследование о трагическом провидении художника, в результате сведшем его в могилу. А ведь мог не писать и не говорить об открывшемся ему грядущем России, прожить жизнь безбедно и спокойно. Но не смог, оттого и

мучился страшно. А то, что открылось Гоголю, не могло не сжигать, не терзать его душу: в русском человеке, которого он так любил, обнажились в преобладающем качестве такие «темные и ужасные» стороны, что обрекали Россию на грандиозные исторические несчастья. Эта тяжкая мысль в диалоге приобрела дальнейшее развитие. Оправдалось ли столь злое открытие классика? Ответ бескомпромиссен и довольно жесток. Сквозь мрачную призму беспощадных катаклизмов XX века эти качества национального менталитета постоянно рвались незатухающими протуберанцами. И когда в 1917 году гоголевские герои, которых будто бы «похоронили» с отменой крепостного права, вдруг оказались вновь «на коне», знаменитая тройка «помчала» на многие десятилетия по необозримым просторам России в светлое будущее всех этих «маниловых-ноздревых-хлестаковых». И сегодня эти «сатанинские силы» живы и стремительно рвутся вперед. Иначе, чем иным можно объяснить, например, доверчивость «одураченных» всевозможными акционерными обществами российских граждан, как не обладанием «качествами чисто гоголевских героев»? Разве не «маниловщина» полагать, что стоит только собрать деньги, вложить их в банк и далее посыплется изобилие»? Но принять такие рассуждения за итоговые и поставить на этом точку, значит подвести черту под «безысходностью». Для «персонажей» Е. Джичоевой такая «реприза» несвойственна, как, впрочем, и ей самой. В своих колоритных «эссе» она ориентирует более всего на размышление. И вопрос, обращенный к П. Шестакову о генетической предопределенности России и о том, так ли все «по-гоголевски мрачно», получает в результате универсальное обоснование: «Хотелось бы не быть мрачным пророком, и видеть светлое, честное и разумное, но трудно сказать насколько тут причина генетическая, а сколько – результат огромных потерь лучших людей в войнах, репрессиях или отъездах за границу...» Неопровержим факт: «Россия находится сегодня в большой беде». Но есть и надежда: «нужны огромные усилия, чтобы эту беду осмыслить и преодолеть», и если этого не понять, «ничего хорошего не будет». Каждому «думающему» человеку такой вердикт понятен: мрачно-то, конечно, однако жива и возможность рассеять пелену нависающего мрака и в этом должно быть и «мое участие».

Одна из особенностей аналитического «мира» Е. Джичоевой: найти связующие звенья минувшего и настоящего с тем, чтобы в их «крепках» определить нечто неизменное и исторически закономерное. Казалось бы, что общего у английского писателя Голсуорси с его «Сагой» и нашим временем? Но вот выносятся на «суд» его философское обобщение: «А в сущности никакой век не бывает новым. В человеческой природе, как бы ни менялось обличье, есть и всегда будет очень много от Форсайта». Далее эта «мысль» волей автора включается в современный контекст, «проверяется ритмом» нашей эпохи и оказывается: да все те же и в наше время олигархи, позволяющие себе от случая к случаю проявлять благотворительность, как и Форсайты, поскольку «филантропия для них средство заполнения досуга», или вытесняющие с рынка истинную литературу «псевдокультурой», потому как на нее есть колоссальный спрос, и она имеет «прибыльный сбыт» и т.д. В результате таких аналитических экскурсов начинаешь понимать: все содержание книги подчинено единой, жизненно важной идее: вывести «красоту из-под хаоса» и тем самым спасти ее. Но напрасно мы будем искать назидательный ответ: как сделать. Важно, что все мысли и действия «персонажей» Е. Джичоевой сориентированы на это. Разве не говорит о достоинстве «поступков» «несговорчивость» В. Семина, А. Солженицына или К. Воробьева с идеологическими монстрами своего времени? Разве не является сама их судьба образцом стоицизма во имя истины, рвущейся «из-под хаоса»?

Но книга Е. Джичоевой не только о несгорающих философских истинах. Каждая эпоха живет не только ими. Есть у нее своя эстетика, этика, свой особый, «уникальный» быт. В этом «Жить и вспоминать» – своего рода летопись 60-80-х годов. Из нее

можно узнать, что «серебряное платье» Пат, героини только что открытого советскому читателю Ремарка, было мечтой незамысловатых модниц, и «достать» ее становилось признаком удачи и счастливого везения, что «малая площадь» коммуналок сближала людей духовных интересов, что хорошим тоном считалось повесить на видном месте портрет Хемингуэя и ценилось хорошее «слово» и т.д. Узнать можно и о сегодняшней боли: о том, что в наше время «число заменило слово», а слово «высокое» и вовсе исчезло из обихода, как и русская традиция «карнавализации», о том, что нельзя жить только «в сюжетах логики», что в наш меркантильный век «расщепления атома» любовь – это своего рода «партнерство», забыли, как «любят, мучаются, как завоевывают женщину» (куда-то безнадежно исчезло фетовское все сжигающее: «Там человек сгорел!»). И все-таки истинный свет, как правило, пробивается на страницы книги. Она о любви, о «романах» необычных, где встречи могут и не состояться, но оставить глубокий ножевой след на сердце, внезапно перевернуть всю оставшуюся жизнь. И здесь бунинский универсализм становится тем мощным катализатором, который приводит в движение все капилляры человеческой души. «Он жил с обостренным чувством любви, потому его героям чуждо счастливое завершение любовной коллизии, для них смерть предпочтительнее пошлости будничного существования» – это сказано автором книги о Бунине и его персонажах. Очевидно, что такая «напряженность» чувств выше «всякой мысли». Е. Джичоева «допускает» огромный «нажим» на «демонизм» препятствий в судьбе бунинских героев, оставляя их перед тайной переживаний, разрывает всякие временные границы, выходя к поэтической традиции: «Любви все возрасты покорны». В таком контексте приведенное утверждение И. Бунина: «Неужели вы не знаете, что и в 17 и в 70 любят одинаково?» звучит как философская мудрость великого классика серебряного века.

Через весь текст Е. Джичоевой под знаком «великой земной любви» проходят имена более и менее известные и безымянные. В его орбиту включаются от героя Хемингуэя, обречённого полковника Колдуэлла, рвущегося на последнее свидание, и кумира кинематографа 60-х годов Жерара Филипа до неизвестной женщины в новелле Барбюса «Нежность», посылающей письма юному возлюбленному и через 20 лет после своей смерти. Образ «странной женщины», следующий «велению сердца» и порою «жертвующий собой», возникает как вечный монумент времен и эпох. Однако все имеет свой конец, и когда он приходит, рождается бесстрастное элегическое резюме: «Любовь есть любовь, а радость есть радость. Но всё замирает, когда золотая рыбка умирает». И дело, пожалуй, не только в «конце» как таковом – всё изменяется, вносит свои коррективы в процессе движения. Автор книги очень чутко улавливает динамизм жизни, диктующий свои бытийные законы на каждом её этапе. Как, например у Бунина: «Любовь прекрасна, но со временем она уже не представляется «самоцелью», она, словно довесок к чему-то большему». И это «большее» – творчество, в котором возникает желание закрепить приход в этот мир словом. Осознание неумолимого ухода рождает элегическую грусть в человека, оставление своего следа, даже на подсознательном уровне, вселяет некую надежду продолжения жизни. Для творческой личности это тем острее, что живет она с открывшимся ей откровением: «Обыкновенная жизнь редко идет об руку с эстетикой». А потому ей даровано некое право «на высокую праздность», как у Рильке, положившего розу к ногам нищей женщины. Но наше время жестоко и беспощадно: «Нет Рильке, и нет розы». И мчимся мы по жизни, не замечая вокруг. Остановись, человек, подумай о себе и других, о том, что мог «протянуть руку помощи», но не заметил, прошел мимо. Примечательно, что такой «призыв» прозвучал в свое время у большого писателя земли русской В. Астафьева в его «Затесях», а ещё ранее – А. Ремизова в «Слове о погибели земли русской».

... Спешите делать добро – и об этом светлая книга Елены Джичоевой.

Мемориал

Владимир Моложавенко
г. Ростов-на-Дону

Родился в станице Морозовская Ростовской области. Участник Великой Отечественной войны. Был членом КПСС (с 1945). Окончил Московский полиграфический институт и аспирантуру при нем. Работал в газетах: «Морозовский большевик», «Большевицкая смена», «Молот», «Вечерний Ростов» (до 1966), был директором издательства «Молот» (1966 – 1970). Член СП СССР (1973). Награжден орденом «Партизанская звезда» (ЧССР), медалью «За боевые заслуги». Ему присуждены премии газет «Литературная Россия», «Известия», «Сельская жизнь».

26 апреля 2012 года член Ростовского регионального отделения Союза писателей России Моложавенко Владимир Семёнович скончался. Отдавая дань памяти писателя, редколлегия альманаха «Дон и Кубань» публикует главу из его книги «Гремучий Маныч».

А был ли клад Батыя?

Когда зацветают пески...

Весна на Маныче стремительная, дружная. Прольют дожди, пригреет солнце, и уберется сразу бурая, унылая степь разнотравьем, да так буйно, что шагу нельзя ступить, чтобы не растоптать хрупкий и яркий цветок. Вся степь усеяна в эту пору пурпурными огоньками маков, белыми звездочками буйнуза, золотистыми кружочками крестовников, лиловым цветом малькольмий. Спешат, торопятся они – пока еще не так нещадно палит солнце, пока есть еще в песках влага, нужно успеть отцвести, дать плоды... И тюльпаны, дикий лук и чеснок тоже торопятся – побольше хотят запасти себе питания, чтобы все лето спокойно спать глубоко в песке. Коротка жизнь цветов, как быстротечна и сама весна в этих краях.

Не так уж часто выпадают летом дожди в Манычской долине. Но уж коль случится холодное и влажное лето, то будешь удивляться неведомой силе, которая помогает обыкновенной травке вымахать на невиданную высоту и так закуситься, что сразу и не поймешь: трава перед тобой или карликовое дерево. И соцветия непривычные – один ярус над другим.

Пригревает все сильнее солнце, и вянет, скореживается волшебное разнотравье. Но уже легли в песок бесчисленные семена. Десять месяцев ждать им новой весны.

А есть в степи и такие растения, что не сдаются горячему солнцу и только

делают вид, что отцвели, а сами затаились, чего-то ждут. Например, песчаная осока. Цветочки у нее мелкие, невзрачные. Не в них красота этого растения – в живучести. Высох стебель, скукожились листья. Высохли, но не погибли: отмирает у осоки не весь лист, а только его верхушка. Пролет на исходе осени скупой дождик, и лист будто по волшебству расправится, зазеленеет. Ударят осенью ранние холода – листочки опять сложатся, к стебельку прижмутся, и долго-долго еще чудесная эта маленькая травка будет стоять, не замечая ни снега, ни наледи, как «сено на корню», давая овцам корм. И – ждать случая, чтобы снова прорасти. Известно, что пять и шесть лет может пролежать сухое, выкопанное из земли корневище песчаной осоки (ее называют еще «илак»), а посади его в землю да полей – прорастет и зазеленеет.

Есть в здешних краях и еще одна «хитрая» трава – селин.

Подует с Каспия «астраханец», понесет по степи курай и перекасти-поле, выдует песок и из-под корневищ селина, а трава ляжет поперек барханов, и ей хоть бы что. Корни оголены, а она не вянет, не сохнет. Весь секрет, оказывается, в том, что когда растут у селина корни, то сразу же одеваются как бы чехлом из цементированных песчинок. Похоже это на мини-трубопровод для корней. Далеко во все стороны расплзаются «упакованные» корешки.

Бывает, принесет откуда-нибудь ветер семечко с селинового куста с пушистой остью на конце. словно на парашюте, опустится оно в голую ложбинку, защищенную от ветра, и прорастет, даст чуть заметный стебелек, а в почве уже успеют вырасти несколько цепких корешков. И тогда зацветают пески... Чем богаче их травянистый покров, тем заметнее и жизнь в степи.

Летом 1973 года под Манычем чаще обычного проливались дожди, и это сказалось не только на растительном покрове. Зоологи и охотоведы обнаружили в окрестных степях несколько новых крупных стад сайгаков, численность каждого из них достигала семидесяти тысяч голов. Так много сайгаков было зарегистрировано впервые.

Я прогостил у чабана Микитенко в этот приезд почти неделю, и каждый день – утром и вечером – видел, как проносились мимо кошар огромные стада степных антилоп – сайгаков. Жара окутывала землю уже на рассвете, и, хотя степь была совершенно сухой, с восходом солнца она начинала «паровать». Даже сухая полынь стояла поникшей, казалось, тронешь – рассыплется. В мглистой дымке показывалось вдруг необозримое сайгачье стадо. Не успеешь оглянуться, а оно уже промелькнуло и пылит где-то вдали. Ничего удивительного в этом не было: сайгаки передвигались иной раз быстрее, чем автомашина. И направление знали верно, не блуждали в поисках озер и лиманов. Даже опытные чабаны иной раз гонят отару к водопою, ориентируясь по сайгачьим следам: они безошибочно приведут куда нужно.

Встреча с белым сайгаком

Однажды сайгаки прошли совсем мимо нас, и я увидел, что бежали они легко, красиво, и чувствовалось, что даже в самую жару у них много сил в запасе. Верблюда считают рекордсменом мира по способности обходиться без воды – он способен не пить до двух недель. Сайгаку без воды долго не обойтись – хорошо, что его выручают ноги.

Самцы – покрупнее, с небольшими, слегка изогнутыми лирообразно и очень острыми рогами; самки – помельче, без рожек. А морда ужасно потешная – какая-

то горбатая, и нос раздут словно после насморка, на конце – вытянутое наподобие короткого хоботка рыльце. Такая не совсем обычная носовая полость – своего рода защитное приспособление для дыхания при быстром беге по пыльным степям. Ведь сайгак способен развивать скорость до семидесяти, а то и восьмидесяти километров в час и может долго бежать с этой скоростью. Окрашены животные тоже необычно – в рыжевато-палевый цвет, а брюхо и грудь почти белые.

Однажды мы видели, впрочем, совершенно белого сайгака. Микитенко рассказал мне, что белые сайгаки считаются у степняков священными. Когда-то, в давние времена, белый сайгак будто бы спас от гибели войско князя Ногая, и с той поры никто никогда не стрелял в этих животных. По ногайскому преданию, тот, кто поднимет руку на белого сайгака, сам станет жертвой.

Но предание – преданием, а единственным недругом сайгаков испокон веков был все-таки человек. Даже волк, прежде чем решиться преследовать стадо сайгаков, сначала убедится, нет ли в нем слабых, престарелых животных. Иначе гоняться за ними бесполезно. А у человека в руках – огнестрельное оружие. Потому-то много веков подряд и были степные антилопы объектом охотничьего промысла. И добывали их не столько ради мяса, сколько ради рогов, ценившихся очень высоко, – их продавали как лекарственное сырье в страны Востока. Пара рогов сайгака приравнивалась по стоимости к хорошей лошади.

Двести лет назад русский путешественник-натуралист Иван Иванович Лепехин, побывавший в этих краях, записал в своем дневнике так:

«Самое приятное зрелище представляли нашим глазам сайгаки, или дикие козы, которые неисчислимыми табунами прибегали к морским проранам для утоления жажды...»

Через пятьдесят лет географ А. Левшин отмечал, что стада сайгаков «весьма многочисленны и простираются иногда до десятка тысяч голов...»

А через сто лет все кончилось. Сайгака уничтожили. Животные эти раньше встречались от Карпат до калмыцких и астраханских степей, вокруг северного Каспия, Аральского моря, Балхаша... В 20 – 30-х годах нашего столетия сайгаки сохранялись лишь в самых недоступных, в самых отдаленных местах пустынь. Их оставалось едва ли несколько сотен голов. Вот почему оставшееся поголовье было взято под охрану государства. Охота на сайгаков была полностью запрещена, и стада степных антилоп начали постепенно увеличиваться. Произошло то, что в зарубежной прессе потом назвали русским чудом.

В 1958 – 1961 годах ученые произвели учет сайгаков с самолетов и примерно определили их численность и ареал. Оказалось, что стада нашей антилопы, которая уже была внесена в списки вымирающих животных, вновь занимают почти прежние пространства степей и пустынь. Сайгаков стало полтора миллиона. По представлению ученых, правительство разрешило ограниченный промысел сайгаков. И теперь мы ежегодно добываем их в пределах до 200 тысяч. Сайгаки дают много диетического мяса, ценное кожевенное сырье для высококачественного хрома, их рога используются для приготовления лекарственных препаратов. Промысел и спортивную охоту ведут специальные бригады снайперов и наиболее опытные охотники: отстреливают только выбракованных животных.

Некоторые зоологи и экономисты полагают, что разведение сайгаков в степных и полупустынных районах может стать одной из самых рациональных и экономически выгодных форм эксплуатации этих земель. Ведь неприхотливые сайгаки пасутся на самых незавидных с точки зрения животноводства пастби-

цах. И притом никогда не портят их, как это делают овцы и коровы. Кочуя по степи, сайгаки кормятся буквально на ходу, срывая травы «выборочно», и это не угрожает опустошению пастбищ. А стадо их иной раз насчитывает до двухсот тысяч голов! Даже северные олени не образуют таких колоссальных стад, как сайгаки. И это несметное количество животных ухитряется прокормиться скудным пайком сухих степей и полупустынь*.

По триста-четыреста километров проходят ежедневно сайгачьи стада. А в тяжелые многоснежные годы, случается, и больше. Летом – в клубах пыли, при сорокаградусной жаре. Зимой – в лютые холода, при снежных буранах. Вот когда выручает сайгаков их нелепый нос – он, как респиратор: сразу и увлажнитель для воздуха, и грелка...

И вот что еще любопытно. Неведомый пока ученым «биологический барометр» очень точно предупреждает сайгаков – этих современников мамонта – о приближении снежных буранов, и стада их незамедлительно совершают «марш-бросок» иногда на многие сотни километров, форсируя и Маныч, и мелкие степные реки, добираясь до самых предгорий Кавказа. В последние годы эти зимние передвижения степных антилоп взяли под контроль воздушные патрули охотоведов.

Птичьи острова и соляные гроты

От чабана Микитенко мне приходилось много слышать о повадках этих удивительных животных. Сайгак-одиночка, например, в степи почти беззащитен – он чувствует себя уверенно и в безопасности лишь в стаде, в «коллективе». Тысячи звериных глаз скорее заметят опасность. Они всегда настороже. В стаде, оказывается, есть и свои «дозорные», они по очереди несут по краям стада сторожевую службу, пока их собратья отдыхают, спят. Проходит какое-то время, и «караул» меняется.

Не однажды приходилось видеть Микитенко ослепших сайгаков. Они не хуже здоровых уходили от опасности, ориентируясь по запахам степи, по топоту копыт своих сородичей. Старые охотники даже говорят, что к стаду, в котором есть слепой сайгак, труднее подойти незамеченным и волку, и человеку. Такого сайгака не проведешь...

В самом начале зимы у сайгаков начинается брачный период. Самцы в это время становятся крайне неуживчивыми, и многотысячные стада распадаются на мелкие табунки. В каждом из таких маленьких стад, как правило, один рогач-предводитель и от трех до тридцати самок. Разбредаются они тогда по всей степи, и целый месяц вожак не знает ни минуты покоя – бдительно пасет своих подопечных, не позволяя им сходиться с чужими табунками. Встречи самцов чаще всего кончаются кровавыми схватками, и победитель старается отогнать к своему табунку чужих самок. А на исходе зимы старые рогачи утрачивают свой боевой пыл, начинают сторониться молодняка и даже образуют нечто вроде «холостяцких групп», отделяясь от него. Молодые сайгачата рождаются чаще всего двойнями. Через неделю уже начинают пощипывать траву, но матери еще очень долго подкармливают их молоком (оно, кстати, вдвое жирнее коровьего).

---

* Лето 1975 года в калмыцких степях было особенно засушливым, и естественных кормов для сайгаков оказалось очень мало. Началась массовая миграция многотысячных сайгачьих стад на Дон и Кубань. В Элисте на несколько часов было приостановлено движение транспорта – через город шли на юг сайгаки.

Еще не успев встать как следует на ноги, сайгачата приобщаются к непрестанному и великому кочевью своих родителей...

Наука давно доказала, что нельзя сохранить ни один вид зверей, не сохранив его исконного местообитания. Так было возрождено стадо сайгаков. А ведь когда-то на Маныче жили еще и зубры, и туры, и благородные олени, лоси, косули, кабаны, бобры... Снова и снова вспоминал я встречу с охотоведами Манычского заказника, их сетования на то, что в Российской Федерации нет пока заповедника, призванного сохранить неповторимый генетический фонд степной фауны и флоры, и что можно бы создать такой заповедник на границе Ростовской области и Калмыкии, где сохранились пока массивы целинной степи.

Озеро Маныч-Гудило бывает полноводным лишь ранней весной и поздней осенью. Все лиманы, заливчики, островки на нем в эту пору похожи на птичье царство. В предзимье тут самый настоящий птичий базар: перед дальним перелетом в Африку устраиваются на дневку пернатые путешественники. А весной тоже им лучшего места для привала не найти; и неделями, случается, живут птицы, ожидая, пока повеет с севера талым снегом и можно будет отправляться в дорогу. А лебеди-шипуны, кряквы, лысухи, белые цапли, серый гусь – те остаются и зимовать на озере.

Островки на Маныче – исконно целинные, на иные и нога человека, наверное, не ступала – туда попросту не доберешься. За тридевять земель от больших городов и селений, посреди непроходимых болот никто не потревожит, не побеспокоит птицу – ни человек, ни зверь. Есть свой островок у пеликанов, есть утиные острова, гусиные, белых цапель... Я давно слышал про бабу-птицу и озеро в ее честь в низовьях Маныча видел, но самого пеликана (это его прозвище) разглядел только здесь.

Ни с какой другой птицей – дикой и домашней – не схож пеликан. Гусь не гусь, индюк не индюк – вроде огромной копны, особенно когда расправит крылья. А крылья эти – метровые, зато ноги – коротышки, и ходит вперевалочку. Все и сходство с уткой или гусем, что лапы перепончатые. Клюв больше головы, и под ним что-то вроде мешка или фартука, а глазки маленькие-маленькие. Не подумайте, что он на воде такой же неуклюжий! Плавает и ныряет, как заядлый спортсмен. Нырнет, поймает рыбешку – и давай ее полоскать, только брызги летят во все стороны, не станет глотать, пока от ила не отмоет...

Удивительное это озеро, Маныч-Гудило. Вода в нем то зелено-синяя, то молочно-зеленая, а у глинистых берегов, словно подкрашенный жемчуг, – бледно-кофейная. И – дышит, переливается вся, живет... Зачерпни горсть, и на ладони затрепыхается несколько рачков, наподобие тех, что живут только в морской воде.

Когда начинает дуть «астраханец», воды в лиманах почти не остается. В Птиченском лимане и в озере Довсун сплошь обнажается соляное дно – можно черпать соль ведром, мешком. Именно в такую пору и видел я, как «гуляет» в манычском русле вода, то исчезая, то появляясь снова, пугая птиц загадочным своим гулом, – помните, как рассказывал об этом в своих дневниках Сахаров? Ощущение такое, что будто бы начинают звонить подземные колокола. Идешь по сухому дну, оглянешься, а тебя позади вода догоняет. Впереди тоже мерещится неисчерпаемое море воды, и даже берегов в дымке испарений не видно. А подойдешь ближе – окажется тоже сухое дно. Мираж...

Северные берега озера – крутые, высокие (метров до двадцати), и, когда разби-

ваются о них волны, рождается шум прибоя, который многократно отражается от изломов берега. Что же касается подземных пучин, куда «скрывается» поток, то их тоже немало, и Микитенко не однажды предупреждал меня: ходи по соленому насту осторожно, не то провалишься. Правда, не такие уж они бездонные, эти коварные «ловушки». Зато балки, которые упираются в лиман, очень крутые и узкие, и так они заросли, спутались старым кустарником, что заберешься на самое дно и едва-едва видно клочок неба. А то окажешься вдруг в самом настоящем... карстовом гроте, причудливо освещенном совсем неземными красками. Грот уходит глубоко под землю, и полез бы, посмотрел, что там дальше, но – только ступнешь, как рушится все под ногами и проваливаешься чуть не по пояс в зыбкую и влажную «рапу». Соляное болото... На многие сотни метров ниже уровня моря прорезают грунтовую толщу такие зыбкие окна-пещеры.

Не рискуя заживо превратиться в соляную мумию, я выбираюсь из грота на земную твердь и, осторожно раздвигая заросли, поднимаюсь вверх по балке. Как же крут подъем! Приходится местами подтягиваться на руках, а балке все не видно конца... Цаган-хак – по-калмыцки «белый нож». Балка и впрямь похожа на узкий и длинный нож**, рассекающий берега. А поближе к солнцу, в тени карагачей – пестрый ковер лилий, привядших тюльпанов. И каждый шаг мой беспокоит то выводок куропаток, то ящериц или ужей. А в одном месте набрел я на орлиное гнездо и, вовремя заметив птенцов, свернул от греха подальше в сторону, пока не вернулась мать-орлица... Когда рассказывал я потом о своей встрече Микитенко, тот сказал добродушно:

– Где ж им еще гнездиться-то, орлам? По балкам они и живут... А что птенцов не тронул, молодец. Нужная в наших краях птица, сусликам она ходу не дает. И с людьми дружит...

Я начал было рассказывать старику про точеные лилии, а он вдруг махнул рукой:

– Лилии это что... Про черные розы ты слышал когда-нибудь?

– Черные? – переспросил я.– Это здесь, на Маныче? Старик согласно кивнул.

– Это каракуль так называют. «Кара» – значит «черный», куль – «роза», – и, увидев на моем лице разочарование, добавил:

– Цветок у нас в степи двух дней не проживет, солнце его вмиг спалит, а черная роза всех нас пережить может, и внуков наших, и правнуков...

Легенда о черной розе

В тот вечер старик рассказал мне старое предание, слышанное им, наверное, еще от деда: ведь случилось это так давно, что люди, как выразился он, со счета сбились. В ту пору пролегал через манычские степи караванная тропа в далекий Багдад и Согди-ану, и ходили по этому великому пути купцы в заморские страны. Но однажды нахлынули в эти края чужеземцы и предали они все огню и мечу. Храбро бился с пришельцами народ, и самым отважным среди джигитов был юноша-чабан. За это и полюбила его дочь ханского садовника, красавица из красавиц. Однажды ее отец сказал юноше:

– Ты хочешь увести в свою кибитку мою Алтын-Гуль, мой золотой цветок, утеху моих глаз?.. Но обычай нашего племени требует выкупа. Что я получу взамен моего цветка?

** В этих местах есть и озеро под таким же названием.

– Все, что пожелаешь! – ответил запальчиво юноша.

– Безумец! – отпрянул от него ханский садовник. – Разве можешь ты исполнить мое желание? Я всю жизнь бьюсь над тем, чтоб вырастить для моего владелина черную розу, но так и не вкусил сладость удачи.

– Не минет и пяти лун, как я принесу тебе черную розу, – ответил юноша...

На ущербе пятого месяца он пришел во дворец и расстелил у ног пораженного садовника черную шкуру с завитками доселе невиданной красоты. Это и был каракуль, черная роза степей...

Я терпеливо слушал рассказ старого чабана, зная, что он может говорить часами, прежде чем сообщит что-то самое главное, о чем собирается поведать. А Микитенко не торопился, отхлебнул из пиалы калмыцкого чая, закрыл глаза и долго молчал, будто вспоминая о чем-то. Я думал, он уже начал дремать, и хотел побеспокоить его. Но старик опередил меня сам:

– Знаешь, что такое сур? Видел?.. Нет, ты не видел сур, не знаешь, что такое сур. Это цветной каракуль. Есть золотистый сур – он вобрал в себя лучи нашего жаркого солнца. Есть сур серебристый – он светится ночью. Есть пепельно-бронзовый сур... Чабан должен знать травы, чтобы пасти овец. Это как садовник... Нет, как инженер, как художник...

«Знать травы»... Я не раз слышал это от Микитенко, когда приезжал к нему в гости. Для человека, не знакомого с чабанскими «секретами», может показаться, что ничего особенного здесь нет. Паси себе и паси овец. Стравил траву в одном месте, перегоняй на другое. Скучное, словом, занятие... А оказывается, это вовсе не так. Именно в траве заложена та волшебная сила, от которой зависит, хороший выйдет каракуль или плохой. Будет много травы жусан, значит, каракуль получит блеск и эластичность. Травя ерек влияет на завиток. Если ее в избытке – завиток получится четким, а отлив – муаровым. А не хватит ее – завиток скручивается «штопором». И нигде, кроме как на пустынных пастбищах, оказывается, невозможно получить отличный мех каракуля – ни на приречных лугах, ни на предгорных пастбищах...

До поездки на Маныч приходилось мне слышать иной раз: Овца растет как щавель». Чабану остается-де отсиживаться зимой в теплой кошаре, а летом – в холодке, а если есть у него еще и хорошие собаки – спать без просыпу. Не так-то это в действительности. И чабан теперь уже не одинокая фигура в степи с герльгой в руках. Настоящий чабан – это технолог, инженер-организатор сложного процесса, и не каждому могут доверить отару.

Жил еще недавно в здешних краях, в селе Раздольном, человек, оставивший добрую память о себе. Не было у него ни больших наград, ни высоких должностей. Просто занимался крестьянским делом – пас овец. А к нему приезжали со всех концов страны: и чабаны, и зоотехники, и даже ученые – и все за советом, за опытом. Звали этого человека Николай Иосифович Костенко, в Раздольном ему поставлен памятник.

Памятник чабану Костенко

Костенко знал Маныч и Черные земли как свои пять пальцев. После войны, когда овцеводство переживало в этих местах бурную пору переустройства, Костенко стал пионером большого начинания. Стада грубошерстных овец с трехкилограммовыми настрига-ми шерсти в результате кропотливой селекционной работы превращались в высокопродуктивные тонкорунные отары. Самые смелые

эксперименты, самые сложные опыты проводились под руководством ученых-лекционеров на ферме Костенко. Уже в 50-х годах многие отары имели шести-семикилограммовое руно. По тем временам такой результат превосходил самые дерзкие прогнозы энтузиастов тонкорунного овцеводства. Поистине талантом ученого, упорством первооткрывателя обладал Костенко, всей жизнью своей доказавший высокую значимость и огромную важность чабанского труда.

Костенко ушел из жизни, но осталось его дело. Остались памятью о нем строки во всех справочниках по овцеводству: «Лучшие стада советских мериносов на Северном Кавказе находятся в колхозах имени Ленина и «Заветы Ильича» Ремонтненского района Ростовской области...» Сегодня уже полмиллиона чистопородных мериносовых овец насчитывает ремонтненская отара, и каждый год дает она для камвольных комбинатов по три – три с половиной тысячи тонн добротной тонкорунной шерсти. Много это или мало, можно судить хотя бы по тому, что этого сырья хватит, например, для ткани на 50 миллионов мужских костюмов. Каждого пятого жителя нашей страны можно одеть в костюм, который «вырос» в одном-единственном приманычском районе...

Худая овца – худая шерсть, говорят чабаны. Все это так. Но сложность-то вся в том, что последние несколько лет были очень засушливыми, и это резко снизило продуктивность естественных пастбищ. Трав на корм сеют немало, но урожаи их тоже низки. Так возникла диспропорция между уровнем развития овцеводства и кормовой базой. Приходится завозить в степь концентраты, посылать бригады на заготовку камыша и веточного корма, что обходится, конечно, в копейку. Не случайно делается сейчас ставка на индустриализацию кормопроизводства: в хозяйствах начинается строительство мощных кормоцехов, а в районном центре – межколхозного комбикормового завода. Возводится и гигантский овцеводческий комплекс. Тот, которым похвалялись внуки Микитенко...

И все-таки чабанский труд – это наука. Дело ведь не в одних кормах и хороших помещениях. Важно и как отбивка молодняка пройдет, и когда новая отара будет из сакмана*** сформирована (а у иных чабанов двойной сакман: овцематки с двойнями отдельно, а овцы, что по одному ягненку принесли, тоже отдельно), и элитная работа. А уж сколько достается чабану, пока «жатва» для него наступит: и бураны, и зной, и гололедица... Прежде, рассказывал мне Микитенко, единственной защитой от «астраханца» были переносные трехметровые ворота с двумя огромными крыльями из брезента, их «парусами» называли. Соберет чабан, бывало, отару под таким затишком, а вьюга так снежными сугробами укроет ее, что ни овец, ни чабана не видно...

И наверное, не будь Черных земель, не выжили бы на Маныче отары. Каждый год поздней осенью, случается, уже по первому снежному насту движутся к Прикаспию миллионные отары овец. Черные земли – для них спасение. Они и зовутся Черными потому, что до самой весны не знают снега.

В долине Маныча, по преданию, запряган клад хана Батыя.

Батый награбил в разбойных своих походах так много золота и драгоценностей, что не знал им цены. Он приказал отлить из этих сокровищ золотых коней и подарил внуку Берке. На Волге Берке построил себе новую столицу – Сарай-Берке, собрав со всего света самых искусных мастеров. Золотых коней – подарок деда – он поставил у главных ворот новой столицы, и иноземные купцы,

---

***Сакман – стадо ягнят.

приезжавшие в Орду с товарами, называли их волшебным дивом: нигде в мире не было подобного.

После битвы на Куликовом поле Мамай бежал с позором в Сарай-Берке и там умер. В могильный курган положили вместе с ханом одного из золотых коней. А второй конь достался русичам. Ворвались они в Сарай-Берке и захватили там богатый трофей – золотого коня с изумрудными глазами. Когда ордынцы собрались с силой и отправили за русичами погоню, было уже поздно: спрятали они свой трофей в одной из степных речек. Но погибли все они в бою, и тайна погибла с ними. С тех пор и не могут отыскать заветный клад.

А был ли на самом деле клад Батыя? Может быть, летописи донесли к нам попросту плод фантазии предков? Может быть, золотые кони олицетворяют те несметные богатства, что исчезли неведомо куда после крушения Орды? Что ж, и такая версия имеет право на существование. Да и всякий ли курган воздвигнут был людьми?

К северу и северо-востоку от озера Маныч-Гудило стелется ровная, как чертежный стол, равнина. Она кажется беспредельной и в середине лета утомляет однообразными серыми красками. Серебристо-пепельная полынь, серовато-зеленые верблюжки колочки да еще солянки – те, что меняют в осеннюю пору цвет мясистых листьев-подушечек, – вот, наверное, и все, что может свидетельствовать здесь о победе жизни в тяжелой борьбе за воду.

Загадки Бугров Бэра. Поющая гора.

Но вот монотонную равнину пререзают вдруг продолговатые холмы очень правильной формы, схожие с формой... хлебных батонов. Что это? Следы неведомых нам трудов предков? А может, даже инопланетных гостей? Параллельными рядами тянутся они с востока на запад, и расстояние между ними различное – от двухсот метров до полутора километров, ширина каждого – не больше 250 метров, а длина самая различная – от полукилометра до десяти и даже двадцати километров. Высота примерно одна и та же – от семи до десяти метров.

Это – бугры Бэра.

Они начинаются уже близ города Пролетарска и доходят почти до самого Каспия. Назвали их Бэровскими по имени знаменитого путешественника и естествоиспытателя Карла Максимовича Бэра (1792 – 1876), впервые обследовавшего загадочное это явление маньчской природы.

Ближе к Каспию встретишь и треугольные бугры, вершины их вынесены далеко на запад, а основания подходят к самой дельте Волги. Рассказывают, что можно увидеть их и на левобережье Волги, на дельтовых островах. Древняя Астрахань строилась на таких буграх. Столица Хазарского царства Итиль, разрушенная киевским князем Святославом в 965 году, тоже стояла на буграх Бэра.

Карл Бэр первым описал их с фотографической точностью и высказал гипотезу о причине возникновения бугров. Он объяснял это явление геологической эрозией, размывом горных пород водными потоками. Каспий некогда сообщался с Черным морем, и уровень этого общего замкнутого бассейна был выше уровня Мирового океана. В результате геологической катастрофы, возможно землетрясения, преграда, отделявшая Черное море от океана, рухнула, и черноморские воды в свою очередь катастрофически устремились в океан. Резкое понижение уровня Черного моря повлекло за собой стремительное течение вод Каспия. Массы воды прорыли борозды в мягком дне. Дальнейший сток воды, шедший

по бороздам, углублял их. Нетронутые участки между бороздами после спада каспийской воды выступили в виде бугров.

Теорию Бэра поддерживал известный геолог, горный инженер и ученый Н. П. Барбот де Марии, удостоенный за исследования калмыцких степей золотой медали Географического общества.

Но гипотезу Бэра поддерживали далеко не все ученые. В их числе был и И. В. Мушкетов (1850 – 1902), который выдвинул иную теорию. Он считал, что бугры, расположенные в степи, являются старыми морскими дюнами, закрепленными временем и скудной, но цепкой и живучей растительностью. Другие ученые искали объяснение происхождению бугров Бэра в той отрасли науки о Земле, которая, занимаясь изучением строения земной коры, интересуется закономерностями ее движений и деформаций (растяжением, сдвигами, сжатиями и т. д.), – в тектонике.

И вот что еще любопытно. Интерес к буграм Бэра проявляется со стороны представителей самых различных и порой неожиданных профессий и специальностей. Интересуются ими, например, бахчеводы и агрохимики. Самые лучшие сорта арбузов в Калмыкии и в Астраханской области получены... на буграх Бэра. Слагающие эти бугры глины и суглинки – исключительно добротное сырье для керамической промышленности. Тщательно обследуют бугры Бэра и археологи: ведь именно здесь остались следы древних поселений.

Для археологов особенно удачным оказался 1974 год. На Кривой Луке – пересохшем притоке Маныча – найдены предметы, которым не было цены. Относились они к так называемой ямной культуре – одной из самых древнейших в нашей стране. Например, золотое кольцо – невзрачная с виду маленькая серьга. Дело не в художественных достоинствах серьги – они весьма примитивны, а в том, что обнаруженное погребение – современник пирамиды Хеопса. Третье тысячелетие до нашей эры... Трудно даже представить, какая это глубокая древность. На всем Европейском континенте люди тогда пользовались еще каменными орудиями, изделия из меди только-только появлялись. А здесь вдруг – золото. Можно точно сказать, что это самое древнее золото, найденное в степях Восточной Европы. Но откуда оно здесь? На этот вопрос еще предстоит ответить. Пока одно несомненно – находка внесет определенные коррективы в историю материальной культуры на территории нашей страны.

Или погребение женщины-сарматки. В ее могиле найдено большое количество различных украшений, красивые подвески из черного камня, оправленного в золото, множество бус – свыше 800, и также предметы, свидетельствующие о связях обитателей сарматских степей с греческими колониями Причерноморья: чашечка, покрытая черным лаком, амфора для вина с клеймом греческого города Гераклеи и другие.

Историки хорошо знают об этих связях. Но предметы греческого происхождения в сарматских погребениях попадаются весьма редко, тем более такие древние. Ведь манычская «амазонка» жила в IV – III веке до нашей эры!

С исследованиями археологов переплетаются научные изыскания геологов. В результате этого содружества были уточнены даты последнего наступления Каспия. Оно произошло не раньше XIV века. Азербайджанский географ и писатель Бакуни оставил сведения о том, что в 1400 году Каспий затопил часть башен и стен древней Бакинской крепости. А потом море начало быстро отступать, и, по-видимому, это отступление продолжается до наших дней.

В научной литературе можно найти сведения о том, что лишь за четверть века (1929 – 1955 годы) уровень Каспия понизился на два половиной метра, а объем его значительно уменьшился. На севере Каспия обсохли и фактически прекратили свое существование заливы Комсомолец, Кайдак, Гасан-Кули. На востоке сократилась площадь Красноводского залива и Кара-Богаз-Гола. Многие острова, подводные мели, называемые морскими «банками», стали сушей.

Море уходит, а следы его остаются. Как и бугры Бэра.

Забегая вперед, скажу о горе Большое Богдо (в переводе с калмыцкого значит «Святая гора»), что высится уже близ самого Каспия. Я увидел ее однажды вечером фиолетовой, похожей на огромного зверя, присевшего отдохнуть. Вся она сложена из песчаников – серых, голубых, бледно-розовых, зеленоватых, а также из цветных глин и мела. Высота ее – полтора метра, а увидишь гору за десятки километров. На вершине – ровная-ровная площадка, обдуваемая сильным, шквалистым ветром, даже если у подошвы горы полный штиль. В древности на площадке была калмыцкая часовня. Но самое интересное – гора... поет! Даже при умеренном движении воздуха услышишь неясный гул, похожий на бормотание. С каждым порывом ветра звуки меняются, а в штормовую погоду гул превращается в протяжный вой, свист, шум.

Объясняется это вот чем. Вся гора испещрена нишами, пещерами, каменными столбами, карнизами – плод работы ветров. Калмыки верили, будто на восточном склоне Святой горы живет дух Цаган-Эбугай, который не любит, когда к нему приходят люди, и прогоняет их своим бормотанием.